

радиопьесы мира

Падение города

американские
радиопьесы

И (Амер)
П 12

Составитель
И. Попов

**Падение города. Сборник американских радио-
П12 пьес. Пер. с англ. Сост. И. Попов. М., «Искусство»,
1974.**

256 с. (Радиопьесы мира).

Книга впервые знакомит с историей радиодрамы США на примере наиболее значительных и интересных произведений. Здесь представлено творчество одного из крупнейших американских поэтов и драматургов XX века Арчибалда Макклиша (радиопьеса «Падение города»), а также пьесы лучших американских радиодраматургов — Нормана Корвина, Арча Оболера, Нормана Ростена и других. Читатель познакомится и с радиопьесой уже известного у нас Рэя Брэдбери. Во вступительной статье дается краткий очерк истории американской радиодраматургии. Сборник рассчитан на широкие круги читателей.

И(Амер)

80107-121
П ————— 137-74
025(01)-74

© Перевод на русский язык. Издательство «Искусство», 1974 г.

Радиодрама в США

Воскресным вечером 11 апреля 1937 года миллионы американских радиослушателей после обычной рекламы товаров, чередуемой с легкой музыкой, услышали вдруг слова диктора: «Дамы и господа! Эта передача ведется из города, за которым в течение трех дней следит весь мир...»

Конечно, после таких слов слушатель должен был задержаться у приемника, чтобы узнать, что происходит в этом городе. А начав слушать, он уже не мог оторваться — в передаче, исполненной подлинного драматизма, рассказывалось о падении некоего города, о трагедии обманутого народа, попадающего под власть фашистского диктатора... И вряд ли кто из миллионов слушателей осознал в тот момент, что он присутствует при рождении нового американского радиотеатра, делающего первый шаг в свой недолгий «золотой век»...

Драматические передачи в США стали регулярно вестись с начала 20-х годов. Однако за первые полтора десятилетия своего существования они не вызвали какого-либо общественного резонанса в стране. Это объяснялось преимущественно развлекательным характером радиопередач, их мелкотемьем, которое уже тогда возводилось в принцип, в политику американского драматического вещания. Вот, например, на каких условиях проводился в 20-х годах радиостанцией в Скинектеди — самой популярной в то время — кон-

курс на лучшую радиопьесу: «Сюжет пьесы должен быть простым и никоим образом не трагивать спорных ситуаций...»

Дельцы от радио добились своего — радиодрама тех лет уклоняется от серьезного разговора на актуальные, общественно значимые темы; она старается лишь позабавить, развлечь слушателя или рассказать ему нечто назидательное в сериях «Великие события американской истории», а особенно в многочисленных «библейских драмах».

Такой же характер драматических передач руководителям сетей удается сохранить и в начале 30-х годов. По словам Эрика Барноу, крупнейшего американского исследователя истории радиовещания, в то время «ни одна из программ радиосетей не дала бы возможности гостю с другой планеты получить даже намек на то, что все эти передачи были адресованы стране, пребывающей в муках экономического бедствия. Драматическое вещание той поры почти полностью игнорировало драму времени».

Среди многочисленных драматических передач середины 30-х годов привлекает внимание небольшая пьеса «Серебряный доллар», которую написал молодой драматург Вик Найт. Название пьесы не случайно. Доллар этот как призрачный символ богатства и преуспевания, калечащий души и судьбы людей, присутствует в каждой сцене пьесы. А таких маленьких сценок много — двадцать две, и в них дей-

ствуют около тридцати персонажей, у которых из рук в руки переходит злополучная монета. Здесь и те, кто зарабатывает деньги честным трудом, и карточный шулер; здесь и священник, и проститутка, и солдат, погибающий на поле боя, и зазывала у кинотеатра, и актриса, играющая роль в дешевом фильме, и бедные молодожены; здесь и шарлатан, торгующий «верным средством от всех болезней», и карманные воры, и пьянчужки, и бродяги, и прочее жулье... И каждый тип в этом калейдоскопе непохож на других, хотя и характеризуется лишь несколькими фразами. Более того, все типы жизненно правдоподобны, и как раз это качество определило успех пьесы — ведь в эфире она звучала всего четырнадцать минут. Необходимо отметить и мастерство, с каким автор объединяет двадцать две сценки в цельное радиодраматургическое произведение, используя удачную композицию и великолепное разнообразие приемов перехода от одной сценки к другой.

Четырнадцать минут звучания радиопьесы «Серебряный доллар» утомили, однако, в море той драматизированной пошлости, которую ежедневно выпускали в эфир американские радиокomпании.

Так, в 1936 году в течение тридцати девяти недель передавался многосерийный радиовестерн Уилбура Холла «Справедливость с шестью пистолетами». В этом же году в эфире прозвучало еще несколько радиосерий, аналогичных по своей направленности: «Ночные кошмары», «Бродвейские вечера», «Перст божий». Американская радиодрама по-прежнему оставалась глухой к наиболее острым вопросам времени — кризису, безработице, фашистской угрозе, которая нависла не только над Европой, но и над самими Соединенными Штатами.

Напуганные экономическим кризисом 1929—1933 годов и ростом демократического движения в стране, реакционные круги монополистической буржуазии США по примеру Германии и Италии искали спасения в фашизации страны. Стремительно росло количество организаций, комитетов и групп фашистского типа, которых к 1939 году в США было уже около семисот пятидесяти. Намечалась явная тенденция к их объединению вокруг наиболее массовых и реакционных — Американского легиона, Черного легиона, Американской лиги свободы, Ку-клукс-клана; вынашивались планы прямых фашистских переворотов. Спекулируя на трудностях кризисных лет и затянувшейся депрессии, эти организации вели равноуданную демагогическую пропаганду, широко используя в своих целях и огромные возможности радиопропаганды. Десятки радиостанций предоставили микрофон сенатору-фашисту Хью Лонгу, рвавшемуся к президентскому креслу. До шестидесяти миллионов человек слушало регулярные радиовыступления «американского Гейбблса» — искусного демагога, фашиствующего католического священника с университетским образованием Чарльза Кофлина, бывшего другом, сторонником и проповедником идей Хью Лонга. В руках этих политических авантюристов радио становилось поистине страшным оружием.

Вспомним роман-памфлет Синклера Льюиса «У нас это невозможно», где дается сатирический портрет фашистского диктатора Бэза Уиндрипа. Именно Хью Лонг явился одним из его прототипов. Кофлин же послужил прообразом фашиствующего радиопроповедника, американского «Савонаролы в «кадиллаке» Пола Питера Прэнга. «Благодаря магии эфира, — пишет автор, — Прэнг достиг такой власти, по

сравнению с которой любая историческая корона должна была казаться жалкой мишурой».

Над своим романом Синклер Льюис работал в 1934—1935 годах, то есть как раз в то время, когда американская реакция стремилась сделать радио основным рупором своей пропаганды. И эта тенденция отразилась в публицистической книге Льюиса — на страницах романа неоднократно говорится о том, как используют в своих целях радио-пропаганду американские фашисты.

Передовая Америка активно боролась против фашизма в своей стране, поддерживала антифашистскую борьбу в странах Европы. Это антифашистское движение оказало огромное воздействие на все демократическое искусство США 30-х годов; в значительной степени оно обусловило и появление нового американского радиотеатра.

1937 год был отмечен наивысшим подъемом рабочего и фермерского движения в США, наибольшей общественной активностью творческой интеллигенции (особенно возросшей в связи с событиями в Испании и проходившим в июне вторым съездом американских писателей); в это время в полную меру окрепло демократическое и пролетарское искусство. Это был также год, когда радио становится ведущим средством массовой информации и пропаганды в стране. И симптоматично, что именно в это время возник тот американский радиотеатр, который стал одним из важнейших явлений в общественной и культурной жизни страны в предвоенные годы и в период второй мировой войны.

Множество причин способствовало расцвету радиотеатра. Прежде всего, демократическая общественность требовала резкого улучшения содержания и качества драматических передач. Среди других причин можно назвать

и высокие цены на книги, и их мизерные тиражи, и невозможность купить книгу в провинции, и плохое библиотечное обслуживание — в то время около пятидесяти миллионов американцев (больше трети населения!) было лишено самой возможности пользоваться библиотеками, ибо их не было ни в маленьких городах, ни тем более в сельской местности.

«Самое главное — это проблема аудитории, — писал в предисловии к своей радиопьесе «Падение города» один из крупнейших американских поэтов и драматургов XX века Арчибалд Макклиш. — Радио, конечно, не дает того непосредственного ощущения живой и темпераментной аудитории, как это бывает в «левых» театрах. Но радиопередачу услышит бесконечно большее число людей... А уже одно это должно глубоко волновать американского поэта, настоящая трагедия которого — в его изоляции от аудитории, способной предъявить к нему самые высокие требования.

Так, в поисках путей к наиболее широкой аудитории, прогрессивные писатели Америки пришли на радио.

Это было новаторство, рожденное временем. И оно стало возможным лишь потому, что одним из следствий классовых и социальных битв 30-х годов была заметная (хотя и оказавшаяся недолгой) демократизация американской печати и радио, в результате чего прогрессивные писатели страны получили доступ на радио и возможность посредством радиоскусства заявить о самых актуальных проблемах своего времени.

Боевое радиоскусство, возникшее в Соединенных Штатах, было одним из завоеваний мощного демократического и антифашистского движения, охватившего страну в кризисные 30-е годы.

Рождение нового американского радиотеатра было озаглавлено передачей радиопьесы Арчи-

бальда Маклиша «Падение города». Транслировалась пьеса радиостанциями крупнейшей вещательной сети США «Коламбия бродкастинг систем» (Си-Би-Эс).

Передача вызвала множество откликов. И не удивительно — впервые в Америке в эфире прозвучала пьеса, написанная для радио известным поэтом и драматургом, пьеса, посвященная одной из основных проблем времени — угрозе фашизма.

В том же 1937 году эта пьеса передавалась в Англии; вероятно, это была первая американская радиопьеса, поставленная за рубежом.

Маклиш был активным участником антифашистского движения. В августе 1935 года в передовой статье антифашистского номера журнала «Нью Тизтр», озаглавленной «Театр против фашизма и войны», он писал: «Очевидно, что рано или поздно народ нашей страны окажется перед выбором — и одной из дорог будет фашизм... Против фашизма выступят все те писатели, чей голос нельзя купить за деньги».

Вместе с другими крупнейшими писателями США Маклиш подписал призыв о проведении съезда американских писателей, посвященного задачам борьбы против фашизма и войны. Он председательствовал на этом съезде в первый день его работы (4 июня 1937 года) и выступил сам со страстной речью о необходимости сплочения всех прогрессивных сил против угрозы фашизма в Европе и в самих Соединенных Штатах, а также для оказания помощи героической борьбе испанского народа.

Антифашистская тематика занимала в то время значительное место в творчестве Маклиша. Однако ни одно из его антифашистских выступлений не получило такого резонанса в стране, как передача радиопьесы «Падение города».

В поэтической радиодраме Маклиша много условностей и символы. Здесь нет ни точных исторических дат, ни определенных географических названий. Если судить по внешним приметам — по описанию площади, храма, жрецов, — то в пьесе, как и в ранее написанной Маклишем поэме «Конкистадор», повествующей о захвате Мексики испанскими конкистадорами, действие происходит в средневековой Мексике. О том же свидетельствует и начальная сцена пьесы с пророчеством мертвой женщины, целиком основанная на мифах ацтеков.

Подобная иносказательность могла быть продиктована и цензурными соображениями, поскольку американское вещание той поры старалось исключить из своих программ антифашистскую тематику, равно как и другие «спорные проблемы»: забастовочное и фермерское движение, политические преследования, расовый вопрос, религию — если она рассматривалась в социальном или атеистическом аспекте.

Дело, однако, не только в цензуре, но и в самом характере творчества Маклиша, в его стремлении к философской общности, к раскрытию не отдельного события, а самой сути явления. Угроза фашистской агрессии проецируется в пьесе на колониальный разбой средневековья. И в этом отразилось *общее* отношение Маклиша к захватнической политике, к самому миру империализма, порождающему такие явления, как война и фашизм, массовое уничтожение людей и угроза гибели человеческой цивилизации.

Слово «фашизм» ни разу не встречается в тексте пьесы. Но созданная Маклишем картина настолько красноречива и недвусмысленна, аллегории его так прозрачны, что ни у слушателей, ни у критиков не возникло на

этот счет никаких сомнений. «Невозможно не увидеть в пьесе ее общей антифашистской направленности», — говорилось в рецензии, опубликованной в журнале «Нью Мэссиз»; и, желая подчеркнуть именно эту политическую направленность пьесы Маклиша, свою статью о ней критик так и озаглавил: «Поэзия, радио и антифашизм»*.

Действие пьесы происходит на площади, где за несколько часов до падения города собралось все его население, включая правителей. Звучат голоса и речи разных людей. И в словах этих безликих персонажей слышится грозная и страшная *правда времени*. Угроза наступления «завоевателя», отмечающего свой путь кровью убитых людей и пеплом сожженных городов, капитулянтская суть демоagogических рассуждений о свободе, об «умиротворении» агрессора, широкое распространение идей пацифизма, усиленно насаждаемых буржуазной пропагандой, — все это явления, характерные для общественной жизни тех лет.

Особого внимания заслуживает изображение Маклишем ораторствующих священников как пособников фашистской агрессии (вспомним хотя бы радиопроповеди Чарльза Кофлина!), ибо из всех «табу», существовавших и существующих в американском радиовещании, ни одно не соблюдалось столь неукоснительно, как в отношении каких бы то ни было попыток разоблачения реакционной сущности религии. Подчеркивая опасность религиозной пропаганды, Маклиш показывает в пьесе, что усилие церковников были не напрасны. Люди поддаются их уговорам и не только не помышляют о борьбе, но даже готовы принести завоевателю добровольную человеческую жертву...

В этот момент — кульминационный момент пьесы — на площади звучит наконец призыв к активной борьбе, к сопротивлению, к отпору агрессору. Но завоеватель уже вступает в город. Начинаются пожары, дым заволакивает площадь, людей охватывает паника, и в общем шуме, криках и давке постепенно теряется и этот последний клич к борьбе...

Город обречен. Падение его неизбежно. И падение это представлено в пьесе как трагедия обманутого народа, как результат предательской, капитулянтской политики правителей, сумевших подчинить народ своим интересам. Однако и сами правители города, подобно большей части его населения, находятся в плену той пропаганды, которой сопровождается наступление завоевателя, в плену «молвы о победах», что «пожаром степным идет перед ним». И неожиданный финал пьесы лишь подчеркивает опасность этой пропаганды, деморализующее ее воздействие.

Завоеватель оказывается бестелесным металлическим чудовищем, «пустым комплектом доспехов», а еще точнее, по словам американского критика Оливера Ларкина, «фантастической конструкцией из человеческого страха». Деморализующий этот страх усугубляется у правителей города страхом перед собственным народом, видящих в них «предателей», «бездельников», «болтунов». В совокупности этот страх и ведет правителей города к измене своему народу, к пособничеству агрессору, к капитуляции без боя...

«Англюс Австрии явил поразительный пример того, как действительность может имитировать искусство», — писал в 1938 году о пьесе Маклиша Оливер Ларкин. Но за Австрией по-

* David Wolf, Poetry, Radio and June 1, p. 22.

Anti-Fascism. — "New Masses", 1937.

Однако некоторые из них справедливо отмечали и ограниченность этой прозорливости. Слишком пассивен и безволен в изображении Маклиша народ, слишком податлив он на уговоры, слишком склонен к бездумному послушанию.

заканчивает рассказ о падении
города комментатор.

В золотой фонд демократического литературного течения 30-х годов творчество Маклиша вошло прежде всего благодаря гневному обличению античеловеческой сущности капитализма и его чудовищного порождения — фашизма.

Значение пьесы Макклиша как произведения радиоискусства состояло уже в том, что основным

Пьеса эта была своеобразным *радиомитингом*, пьесой идей. Персонажи в ней безлики (диктор, гонец, оратор, жрецы, генерал) — они — лишь рупоры идей, характерных для общественной жизни страны тех лет. Конфликт этих идей и составляет основу пьесы. В ней нет конфликтов индивидуальных. Пьеса создавалась для того, чтобы предупредить о реальности угрозы фашизма и чудовищных последствиях фашистского господства, чтобы показать, к чему ведет благодушие, попустительство агрессору, тактика непротивления; чтобы пробудить в людях именно те мысли и чувства, которые *подняли* бы их на борьбу с фашизмом.

В пьесе «Падение города» немало и внешнего действия, зрительных сцен, но все они второстепенны по своему характеру, к тому же очень просты и доступны для понимания — от подобных сцен не отказываются и современные радиодраматурги. Тем более не было оснований избегать их в 30-е годы, когда радио было монополистом эфиря, а «детская болезнь» радиодраматургии проявлялась как раз в том, что авторы нередко старались «показать» действие радиопьесы «не хуже, чем в театре».

10

других, использует для этого средства *собственно радио*. О всех событиях на площади мы узнаем из *радиорепортажа*, который ведется отсюда на всем протяжении пьесы. Только опыт журналистской работы мог подсказать Маклишу такой простой и эффективный способ композиционного оформления пьесы. Естественные разговорные интонации комментатора, точность его рассказа, внимание к деталям лишь усиливают восприятие его речи как своеобразного поэтического репортажа.

Не удивительно, что в предисловии к пьесе Маклиш особое внимание уделяет роли комментатора, считая ее необходимой и естественной в радиопьесе и видя огромные возможности использования этого «драматического персонажа, известного со времен греческого хора».

События на площади представлены в пьесе как бы в момент их свершения, а постоянство места и непрерывность во времени дают возможность комментатору по ходу пьесы все чаще от описания действия переходить к его осмыслению. Таким образом, в основе построения пьесы лежал наиболее действенный в радиожурналистике *метод прямой передачи*.

А сам монтаж пьесы — чередование или совмещение репортажа с голосами людей на площади, их речами, криками, шу-

мом толпы — становился ее *драматургией* *.

Маклиш первым из крупнейших писателей США почувствовал наступление «века радио» и использовал радиодраматургию для выражения своих наиболее значительных творческих замыслов. Он видел в радиотеатре общественную трибуну. Передачей пьесы «Падение города» открывался новый этап в истории американского радиотеатра — пора боевого радиокислуса.

В то время к радиодраматургии обратились многие передовые писатели Америки, те, кто хотел говорить непосредственно с народом. Радио было для этого наилучшим средством. Оно проникло почти в каждый американский дом; люди слушали его, по словам Уильяма Сарояна, «дни и ночи напролет, боясь пропустить что-нибудь важное...».

Пьесы для радио начинают создавать многие известные поэты и драматурги США — Стивен Винсент Бене, Уильям Сароян, Альберт Мальц, Ирвин Шоу, Шервуд Андерсон, Альфред Креймборг, Марк Коннелли, Роберт Шервуд, Поль Грин, Самсон Рафаэльсон, Лэнгстон Хьюз, Эдна Миллей, Максвелл Андерсон. В то же время на радио приходит поколение молодых поэтов и драматургов — Норман Корвин, Арч Оболен, Норман Ростен, Миллард Лэмпелл, Джон Лятуш и многие другие, для которых ра-

* Мастерским использованием драматургических приемов, разработанных Маклишем (с добавлением некоторых новых деталей — интервью, экстренный выпуск новостей, — подсказанных уже самим *методом прямой передачи*), и, конечно, тем обстоятельством, что место высадки марсиан было перенесено на восточное побережье Соединенных Штатов, во многом объясняется то необычайно сильное воздействие, которое оказала на американскую аудиторию радиопостановка по роману Герберта Уэллса «Война миров», вызвавшая аномальную панику 30 октября 1938 года.

Постановку эту осуществил молодой актер и режиссер Орсон Уэллс, отличный знакомый с драматургическими особенностями радиопьесы Маклиша, — он и был исполнителем роли комментатора при трансляции этой пьесы в апреле 1937 года.

диодраматургия стала основным видом творчества.

Вместе со всем демократическим и пролетарским искусством 30-х годов радиотеатр вступал в пору своего расцвета.

Пьесы для радио стали издаваться в виде отдельных книг, антологий, авторских сборников; регулярно включались они в сборники одноактных, а иногда и лучших театральных пьес. Некоторые постановки передавались одновременно всеми крупнейшими радиостанциями страны. Популярный в те годы автор радиопьес Арч Оболер заметил по этому поводу, что за какие-нибудь полчаса радиодраматург может иметь большую аудиторию, чем Шекспир за всю свою жизнь...

Особенным успехом пользовались те радиопьесы, которые затрагивали проблемы, волнующие миллионы людей. Слушатели ждали от театра в эфире правды о жизни американских трудящихся и бедняков, о безысходном положении безработных (в 1938 году безработица в США охватила почти 17 миллионов человек). И такие пьесы появлялись теперь все чаще и чаще, — после «Рыжеголового Бейкера» Альберта Мальца в январе 1938 года была передана написанная в брехтовской манере пьеса прогрессивного поэта и драматурга Альфреда Креймборга «Дом, который не выстроил Джек», а вслед за ними были созданы «Вопрос жизни и смерти» Леопольда Атласа, «Легенда о пыли» Дуайта Стрикленда, «Песня ткачей» Шервуда Андерсона, «Королевский марш» и «Тучи и пламя» Чарльза О'Нила.

Проникнутая духом борьбы против социального и расового угнетения радиопьеса Чарльза О'Нила «Тучи и пламя» была написана по мотивам одноименного рассказа Ричарда Райта из его книги «Дети дяди Тома» (1938). Как и в бунтарской новелле раннего Ричарда Райта, в

пьесе рассказывалось о бедственном положении негров, об их отказе мириться с судьбой полурабов, о дикой расправе фашиствующих расистов над лидерами негритянского движения, о том, как растет в негритянском народе сознание своей силы и понимание необходимости сплочения всех бедняков — черных и белых — в борьбе за свои права. Отметим, что эти проблемы остаются самыми актуальными в сегодняшней Америке.

Радиоинсценировка литературного произведения, если она написана с учетом специфических особенностей радиоискусства, ничем не отличается от радиопьесы. К инсценировкам охотно обращались крупнейшие американские радиодраматурги Корвин и Оболер. Произведениями радиоискусства были многочисленные инсценировки Орсона Уэллса и Эдварда Голдбергера. То же самое можно сказать и о радиоинсценировках Чарльза О'Нила.

История радиодраматургии свидетельствует о том, что инсценировка, как и оригинальная радиопьеса, неизменно вызывала широкий общественный резонанс, если радиодраматург при выборе произведения для инсценировки руководствовался не только соображениями радиофоничности текста, но прежде всего искал в этом произведении (независимо от времени его создания) *созвучия* с острейшими проблемами и тревогами современности.

Беспощадное разоблачение антинародного характера буржуазного строя стало лейтмотивом многих пьес, создаваемых для радио. Так, «больным» вопросам американской действительности посвятил свои радиопьесы «Неопознанные» и «Назад, в 1960-й!» драматург Юджин Мур. В «Неопознанных» рассказывалось о трагической судьбе трех юношей, которые бродяжничают по Америке в поисках работы и, по словам одного из них, «человеческой

жизни». И не случайно перед самой гибелью всех троих один из ребят читает своим друзьям знаменитое поэтическое «Завещание» Джо Хилла...

О трагедии безработного юноши рассказал в своей радиопьесе «Спросите кого угодно» Бенджамин Аппел. Желание хоть как-то заработать немного денег и помочь своей бедствующей семье приводит героя пьесы Джонни, хорошего сына и брата, отличного специалиста-механика, оставшегося без работы, к знакомству с бандитами, к невольному соучастию в ограблении и убийстве. Его ждет электрический стул...

Тема насилия и убийства обычна в американском искусстве, ибо преступность давно стала массовым явлением в жизни американского общества. Однако в подавляющем большинстве произведений на эту тему акцент смещен либо на описание техники самого преступления и ужаса содеянного, либо на занимательность поиска преступника, либо на «вечный инстинкт убийцы» в психике человека.

В радиопьесе «Спросите кого угодно» основное внимание уделяется социальным мотивам преступления, изобличению буржуазного общества, по самой своей природе порочного и губительного для личности. И этим пьеса Аппела продолжила традицию драйзеровской «Американской трагедии».

Тяжкие испытания молодой американской семьи в годы кризиса и безработицы явились темой радиопьесы Арнольда Мэйнофа «Телеграмма с неба». Но главным в этой пьесе было становление характеров героев, их возмужание, укрепление в них чувства человеческого достоинства.

Построена пьеса как размышление о жизни, как исповедь, с которой героиня обращается к людям. Исповедь эта сопровождается игровыми эпизодами, в кото-

рых участвует и сама героиня. Поэтому сцены органически связаны с монологом и звучат в том же эмоциональном ключе. Подобная форма радиопьесы, одна из самых излюбленных у радиодраматургов, предполагает в слушателе внимательного и чуткого собеседника; она заранее рассчитана на установление душевного контакта между героем и аудиторией, на атмосферу сердечности и интимности, столь характерную для радио вообще. И чтобы усилить эту иллюзию доверительной беседы, ведущие персонажи в подобных пьесах иногда непосредственно обращаются к слушателю, как это делает и героиня пьесы Мэйнофа (Телеграмма с неба).

Как видим, многие радиопьесы посвящались проблеме молодого поколения американцев, для которых трудности кризисных лет явились первой жизненной школой.

Чаще всего это объяснялось возрастом самих радиодраматургов. В большинстве своем это были молодые авторы, сами испытавшие те же лишения и невзгоды, что и герои их произведений. Но и писатели старшего поколения (например, А. Креймборг) охотно обращались в своих радиопьесах к проблемам молодежи, наиболее остро и болезненно воспринимавшей противоречия между только что усвоенными в школе прописными фразами о достоинствах «американского образа жизни» и той реальной действительностью, с которой ей приходилось сталкиваться, вступая в самостоятельную жизнь.

К теме молодежи естественно примыкала и «детская» тема. Античеловеческий характер буржуазного строя в его повседневных, примелькавшихся для взрослых проявлениях становился вдруг пронзительно ясным и чудовищно несправедливым в восприятии ребенка.

Так, главным героем радиопьесы Поля Грина «Первый шаг», повествующей о судьбе негров-бедняков в южных штатах страны, был мальчик Бобо, который впервые в жизни выехал с отцом на «взрослую» работу — заготовлять дрова для белого господина. Но тот прогоняет отца, глумясь над ним и его старой, постоянно ломающейся телегой. Отец молчит, вымещая свою горечь и обиду на мулу. А маленький Бобо впервые осознает противоестественность происходящего. Его возмущает и поведение белого господина и поведение отца, который молча терпит оскорбления и несправедливость...

Радиодраматургия тех лет была довольно богатой в жанровом отношении. В творчестве А. Маклиша, А. Креймборга, Ш. Андерсона, С.-В. Бене, Н. Ростена актуальность тематики п публицистическая заостренность в подаче материала сочетались с широтой повествования, что было своеобразным проявлением в радиодраматургии общей для американской литературы 30-х годов тенденции к эпически масштабному изображению жизни американского народа.

Художественное освоение специфики радиоикусства плодотворно велось и в тех жанрах, где основное внимание уделялось раскрытию душевного мира героя. Здесь наибольшее распространение получил принцип повествования от первого лица с его безграничными возможностями для психологической характеристики персонажей. К подобной форме очень часто обращался Арч Оболер, автор нескольких сотен радиопьес. Охотно использовали ее и другие американские радиодраматурги, также тяготевшие к жанру психологической драмы.

Многочисленные формы и приемы повествования от первого лица, зачастую почти или совершенно не передаваемые визуаль-

но, позволяют раскрыть самые тонкие движения человеческой души, динамику внутреннего действия пьесы — основы основ в специфике радиоикусства.

Поступавшие в Америку известия о преступлениях фашистов в Европе, массовая политическая эмиграция из Германии, а также активная деятельность в самих Соединенных Штатах организаций и групп фашистского типа, находящихся поддержку у реакционных сил в стране, делали одной из самых актуальных в американской литературе антифашистскую проблематику.

С антифашистской темой пришли в большое радиоикусство многие молодые радиодраматурги — Н. Корвин, Н. Ростен, А. Оболер, У. Меррик, М. Лэм-пелл.

Обращение к антифашистской тематике было неизменно плодотворным для деятелей литературы и искусства. Осмысление проблем антифашистской борьбы вело писателей критического реализма к значительному обогащению творческого метода, к созданию их лучших произведений.

Особое место в антифашистской литературе 30-х годов заняла тема национально-революционной войны в Испании. Среди американских писателей, обратившихся к теме героической борьбы испанского народа, были Эрнест Хемингуэй, Теодор Драйзер, Альва Бесси, Эптон Синклер, Джон Говард Лоусон, Дороти Паркер. В золотую книгу американской поэзии, непосредственно откликнувшейся на события в Испании, вошли стихи Лэнгстона Хьюза, Женевиевы Таггард, Эдвина Рольфа, Арчибалда Маклиша, Нормана Ростена и многих других поэтов.

Война в Испании нашла свое отражение и в целом ряде произведений американской радио-

драматургии — пьесе А. Маклиша «Воздушный налет», «Они летят по небу» Н. Корвина, «Прометей в Гранаде» Н. Ростена, «Забытые под дождем» У. Меррика... Особого внимания заслуживает «Прометей в Гранаде» Нормана Ростена.

В 1936 году, когда начался фашистский мятеж в Испании, Ростену было двадцать два года. Он окончил бруклинский колледж и работал механиком в гараже. В том же году, по признанию самого Ростена, он начал писать стихи. Среди других молодых поэтов Ростен выделялся прежде всего серьезностью и масштабностью поэтических тем, демократическим пафосом творчества. Следуя примеру Маклиша, Ростен начинает создавать поэтические радиодрамы. Всего в предвоенные годы и за время второй мировой войны он написал около двадцати антифашистских радиопьес. И лучшей среди них была «Прометей в Гранаде», пьеса, посвященная памяти великого поэта Испании Федерико Гарсиа Лорки, убитого фашистами 19 августа 1936 года. Пьеса эта проникнута пафосом *революционного сопротивления фашизму*.

Прометей у Ростена — это и Лорка и героический народ Испании, первым вступивший в бой с фашизмом. В центральной сцене расстрела поэта два мира встречаются лицом к лицу; в этом столкновении побеждает мир добра и справедливости, мир света и поэзии — мир Лорки, и вся пьеса поэтому приобретает звучание *оптимистической трагедии*.

Ответом на рост демократического движения в США явилось усиление в конце 30-х годов политической реакции в стране, раздувание антикоммунистической и антисоветской истерии. Создан-

ная конгрессом США Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности во главе с конгрессменом от штата Техас М. Дэйсом начала открытый поход против прогрессивных сил Америки.

Главной творческой задачей прогрессивных радиодраматургов, как и всех честных писателей Америки, стало осуждение политической реакции в стране, борьба в защиту гражданских свобод.

В высшей степени симптоматичным и политически актуальным было появление в радиодраматургии этого времени темы сейлемской трагедии конца XVII века, когда пресловутая «охота на ведьм» привела к массовой истерии, всеобщей подозрительности, страху и доносам, к гибели многих невинных людей в этом маленьком городке в штате Массачусетс...

В радиопьесе Уилфрида Петти-та «Сейлемский кошмар» мастерски передана эта расчетливо инспирируемая атмосфера массового психоза, охватившего жителей Сейлема. «Куда ни посмотрю — всюду вижу в глазах людей страх, — говорит в пьесе новый губернатор штата, — страх более сильный, нежели когда-либо ранее...». «И с каждым днем, с каждым часом здесь становится все хуже и хуже!..» — вторит ему жена местного священника.

И вот, перебивая друг друга, звучат истерические голоса:

— Обвиняю в колдовстве Ребекку Норс... Обвиняю Бриджит Бишоп...

— Обвиняю моего соседа Роберта Кэннона!..

— Обвиняю моего брата Ричарда Эндрюса!..

И одного за другим обвиняемых отправляют на виселицу...

Но и угроза смертной казни не может сломить человеческого достоинства. И один из подсудимых, Уордуэлл, в ответ на предложение покаяться в своей при-

частности к колдовству и тем заслужить помилование, гордо заявляет: «Даже цена жизни может оказаться чрезмерной. Я невиновен. И ни за что не оговорю себя... Лучше смерть».

«Сейлемский кошмар» Уилфрида Петтита передавался радиостанцией в Беверли Хиллз (пригород Лос-Анджелеса), а в Нью-Йорке транслировалась еще одна радиопьеса, посвященная Сейлему, — «До чего мы дошли» Сиднея Александера. Американская критика отмечала «соответствующую действительности» смелую ассоциацию в пьесе Александера, где поступь «охотников за ведьмами» напоминала «кошмарный шаг немецких штурмовиков»...

Осуждение американских порядков прозвучало и в сатирической комедии Нормана Корвина «Явление богини». В веселой и остроумной пьесе рассказывалось о том, как богиня любви и красоты Венера, встретившая в одной книге об Америке упоминание о Бостоне «как о пупе земли», захотела увидеть сама, «как этот пуп земли выглядит».

Однако Венере прежде всего пришлось предстать перед «специальной комиссией Бостона, состоявшей, конечно, из светлейших умов этого города», чтобы доказать свое божественное происхождение и непричастность к «распространению вражеской пропаганды». Как сообщает ведущий, велись разговоры и о том, что ее «следует привлечь к ответу перед комиссией Дайса». Корвин высмеивает в пьесе и нравы буржуазной прессы и деятельность радиокомпаний, озабоченных прежде всего погоней за прибылью...

Период второй мировой войны оказался для радиодраматургии, как и для всей американской литературы, не столь плодотворным, как вторая половина 30-х годов.

И все же стоит отметить 10 произведения радиодраматургии, в которых изобличалась античеловеческая сущность германского фашизма («Враг» Н. Корвина, «Они жгут книги» С.-В. Бене, «Преступление в Лидице» Э. Миллей, «Европа во мраке» и «Призраки Берхтесгадена» В. Аткинса, «Школа смерти» У. Бэйчера и М. Мичема) или рассказывалось о мужестве борцов антифашистского Сопротивления в Европе («Башня из слоновой кости», «Я буду ненавидеть его», «Казнь», «Ненависть» А. Оболера, «Кто вас звал сюда?» Э. Голдбергера, «В Праге все спокойно» Л. Джекобса, «Происшествие в Париже» Н. Ростена, «Битва в Варшавском гетто» М. Уишенграда).

Героическая борьба советского народа против гитлеровского нашествия вызвала у простых американцев горячее чувство симпатии к СССР, желание больше узнать о советских людях, о событиях на Восточном фронте. О борьбе советского народа рассказывали в своих произведениях военных лет Теодор Драйзер, Эрскин Колдуэлл, Лилиан Хеллман, Стивен Винсент Бене, Лэнгстон Хьюз. Об этой борьбе говорилось и в радиопьесах Нормана Корвина, Нормана Ростена, Милларда Лэмпелла, Виолетты Аткинса, Фани Лоренса.

Особенно следует отметить радиопьесу Ростена «О Красной Армии», написанную специально ко дню 26-й годовщины нашей армии по предложению и при активной поддержке Корвина, который был затем и ее постановщиком. Транслировалась пьеса 22 февраля 1944 года.

Это был взволнованный рассказ о борьбе советского народа против фашистских оккупантов, о Красной Армии, спасшей народы мира от фашистской чумы:

Нечисть ползет на восток,
К Волге — реке легендарной.
Тянется лапа врага
К сердцу ее — Сталинграду.

Здесь, на крутом берегу,
Вершится судьба континентов.
Если уступит река —
Хлынет по миру «зиг хайль»...
Встал на защиту народ,
Стала стеною река...
Черные силы земли,
Вся ее грязная нечисть,
Все вероломство и ложь,
Весь ее стыд и позор —
Все собралось и на город
Ринулось бешеной стайей...
Зло роковое земли
Похорони, Сталинград!

Пьеса была проникнута безграничной верой в победу над фашизмом, верой в торжество тех идей, на защиту которых встал советский народ. (В переводе на русский язык пьеса опубликована в газете «Советская культура» 22 февраля 1968 г.)

Когда главными героями в радиопьесах прогрессивных авторов выступали военнотруженики американской армии, это были обычно убежденные бойцы-антифашисты, сознательно идущие на подвиг и на смерть (радиопьеса Арча Оболера «Ночной полет», «Октябрьское утро» Милларда Лэмпелла, «Баллада о Германе Воттчере» Милтона Робертсона).

И каким жалким выглядел на этом фоне типичный американский бизнесмен трудных военных лет, красноречивый и приспособленный, представленный на суд общественности в сатирической радиопьесе Самсона Рафаэльсона «Генерал Шезлонг»...

Процесс формирования жанров радиодраматургии, при всей своей специфичности, неотделим от общего развития литературы и искусства. Естественно, что в годы войны главенствующими стали жанры документально-публицистические. Их влияние так или иначе сказалось на творчестве ведущих американских радиодраматургов. В первую очередь это относится к Норману Корвину.

Созданная им в начале 1944 года радиопьеса «Опасная встреча» была сказкой-памфлетом,

где, пожалуй, наиболее полно проявилось своеобразие творческого таланта Корвина — тонкого лирика, не чуждого романтики, страстного антифашиста, острого публициста. При всей сказочности своего сюжета «Опасная встреча» отвечала на один из самых злободневных вопросов общественной и политической жизни США военных лет.

Шел 1944 год — шестой год мировой войны, четвертый год героической борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Соединенные Штаты также четвертый год находились официально в состоянии войны, однако до сих пор не начинали боевых действий против основных сил фашистской Германии, по-прежнему выжидая ослабления воюющих сторон. Реакционные силы страны, поддерживаемые откровенными профашистами, все эти годы вели яростную агитацию против активного участия США в войне. Им помогала геббельсовская пропаганда — Германия вела тайное радиовещание на США, прикрываясь именем американских изоляционистов. И четвертый год страна была охвачена массовым демократическим движением, требовавшим оказания военной помощи Советскому Союзу, открытия второго фронта в Европе, выполнения Соединенными Штатами своего союзнического долга. «Сам я еще не выполнил своего долга в этой войне», говорит герой радиопьесы «Опасная встреча», в то время как «другие люди умирают за дело, которое я считаю таким же священным...».

С позиций антифашизма в пьесе осуждались пацифистские настроения американцев, говорилось о справедливом характере освободительной борьбы против захватчиков, против «тех, кто развязывает войны». В конце пьесы высказывалась мечта о будущем мироустройстве, о том времени, когда «жестокость и

бесчеловечность в обращении с человеком будут вырваны с корнем, когда все несправедливости, порожденные неравенством, будут уничтожены на всей нашей земле и мы одержим окончательную победу». Эта мечта и сегодня понятна и дорога всем людям доброй воли, тем, кому и посвятил свою пьесу Норман Корвин.

Усилилось публицистическое начало и в жанрах психологической радиодрамы. Особенно заметно это на примере творчества Арча Оболера. Незадолго до капитуляции гитлеровской Германии он пишет радиопьесу «В то необычное утро», в которой избегает столь частой в его предыдущих пьесах поверхностной, схематичной мотивировки поведения героев. Оболер обращается к характерам сложным, противоречивым и, обнаруживая способность к глубокому и точному социальному анализу, создает одну из лучших своих радиопьес.

Пять тяжело раненных в пьесе — это не только пять различных человеческих характеров. У каждого из них особое отношение и к самой войне.

Раненный негр не хочет выпиваться из госпиталя, так как знает, что война ничего не изменила в его общественном положении и снова его повсюду будут преследовать окрики: «Прочь отсюда, черномазый!». Негров на работу не принимаем!..»

Особенно значительным было социальное звучание последней, пятой, сцены пьесы. В ней высказывалось отношение к войне бойца-антифашиста, причем с прозорливым предвидением послевоенного развития событий: «...и появятся травой могилы, понемногу отстроятся города, а перерезанные горла, исхлестанные спины, предсмертные вопли, кровь на стенах — все забудется!.. Да, забудется, потому что мало кто из нас, американцев, видел все это своими собственны-

ми глазами!.. Забудется, потому что в крови нашего народа нет той ненависти, которая рождается при гибели жен и детей... Да, я ненавижу этот день, потому что отныне начнется забвение...»

В своей пьесе «Триумфальная», переданной в День победы, Корвин от лица всей прогрессивной Америки говорит об одном из уроков войны: «Мы поняли, что те, кто больше всего беспокоится о спасении мира от коммунизма, на деле ведут его к фашизму».

Слова Корвина относились уже не только к войне закончившейся. Все громче раздавались крики американской реакции об угрозе «мирового коммунизма», о «красной опасности» в Америке, о необходимости новой войны — против Советского Союза. Ветры «холодной войны» подули из Вашингтона, и этот новый политический курс США тотчас отразился на программах американского радиовещания, на тематике радиопьес.

Вместе со многими видными деятелями литературы и искусства США, среди которых были и радиодраматурги Норман Ростен, Миллард Лэмпелл, Джон Лятуш, Джером Чодоров, Питер Лайен и другие, Корвин подписал воззвание протеста против Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, а когда эта Комиссия в октябре 1947 года начала публичное расследование «подрывной деятельности» в Голливуде, он создал две часовые радиопередачи с целью вызвать общественный протест против этого позорного судилища. Позже имена некоторых актеров были занесены в «черный список» за одно лишь участие в этих передачах.

«Нет новой войны!» — так возглавлял Альфред Креймборг свою драматическую поэму, которая неоднократно исполнялась на театральных сценах и по радио.

Призывом к миру заканчивалась и радиопьеса Милларда

Лэмпелла «Октябрьское утро», посвященная борцам-антифашистам.

В аллегорической радиопьесе Рэя Брэдбери «Луг», переданной по радио в начале 1947 года, уничтожение старых декораций в Голливуде постоянно ассоциируется с апокалипсической гибелью мира в результате новой мировой войны. И поэтому столь многозначительна в пьесе символическая фигура ночного сторожа, «последнего строителя, когда все вокруг стали разрушителями», с его страстной проповедью мира: «...мир просто необходим, иначе ничего не останется. Один пожар погубит всех нас, независимо от того, кто поджег и по каким причинам...»

16 октября 1946 года — в день казни в Нюрнберге главных немецких военных преступников, осужденных на Нюрнбергском процессе, — дважды за один день передавалась радиопьеса Арнольда Перла «Пустая петля». В пьесе рассказывалось о каждом из казненных преступников, но особое внимание было уделено символической *пустой петле*, предназначенной, по мысли автора, для всех недобитых германских фашистов, но также и для фашистов американских, для членов конченавистнических идей расизма и шовинизма, для антикоммунистов и реакционеров всех мастей, для поджигателей новой войны, для самого фашизма как такового — этого «отвратительнейшего явления на земле». «И пока эта петля пуста, — говорилось в пьесе, — люди не имеют права самоуспокаиваться...».

Антифашистская направленность радиотеатра, стремление наиболее известных радиодраматургов бороться с наступающей реакцией и помогать своим творчеством делу укрепления мира и дружбы на земле, лучшему взаимопониманию народов и прежде всего улучшению отношений между Советским Союзом и США

пришли в непримиримое противоречие с политикой американских правящих кругов, взявших курс на раздувание «холодной войны» против СССР. Именно тогда вся огромная пропагандистская машина США срочно перестраивалась для того, чтобы вытравить из сознания американского народа воспоминания о союзнике по антигитлеровской коалиции и о решающем вкладе Советского Союза в дело победы над фашизмом.

Радио, которое было не только самым массовым средством информации, но и трибуной, завоевавшей за прошедшее десятилетие любовь и определенное доверие слушателей (в значительной степени благодаря радиотеатру), стало главной мишенью маккартистов.

Тон задал шеф ФБР Эдгар Гувер, получивший в то время кличку «главный распорядитель охоты». 26 марта 1947 года — через четыре дня после печально знаменитого приказа президента Трумена о проверке лояльности всех правительственных служащих и об увольнении с работы тех, кто будет признан «нелояльным», — Гувер сделал в комиссии конгресса провокационное заявление: «Сейчас у наших коммунистов главное средство пропаганды не печать, а радио».

Система преследований и травли захлестнула крупнейшие радиокомпании США. Десятки талантливых журналистов, драматургов, постановщиков, артистов оказались в «черных списках». В них были занесены имена Корвина, Ростена, Лэмпелла, Перла, Лайена, Коннели, Лятуша, Рафаэльсона и многих других прогрессивных радиодраматургов. Все они вынуждены были порвать с радио, отказаться от любимой работы. Сотни личных трагедий вели к неминуемой гибели радиотеатра в целом...

Попытку возродить боевое, общественно значимое радиотелеискус-

ство предпринял родоначальник этого направления в радиодраматургии, автор «Падения города», Арчибальд Маклиш. В 1950 году он написал аллегорическую радиопьесу в стихах «Троянский конь», в которой содержалась завуалированная критика маккартистских методов:

...воспитывать из нас казенных патриотов,
И верность обществу законом выжимать,
И заражать людей всеобщим страхом...

Этого, конечно, оказалось достаточно, чтобы пьеса крупнейшего поэта и драматурга не была допущена в эфир.

В 1947 году, когда начиналась массовая «чистка» служб американского радио и антикоммунистическая истерия, как эпидемия, стала охватывать всю страну, радиодраматург, режиссер и исследователь истории американского радиовещания Эрик Барноу высказал тревогу за судьбу радиодраматургии. «Величайшей опасностью для радио, — писал он, — является мнение некоторых редакторов и руководителей сетей, что интересы общества требуют запрещения радиопьес, посвященных спорным проблемам... Для радиоискусства жизненно необходима возможность обращения к этим проблемам. Только тогда оно может играть важную роль в общественной жизни страны. В противном случае радиодрама погибнет...».

Эти опасения подтвердились. Лишившись лучших своих авторов, постановщиков и исполните-

лей, утратив саму возможность обращаться к актуальным общественным проблемам, радиотеатр быстро терял свой авторитет. Теперь театр в эфире возвращался к тому, с чего начинал четверть века назад — к мелкотемью, засилью развлекательных (преимущественно комических и детективных) передач.

Телевизионный театр, становление которого проходило в тех же условиях политической реакции, не смог сохранить прогрессивных традиций своего предшественника.

Трагедия американского радиотеатра состояла в том, что, являясь искусством с наиболее массовой аудиторией, искусством, само развитие которого было обусловлено его обращением к передовым общественным идеалам американского народа, он именно за это неоднократно подвергался атакам со стороны американских реакционеров. В последнее время предпринимаются попытки возродить радиотеатр. К чему они приведут — покажет время.

Значение радиодраматургии США в истории американской литературы XX века — вопрос почти не изученный в американской критике. Не изучался он и у нас. Может быть, поэтому из всех жанров американской литературы именно радиодрама до сих пор наименее известна советским читателям. Целям этого первого знакомства и призван послужить настоящий сборник.

И. Попов

Серебряный доллар

Дэмпси (71 года). *(Отчаянный вопль, нарастает, затихает.)* Пуссите меня! Пуссите, говорят вам *(задыхаясь)*, отдайте мое колесико! *(Хрипло.)* Мое колесико! *(Учащенное дыхание, стоны.)*

Доктор *(спокойно, решительно)*. Без смирительной рубашки не обойтись. Свяжите его, но не уводите, я скоро вернусь.

Шаги удаляющегося человека. Двери открываются, затем закрываются. Стоны, теперь уже приглушенные расстоянием, служат фоном последующей сцены.

Ну-ну, не волнуйтесь, успокойтесь, пожалуйста. *(Пауза.)* Вы его сын?

Сын (50 лет). Да, доктор. Я его сын. Он... он сошел с ума? Да?

Доктор. Случай не совсем обычный. Э... что вы можете рассказать о своем отце? Что это за колесико, о котором он утверждает без конца?

Сын. Это долгая история, доктор. Она началась более пятидесяти лет тому назад, когда отец еще был молод и работал на государственном монетном дворе, в Филадельфии.

Шум. Слышен мелодичный свист — кто-то насвистывает мелодию песенки «Однажды, гуляя по парку...». Человек приближается и с грохотом опускает на скамью тяжелый ящик с монетами.

Дэмпси (20 лет). Вот они, шеф, отбеленные, зачищенные и отфальцованные. Лучшей партии монет и не придумаешь!

Звон монет.

Послушайте, как звенят, — ни один звук не может сравниться со звоном «колесиков». А, шеф?

Мастер *(на него это не производит никакого впечатления)*. Угу. Пусть их... поскорее, Дэмпси. Я только что узнал, что сегодня к нам придет сам управляющий со своими друзьями.

Дэмпси *(поражен)*. Президент Артур? Сюда? На монетный двор? Мастер. Ну да. Гартфильд навещался сюда частенько, а вот Артур пожелает впервые.

Дэмпси. Вот здорово! (*С удивлением.*) Эй, шеф, посмотрите, посмотрите на это!

Мастер. Что там еще?

Дэмпси. Дата. (*Смущенный смешок.*) Вот так штука, шеф, на монете отпечаталась половинка восьмерки, правая половинка, она похожа на три — серебряный доллар 1384 года.

Мастер (*в отчаянии*). Господи, Дэмпси, уж не хочешь ли ты сказать, что вся партия долларов...

Дэмпси (*прерывая*). Нет-нет, сэр! Только несколько последних, только...

Звон пересчитываемых монет.

Только три последних «колесика».

Мастер. Ффу-у! Ты чуть до смерти меня не напугал! Дай, я взгляну. (*Перебирает монеты.*) Действительно, 1384 вместо 1884. Первая восьмерка вышла наполовину. Кто бы мог подумать!

Дэмпси. Что мне с ними делать, шеф? Пустить в переплавку? Их ведь всего три.

Мастер. Нет-нет, Дэмпси. Ни в коем случае! Если мы бросим их обратно в тигель, в партии окажется недостача. Смешай их с остальными. И никому ни слова, ты ничего не знаешь. Все равно никто ничего не заметит! (*Смеется.*) Здорово!

Звон монет постепенно затихает.

«Колесико» 1384 года.

Отдаленный смех.

Блейк. Говорите в трубку, я вас не понимаю. (*Пауза.*) Я не могу ошибиться... Таких монет было только три. Я знаю, я был на монетном дворе и разговаривал с парнем по имени Дэмпси, тем самым рабочим, который их гравировал... В этом-то все и дело, вы, наверное, имеете представление о коллекциях, вы должны понимать, что это для меня значит... Что?.. Вот именно. Имея у себя все три фальшивых «колесика», я по праву буду считаться обладателем самой редкой коллекции американских монет в мире. Разыщите третий во что бы то ни стало, я не успокоюсь, пока не заполучу его... При чем тут расходы? Я готов уплатить двадцать пять тысяч долларов, только чтобы это «колесико» не досталось кому-нибудь другому. (*Кладет трубку.*)

Короткие гудки телефона.

Дэмпси (*подавленно*). Мне все говорили, Марта, что на монетном дворе я буду делать миллионы долларов, но удержать не смогу ни одного. (*Вдох.*) Мне и в голову не приходило, что я потеряю работу из-за того, что проболтался тому коллекцио-

неру про «колесико». Подумай только, Марта, он был у меня в руках — я же его отлил — и упустил. Но я найду работу, Марта, возможно, даже до рождения ребенка. И, помани мое слово, я найду это «колесико», уж будьте уверены, сэр, найду. Пусть хоть через миллион рук пройдет, а меня оно не мигнет.

Удары по наковальне. Затем на нее кладут молот.

Кузнец. Тебе это встанет в копеечку, Мортон. Деньги, конечно, не малые, но ежели ты заглянешь в то местечко, о котором мы толковали, то вся история вместе с новой челюстью обойдется тебе не больше, чем в пять долларов. *(Сердась.)* Так что ж ты решил — тащить тебе зубы или нет?

Звон серебряного доллара о наковальню.

Давай садись, я вот только щипцы достану; да не тяни — мне некогда с тобой прохлаждаться, меня серая кобыла ждет, да еще трех лошадей подковать сегодня надо, не могу же я целый день с тобой одним возиться.

Цоканье копыт по булыжнику. Стук колес приближающейся тележки, звон колокольчика.

Эгги. Эй, малыш, вон мороженщик едет. У тебя ведь есть деньги, Арчи. Мог бы купить порцию.

Арчи. Я тебе не малыш. И я не собираюсь пустить по ветру свое серебряное «колесико», Эгги. Нет, сэр, я с ним так просто не расстанусь. Ты что, забыл — в следующую субботу в казино играет секстет «Флорида».

Начальник отдела кадров. Несмотря на то что Дэмпси показался мне исполнительным и способным работником запятая в его характеристике с прежнего места работы сказано запятая что он был уволен с Государственного монетного двора Соединенных Штатов Америки точка. Сие свидетельствует о сомнительной честности запятая и я предпочел бы не иметь его в числе наших служащих точка.

Игрок. Не везет на скачках, повезет в карты. Двадцать одно — старинная солдатская игра. Одно место свободно, джентльмены.

Звон серебряного доллара, брошенного на стол.

Еще одну карту. Очко! Карты на стол, джентльмены, доллар мой! Не везет на скачках, повезет в карты. Двадцать одно — старинная солдатская игра...

Священник *(слова его гулко разносятся по собору)*. О господи, даруй нам свое благословение, да будем мы достойны его, да не оскудеет рука дающего, ибо дающему воздается сторицею.

Толпа прихожан. Амины!

Четыре такта органной церковной музыки. Музыка звучит как фон. Звон четырех монет, падающих в кружку для сбора пожертвований, — каждый последующий звук звонче предыдущего. Наконец, пятая монета — серебряный доллар — с тяжелым стуком падает в кружку. Небольшая пауза. Crescendo органной музыки.

Анна (*вульгарно смеясь*). Oh, Jacques — merci beaucoup! Cela fera bien l'affair — как это здорово! Теперь я понимаю, почему они говорили: солдат — орель! Орель — решка — орель.

Звон монет, громкий смех Анны и мужчины — все это переходит в звук рвущихся снарядов, битвы, пикирующих самолетов, взрывающихся ракет. Так продолжается в течение десяти секунд, доходит до апогея и смолкает. Слышны стоны и прерывистое дыхание человека.

Пэт. Бесполезно, Лэрри. Оставь меня. (*Ему не хватает дыхания.*) Мне крышка. Вот если ты вернешься домой, передай эту медаль маме, хорошо? И еще возьми вот эти сантимы и этот доллар — «колесико». Там, куда я направляюсь, мне уже не удастся ничего купить на них. (*Тяжело дышит.*)

Три секунды мертвой тишины.

эмпси (*55 лет*). И когда будешь получать жалованье, помни, сынок, все в серебряных долларах!

Сын. Господи, отец, неужели ты все еще надеешься найти свое «колесико» стоимостью в четверть миллиона?

Дэмпси. Конечно, сынок. Он может пройти через миллионы рук, но рано или...

Баркер. Невиданное, грандиозное представление! Великий и единственный Рудольфо Валентино! Идеальный возлюбленный! Смотрите «Арабского шейха» — сенсацию киноэкрана. Торопитесь, осталось лишь несколько мест...

Мэри. Два билета, пожалуйста.

Стук серебряного доллара о стекло.

Блейк. Да, я по-прежнему готов дать эти деньги, он стоит того. Но боюсь, что моя коллекция никогда уже не пополнится этим третьим, последним «колесиком» 1384 года. (*С тоской.*) Интересно, где он? Может быть, он уже больше не существует — попал на дно морское или хранится в кубышке у какой-нибудь старой карги, а может быть, в эту самую минуту...

Молли. Воровка — вот, значит, кто я! Воровка, и только потому,

что я осмелилась взять один доллар из твоих грязных денег, чтобы купить себе еды. Довольно! С меня хватит! Получай свой доллар, негодяй, можешь с ним целоваться!

Доллар разбивает стекло.

И пусть он будет последним в твоей жизни, ты, крыса.

Выстрел, стон, короткая пауза.

Режиссер. Стоп! Никуда не годится. Всю сцену заново — и ради всех святых, Барбара, мы должны слышать, понимаешь, слышать, как этот доллар разбивает стекло!

Шум уличного движения нарастает, затихает, остается в качестве фона для следующей сцены.

Элси. Ведь это только доллар, Джим. Давай купим.

Джим. Но, Элси, зачем она нам?

Элси. Но скоро она нам понадобится, дорогой.

Джим. Я знаю, но не сейчас же, Элси. У меня ведь деньги не шальные.

Элси. Джим, прошу тебя! Мне так хочется ее иметь.

Джим. Детка, у меня нет...

Элси. У меня есть доллар, Джим. Вот, смотри — «колесико», я хранила его бог знает сколько ради вот такого случая. Джимми, пожалуйста!

Джим (со вздохом). Ну что ж, хорошо. Но я не вижу смысла покупать детскую коляску, когда ребенок еще не родился.

Уличный шум, переходящий в шум толпы.

Завала. Только индейцы в резервациях знают, где растут эти драгоценные специи, травы и злаки — все, что природа заготовила для исцеления ее детей. Покупайте чудодейственный эликсир доктора Визерспуна, доллар бутылка.

Доллар падает в тамбурин; постепенно затихающее позвякивание бубенцов.

Благодарю вас! Кому еще? Магический эликсир доктора Визерспуна с помощью сил природы исцеляет все людские болезни...

Стук в дверь. Щелкает замок.

Посыльный. Телеграмма, сэр, мистеру Хемингуэю.

Хемингуэй. Спасибо.

Посыльный. Она доплатная, сэр, один доллар.

Хемингуэй. Ах вот как. Э... от кого она?

Посыльный. Тут нет подписи, сэр.

Хемингуэй. Но, мой милый, ты ведь не думаешь, что я буду платить за телеграмму, не зная, от кого она. В конце концов...

Посыльный. Она из Невады, сэр, из Рено, штат Невада.

Хемингуэй. Из Рено, штат Невада? На, получай свой доллар.

Посыльный. Но ведь это только полдоллара, сэр. О, простите, я не заметил, это же «колесико». Спасибо, сэр.

Хемингуэй (*распечатывает телеграмму, читает*). Передумала точка Вылетаю утренняя самолетом домой точка Руфь. (*Комкает бумагу.*) Сойти с ума можно!

Захлопывается дверь. В течение трех секунд тишина.

Сын (40 лет). С тех пор как он побывал у этой гадалки, он как-то странно ведет себя, ма.

Марта (60 лет). «Колесико»! Он только и думает о своем долларе. Бессмысленное занятие! Ты ведь сам понимаешь — не видать ему своего «колесика» никогда... никогда...

Микрофон выключается на три секунды.

Спайк. Ну-ка, хапуга, гони мою долю. Сколько ты...

Хайми. Три или четыре косых наберется, пожалуй, считая и мелочишку, конечно. Я забрал все подчистую, в кассе ничего не осталось.

Спайк. Ловко!

Хайми. Эй, Спайк, ты только взгляни — «колесико»! Древнее, наверно, на нем 1384 год стоит. Вот так штука! Да это же, наверно, было во времена Буффало Билла!

Спайк. Дай сюда, кретин! (*Пауза.*) Так я и думал — фальшивый. Как мог в 1384 году появиться американский доллар, если Колумб открыл наши штаты в 1776 году. Невежда ты, Хайми! И чему только тебя учили в школе?

Хайми. Да мне, собственно, так и не пришлось ходить в школу...

Спайк. Выбрось-ка ты лучше эту фальшивку вон в ту урну.

Звон серебра о металл. Пауза. Звук костяшек, перемешиваемых в стаканчике.

Длинный. Покатилось колесо,
Покатилось далеко,
«Колесико» кто найдет,
Деньги все заберет.

Зрители (школьники) выражают свое удовлетворение.

Длинный. Кто хочет сыграть со мной? Желающие есть? Как, это все ваши карманные деньги, леди и джентльмены? Поищите хорошенько. Ни пенса? Так-таки ничего?

Возгласы зрителей: «Ничего нет», «Это все» и т. д.

Ничего? Вы уверены? Тогда мой ход... *(Встряхивает и бросает кости.)*

Ха! Двенадцать! Косточки мои милые, не подвели вы Длинного! Леди и джентльмены, представление окончено.

Зрители, выражая недовольство, расходятся.

Коротышка. Старик, ты же крезом стал — сотни три или четыре оторвал сегодня.

Длинный. Вот тебе доллар, сын мой, купи бутылочку джину и распей в свое удовольствие, ты его заслужил!

Коротышка. Нет, Длинный, оставь это «колесико» у себя — оно тебе приносит удачу. Раньше ты никогда не собирал столько денег.

Длинный. Не болтай глупостей, Коротышка! Отправляйся, куда тебя послали. Длинному ни к чему деньги, которые бренчат, он предпочитает те, что шуршат. *(Смеется.)* Ступай за своим джином и оставь меня в покое. Я пойду туда, где светят фонари, а ты ступай *(совсем издалека)*, да не вздумай представить свое «колесико» к одной телеге...

Уличный шум нарастает, затихает и звучит как фон.

Попрошайка. Эй, приятель, не дашь ли мне четвертак на чашечку кофе?

Пьяница. Ик! Чашечку кофе?

Попрошайка. Да, сэр.

Пьяница. Четвертак за чашку кофе? Ик! Но почему я должен платить тебе четвертак, когда я знаю место, где мне дадут ее за пятак? Это же разбой!

Попрошайка. Ты меня не понял, друг. Я голоден, просто умираю с голода — три дня у меня маковой росинки во рту не было.

Пьяница. Знакомая песня. Ик!.. Всегда одно и то же. *(Смеется.)* Вот, возьми доллар, купишь десять-двадцать чашек кофе! Ик! Пшел, убирайся!

Попрошайка. Спасибо, друг. *(Пауза, про себя.)* Слюмяй! Вечер только начался. Я из этого «колесика» две сотни сделаю — не меньше, мне сегодня везет.

Шум уличного движения нарастает, достигает апогея, затем стихает.

Сестра. Сделать ему укол, доктор?

Доктор. Мм, нет, пожалуй, не стоит. В его положении он почти не чувствует боли.

Сестра. Всю ночь он плакал и бормотал что-то в бреду, что-то непонятное, я разобрала лишь слово «колесико».

Доктор. Да, я знаю. Его сын рассказал мне его историю. *(Вздыхает.)* Побудьте около него, мисс Максвел. Ему осталось недолго.

Удары метронома сильнее, затем медленнее, затухание. Тишина.

Сын *(50 лет)*. Я хотел поблагодарить вас, мистер Смит, за хлопоты с похоронами.

Гробовщик. Не за что, мистер Дэмпси, это наша обязанность.

Сын. Я хотел бы рассчитаться с вами.

Гробовщик. О да, пожалуйста.

Сын. Мама получила деньги по страховому полису отца. Двести долларов, кажется, так?

Гробовщик. Чуть-чуть меньше, мистер Дэмпси, сейчас посмотрю.

Ах да, сто девяносто девять, включая и дополнительный лимузин. Вам следует доллар сдачи. Вы не возражаете, если я дам вам это старое «колесико»?

Звон серебряного доллара о прилавок.

Падение города.

Г о л о с д и к т о р а р а д и о с т у д и и *(звучно, профессионально).*

Дамы и господа!

Эта передача ведется из города,
За которым в течение трех дней

Следит весь мир, —

Не из-за обычного случая жестокого преступления

Или заурядного насилия,

Или коронации царя,

Или народного праздника.

Нет, удивительней повод,

Лишивший всех покоя:

Из мертвых воскресла женщина...

Три дня подряд

В полдень выходит из склепа

Женщина, погребенная там.

Ужас давит на плечи и леденит кровь.

В других городах бывали иные предзнаменования,

Но нигде не случилось подобного и столь очевидного.

Во времена, подобные нашему, знамения значат много.

Все люди живут в страхе.

И мы уже чувствуем ветер, который меняет погоду...

А сейчас мы отправимся с вами

На площадь, где все происходит...

Постепенно нарастает гул огромной толпы.

Г о л о с д и к т о р а *(деловито).*

Мы на центральной площади.

Мы на восточной стороне, недалеко от края.

Здесь возвышается подобие террасы.

Время — одиннадцать часов пятьдесят шесть минут.

Толпа огромная — тысяч десять,

Сестра. Сделать ему укол, доктор?

Доктор. Мм, нет, пожалуй, не стоит. В его положении он почти не чувствует боли.

Сестра. Всю ночь он плакал и бормотал что-то в бреду, что-то непонятное, я разобрала лишь слово «колесико».

Доктор. Да, я знаю. Его сын рассказал мне его историю. *(Вздыхает.)* Побудьте около него, мисс Максвел. Ему осталось недолго.

Удары метронома сильнее, затем медленнее, затухание. Тишина.

Сын *(50 лет)*. Я хотел поблагодарить вас, мистер Смит, за хлопоты с похоронами.

Гробовщик. Не за что, мистер Дэмпси, это наша обязанность.

Сын. Я хотел бы рассчитаться с вами.

Гробовщик. О да, пожалуйста.

Сын. Мама получила деньги по страховому полису отца. Двести долларов, кажется, так?

Гробовщик. Чуть-чуть меньше, мистер Дэмпси, сейчас посмотрю. Ах да, сто девяносто девять, включая и дополнительный лимузин. Вам следует доллар сдачи. Вы не возражаете, если я дам вам это старое «колесико»?

Звон серебряного доллара о прилавок.

Падение города

Г о л о с д и к т о р а р а д и о с т у д и и (*звучно, профессионально*).

Дамы и господа!
Эта передача ведется из города,
За которым в течение трех дней
Следит весь мир, —
Не из-за обычного случая жестокого преступления
Или заурядного насилия,
Или коронации царя,
Или народного праздника.
Нет, удивительней повод,
Лишивший всех покоя:
Из мертвых воскресла женщина...

Три дня подряд
В полдень выходит из склепа
Женщина, погребенная там.
Ужас давит на плечи и леденит кровь.
В других городах бывали иные предзнаменования,
Но нигде не случалось подобного и столь очевидного.

Во времена, подобные нашему, знамения значат много.
Все люди живут в страхе.
И мы уже чувствуем ветер, который меняет погоду...

А сейчас мы отправимся с вами
На площадь, где все происходит...

Постепенно нарастает гул огромной толпы.

Г о л о с д и к т о р а (*деловито*).

Мы на центральной площади.
Мы на восточной стороне, недалеко от края.
Здесь возвышается подобие террасы.
Время — одиннадцать часов пятьдесят шесть минут.
Толпа огромная — тысяч десять,

А может быть, и больше. Вся площадь — лица...
Напротив, над крышами — горы.
День безоблачный. Только кружатся птицы.
По виду — это коршуны. Они очень высоко.

Склеп где-то справа,
Нам его не видно из-за большой толпы.
Возле нас — министры,
Они на трибуне под навесом.
Жены фермеров сидят на камнях.
На руках у них спят дети.
Очень жарко. Свет слепит глаза...

Без одной минуты двенадцать.
Пока ничего нет. Все ждут.
Никто не сомневается в ее приходе.
Никто не сомневается, что она заговорит.
В те три раза она молчала.

Гул толпы меняется. Он становится напряженнее, выше, хотя и не громче.

Г о л о с д и к т о р а *(тихо, но все более возбужденно).*

Двенадцать! Все встают.

Встает вся площадь.

Отцы поднимают своих маленьких детей.

Веера на трибуне замерли...

(Пауза.)

Слышен только скрип обуви...

(Пауза.)

Вот и он стих...

(Пауза.)

Сейчас так тихо, что слышно коршунов...

(Пауза.)

Странно видеть такую массу людей в безмолвии...

(Пауза.)

Все еще ничего нет. Ничего не случилось...

(Пауза.)

А вот какое-то движение справа.

Все поворачивают головы. Толпа поворачивается.

Министры наклоняются с балкона.

Все повернулись — и ни звука больше...

В тишине звучит женский голос. Он слабый, но проникновенный. Слова произносятся медленно и как бы с трудом.

Г о л о с м е р т в о й ж е н щ и н ы.

Сначала волны поднялись без ветра...

Г о л о с д и к т о р а *(шепотом)*.

Слушайте! Это она! Она говорит!..

Г о л о с м е р т в о й ж е н щ и н ы.

Затем воспламенились камни храма —

Без трута, без огня воспламенились...

Г о л о с д и к т о р а *(шепотом)*.

Люди видят!.. Они видят ее!..

Г о л о с м е р т в о й ж е н щ и н ы.

А ныне я должна вас устрашать —

Я, мертвая уже четыре дня, —

По мне еще не выплаканы слезы,

И по ночам зовет меня дитя...

(Пауза.)

Тягостна речь моя, но я должна говорить.

Для того я и вышла на солнце, чтобы говорить...

(Пауза.)

(Затем ее голос звучит опять — она громко, машинально произносит слова как заученные.)

В свободный город ваш

Придет властитель.

Сначала будут крики одобренья,

А после — кровь!..

В толпе движение.

(Голос женщины продолжает звучать тихо и медленно, как сначала.)

Что это значит — я сама не знаю.

Осталась скорбь, и больше нет надежды...

Г о л о с д и к т о р а.

Она ушла.

Мы судим об этом по толпе.

Люди подходят совсем близко.

Мы слышим их вздохи после долгого оцепенения,

И шарканье ног...

Гул толпы нарастает.

Не удивительно, что им страшно:

Приходы мертвых предвещают беды.

Предчувствия, которые живым

Не помешают вдоволь отоспаться,

Разбудят мертвых и дадут им голос.

Об этом знали древние прекрасно.

Голоса из толпы.

- Свободные люди...
- Когда это случится?..
- Свободные люди
- Обретут властителя...
- Что она сказала нам?..
- Когда это случится?..
- Свободные люди
- Обретут властителя.
- А после — кровь...
- Что она сказала?..

Голоса (вместе).

А после — кровь!..

Голоса сливаются в возбужденном шуме толпы.

Голос диктора (покрывает его).

Они кружатся вокруг нас, как скот, чующий смерть.
Вся площадь в смятении. Они кружатся и кричат.
Один из министров поднимает руки...
Никто не слушает... Забили барабаны.
Но разве успокоишь их? Куда там!..

Случилось что-то — в дальнем том углу...
Это гонец, вестник... Он шатается.. Люди помогают ему...
К нему взывают... Он проходит сквозь толпу... Все стихают.
Только в другом конце все еще кричат.
Слушайте! Сейчас он здесь, возле министров. Он говорит...

Голос гонца.

Завоеватель пришел!
Я здесь, чтобы сказать вам это.
Я мчался морями,
Я мчался полями,
И горы прошел я —
Таков был мой долг —
Любою ценою,
Не зная покоя
Ни ночью, ни днем,
Предстать перед вами...
И вот я здесь.

Знайте же о завоевателе!
Он опасен.
Молва опередила его.
К востоку, за морем,

Все страны
Захвачены.
Нет там больше свободных людей.
Их подслушивают.
За каждое слово — казнят.
Приговоренные до суда,
Пытаемые после,
Они гибнут подобно животным,
Подставляя горло,
Как коза мяснику.
Террор приучил их к этому...

И вот он здесь —
Как в засаде, таясь в ночи.
Если люди прячутся с вечера,
Он приходит на рассвете.
Где стойкости нету —
Туда он является.
Где в страхе спят —
Туда он идет.

Говорю вам: берегитесь его!
Лиха беда начало.
Лишь толстосумы украдкой смеются,
Такого властителя ждут не дождутся.
Да тот, кто божится, что любит людей,
Отвесит поклон для подобных гостей.
Все, кто отведал крови людской,
Выйдут встречать его дружной толпой.
Сгинет надежда
Пред безысходностью.

Я говорю правду
Всем честным людям:
Таков этот завоеватель!
И все, кто с ним, — подонки,
Лизуны его плевков.
Живут они отвратительно
И умирают подло...

Знайте же!
Я вас предупредил..
Г о л о с д и к т о р а.
Он падает с ног от усталости.
Его уводят.

Вот он скрылся в толпе... Все молчат.
Никто еще не проронил ни слова.
Все стоят вокруг министров.
Не слышно ни звука.
И неподвижна толпа.
Даже самые дальние замерли.
Они ждут, полагаясь на старейшин.
Они преданно ждут ответа...

Министры советуются...
Один из них поднимает обе руки...
Г о л о с о р а т о р а.
Свободные люди страны!
Мы не хотим неволить здравый смысл.
Вот предложенья наши, обсудите...

Что лучше всего защищает свободу?
Не сама ли свобода?
Свободный народ защитится свободой —
Не борьбой! Не укреплениями!..

Будущее — это зеркало,
Где прошлое встречает себя.
Вооруженные, идете вы к войне!
К миру — идите с миром!
К свободе — свободными и с музыкой!..

Взгляните в завтра, держа нож, —
и будущее станет ножом.
Убейте вашего врага —
и ваш враг станет убийцей!..

Свобода, завоеванная мечом,
Превратится в меч!
Насилье, победившее врага,
Обернется против вас,
И никогда вам не избавиться от него!
Этот враг опасней завоевателя.
Бойтесь насилия!..

Но есть, друзья мои, оружие для борьбы:
Побеждает — слабость!..

Что разбивать — если нету цепей?
Что штурмовать — если нету стены?
Кто воюет со слабостью?

Не противиться завоевателю —
И у него не будет побед.
Он станет шутом,
Рубящим лопухи.
Даже прачки посмеются над ним!
И тогда он исчезнет,
и никто больше не услышит о нем!..

Есть оружие, друзья мои.
Побеждает — презрение!..

Заглушаемый диктором, голос оратора постепенно стихает.

Г о л о с д и к т о р а.

Хочется, чтоб вместе с нами вы могли видеть
Эту площадь, заполненную народом,
Яркие одежды, палящее солнце,
Торговцев водой с их огромными бутылками из тыквы,
Оратора на каменной трибуне,
А сзади — храм и высокую пирамиду,
Коршунов, парящих в небе —
Медленно против ветра,
быстро под ветер, —
Дома, ослепленные солнцем...

Г о л о с о р а т о р а.

Оружие имеется —
Это разум и правда.

Пусть придет завоеватель!
Не препятствуйте ему!
Стерпите его флаг и его барабаны!
Побеждают... слова!

Г о л о с д и к т о р а.

Слышны крики одобрения. Он кончил.
Он спускается вниз. Прекрасная речь!
Все улыбаются, вокруг него — толпа...

А женщины сидят на солнцепеке.
Они достают из своих узелков,
кажется, хлеб...

Да, хлеб, завернутый в листья кукурузы.
Готовятся поесть. Они вполне довольны и счастливы.
Они зовут своих мужей с раскаленных ступеней.

Где-то звучит флейта —
Нам не видно из-за толпы...
Да, в прохладной тени играют флейты.
Дети танцуют замысловатый танец.

Доносятся звуки барабана и флейты.

Даже несколько стариков танцуют,
И танцуют не стесняясь.
Прекрасная речь! Действительно прекрасная!..
В ярости мужчины забывают эти истины.
Они противятся угнетателям в безрассудной борьбе.
Они превращают свои города в кладбища,
свой дом — в могилу
И создают свободе памятник из руин.
Но не из руин возникает свобода —
Только в мире прекрасен труд...

Однако странно — музыка утихла...
Опять случилось что-то....
Какой-то человек — на том краю —
показывает вдаль...
Люди оборачиваются, встают — с хлебом в руках...
Нам не видно, что там такое...
Минуточку... Это гонец!..
Да, гонец. Пришло известие, еще одно...
Вот он уже на углу улицы...
Выглядит страшно усталым...
Пробивается сквозь толпу еле дыша...
Ему предлагают воду, он отмахивается...
Поднимается по каменным ступеням к министрам...
Остановился. Мы протискиваемся ближе...

Слышны голоса людей, стоящих рядом, кашель, шепот.

Г о л о с д и к т о р а (тихо).

Он оперся на камень. Слушайте, он говорит...

Г о л о с г о н ц а.

Завоеватель... пришел...

Я здесь, чтобы сказать вам это...

Я мчался полями,

Я мчался лесами,

И горы прошел я—
Таков был мой долг —
Любою ценою,
Не зная покоя
Ни ночью, ни днем,
Предстать перед вами...

И вот я здесь.
Я говорю вам:
Берегитесь завоевателя!

Молва о победах
Пожаром степным
Идет перед ним.
Нынешним утром
В свете зари
Вышел на берег он
Нашей земли.
Солнце достигло
Поздним лучом
Завоевателя
С грозным мечом.

Ему не противятся.
Слава растет.
Один, без сражений,
Идет он вперед...

Так знайте же:
Он идет,
Он приближается...

Шепот проходит по толпе.

Не с кем бороться,
Но как победитель
Идет он вперед...

Шепот громче.

Близко в горах он...

Шум голосов.

К вам он идет!..

Крики нарастают.

Г о л о с д и к т о р а.

Все взбудоражены! И напуганы!
Многие показывают на восточные холмы.
Другие осмеивают министров: «Свобода...»
«Свобода чего? Умереть в крысоловке?...»
Они обезумели от гнева и страха.
«Нас предали!» — кричат они.
Вы сами слышите их голоса...
— Долой правительство!..
— Долой ораторов!..
— Долой либералов!..
— Долой болтунов!..
— Долой бездельников! Они предали нас!..
— Нас предали! Они погубили нас болтовней!..

Г о л о с д и к т о р а.

Они беснуются, как рыба в сетях.
Не пройти — буквально обезумели от страха...

Г р о м к и й г о л о с *(в отдалении)*.

Верующие!
Думайте о ваших богах!

Смертные!
Познайте несчастье!

Люди!
Помните!..

Г о л о с д и к т о р а.

Откуда-то звучит голос.
Все его слышат. Толпа стихает...
Это жрецы!
Вон они где — на пирамиде!..
Их человек десять —
все в черном, волосы спутаны...
Дым от их костра тянется по ветру.
Они стоят в самом дыму, возле жертвенного камня,
Их ножи блестят на солнце.
Они вызывают к толпе.

Слушайте!..

Г о л о с а ж р е ц о в.

Обратитесь к вашим богам, верующие!

О д и н г о л о с.

Спасется мир покорностью своею.
Другого нет к спасению пути.

Г о л о с а ж р е ц о в.

Обратитесь к вашим богам, верующие!

Один голос.

Зло превозмогут, побывав во зле,
И тем душа очистится от скверны.

Голоса жрецов.

Обратитесь к вашим богам, верующие!
(*Двумя группами, поочередно.*)

Обратитесь к вашим богам!

Завоеватель не может захватить вас!

Обратитесь к вашим богам!

Тьма господня охранит вас!

Обратитесь к вашим богам!

Жилище бога неприступно!

Обратитесь к вашим богам!

В божественной тишине — покой!..

Воздайте вашу волю богам!

Камни вас не успокоят!

Воздайте ваши помыслы богам!

Меч вас не ослепит!

Воздайте ваши души богам!

Опасность вас минует!..

Голос диктора.

Как замечательна отзывчивость толпы!..

Все чувствуют душевное волнение.

На площади ни звука... Как прекрасно!

Навек запомнится: жрецы на пирамиде,

И дым, и солнце яркое, и лица...

Слышатся звуки барабана.

Начался танец... Люди друг за другом

Цепочкой вьются меж других людей —

Все кругом, кругом, как вода сквозь воду...

Поющие голоса (*под барабан*).

От движенья солнца,

От раскатов грома

И от звезд молчанья

Отрешите сердце!..

Голос диктора (*заглушая пение и барабаны*).

Впереди всех танцует юная девушка,

С ее плеч сорвали шаль,

Ей кидают цветы...

Ее губы смеются, а глаза — холодны...

По ю щ и е г о л о с а.

Эту песню слышит тот,

Кто с мечом сюда идет.

Добрый знак ему пошлем —

Сердце в жертву принесем...

Г о л о с д и к т о р а (*заглушаемый пением и барабанами*).

Она идет... Бьют барабаны...

Толпа кричит... Она у храма...

Восходит медленно...

За ней другие — пять... десять...

Сотни следуют за ней вверх по ступеням...

Она почти наверху... Цветы упали...

Она обернулась... Жрецы окружили ее...

Барабаны внезапно смолкают. Наступает мгновенная тишина, затем раздается чей-то гневный голос.

Г о л о с д и к т о р а.

Постойте! Что же случилось?..

Один из министров — из самых старых —

Генерал — он в военной форме —

Гонит всех вниз древком знамени...

Раздаются крики и вопли, но все спускаются...

Он говорит им что-то, его слышно...

Г о л о с г е н е р а л а (*покрывая шум толпы*).

Люди! Старики! Слушайте!

Поверните ваши шеи, не ленитесь!

Нож в кулаке подождет вас.

Всему свое время:

Подумали о небе —

Подумайте о собственной шкуре!..

Взгляните же наконец на горы!..

Видите — ветер несет дым.

Это дым городов.

И кто это сделал? Завоеватель!

Куда он пойдет теперь? Вперед!

Иго будущего нисходит на вас!..

Г о л о с д и к т о р а.

Он овладел вниманием толпы.

Даже жрецам это ясно...

Все смотрят на восток —

Там вдали виден дым...

Он заполняет долины, как черные тучи...

Голос генерала.

Вы глупые старики!
Вас следует выпороть за безрассудство!

Ваши деды умирали за свободу,
А вы — вы предаете ее!..

Вы мнили, что ваши свободы дают безопасность...
Вы думали вечно одними словами играть...
Очнитесь! Клянусь вам, что это не так!..

Кто думает встретить тирана хлеб-солью,
Чтоб жирно поесть за его столом,
А наевшись, спокойно уйти,
Тот или законченный дурак,
Или родился холопом
С низкой душой подлеца...

Г о л о с д и к т о р а.

Все смотрят на дым —
и, толкаясь, сбиваются в кучи..
Женщины подхватывают корзины,
сажают на плечи детей..
Дымом повеяло вдруг
и паническим страхом...

Голос генерала.

Самое страшное в мире —
Не голод, не бедность,
Даже не слезы голодных детей...
Хуже — быть холуем Сильного Человека!..

Свободные выйдут на бой за свободу!
Свобода для них — прежде всего.
Сытые или голодные — но они свободны.
Все остальное приходит потом —
Пицца, крыша, работа,
Даже небо и солнце на нем!..

Голоса из толпы звучат все громче, пока не смешиваются в общем шуме криков и барабанного боя.

Г о л о с д и к т о р а.

Солнце пожелтело от дыма...
Город горит...
У разрушенного моста — давка...

Г о л о с г е н е р а л а *(призывно)*.

Вы!.. Кто из вас?.. Вы вступите в бой?!..
Еще есть пядь земли, чтоб драться!..
И в наших стенах есть еще бойницы!..
На лестницах сражаться можно с ним!..
И даже в темноте домов — сражаться!..
Уж лучше смерть в бою,
 чем рабство для потомков!..

Г о л о с д и к т о р а *(сквозь шум)*.

Его не слушают...
На площади давка, вопли, крики...
Все больше и больше беженцев...
Все улицы — от самого моста — полны беженцев.
Они заполняют площадь, а вслед за ними — дым...
Площадь задыхается от дыма
 и невообразимой толчеи....
Люди карабкаются по ступеням,
Теснят министров, кричат...
То и дело слышны их крики...

К р и к и г о р о ж а н.

— Город обречен!..
 Его не защищают!..
— Пусть завоеватель возьмет его!..
 Город — его!..
— И век — его!..
 Весь век принадлежит ему!..
— Все учреждения наши устарели!..
 Он движется, а мы все заседаем!..
— Умничанье все и болтовня!..
 Удобство праздных совещаний!..
— Век требует решительных людей,
 И ко всему готов завоеватель!..
— Он дела человек, а не сомнений!..
— Он знает, чего хочет!
— Его дела опережают слухи!
 Он здесь — и мы застигнуты врасплох..
— Но он один, а нас — тысячи!..
— Кто защитит нас хоть от одного?..
— Бросайте оружие!.. Рвите знамена!..
— Сдадим ему город, пока город цел!..

Г о л о с д и к т о р а.

Они кидают свое оружие в костры,
Площадь усеяна его обломками...

Г о л о с а г р а ж д а н.

— Свободные люди!..

- Свободным людям
 Нужен господин!..
- Порядок должен нами управлять!..
- Свобода — для глупцов!
 В бесправии — определенности!..
- Свобода нас лишила силы
 и развратила души нам!..
- Людьми необходимо управлять!..
- Глупцами надо править!..
- Боязнь и голод
 Возвратят нам гордости!..
- Свободой будут цепи!..

Г о л о с д и к т о р а.

Прибывают последние защитники,
Они врываются с улиц,
Как листья, гонимые ветром,
И рассеиваются по площади...
Их все меньше и меньше —
 десять всего или пять...
Они бегут, оглядываясь назад...

Вот и нет никого. Улицы пустынные.
Толпа отступает, глядя в пустоту улиц...

Смолкают крики...
Голоса чуть слышны..
Все ждут...

В сиянии солнца стоят они молчаливо и ждут.
И в гулкой тиши замирает эхо их барабанов...

Какой-то новый звук...
Они его видят. Наверное, видят!..
Они прикрывают глаза от солнца,
 их шепот — как шорох...
А солнце слепит, смотреть невозможно..
Постойте!.. Конечно!..
Он там, в конце улицы, держится тени.
Мы видим его!..
Какой он огромный — выше любого,
В плечах — богатырь!..
Тяжелая поступь, бряцает металлом,
Зияют глазницы закрытого шлема...

Он приближается!..
 Вышел из тени...
 Весь на свету!..

Все закрывают лица руками —
и падают ниц...
Они — на земле...
Он среди них шествует одиноко...
Доспехи гремят,
тяжелой ступней
свою же тень попирает...
У пирамиды... Взошел на ступени...
К площади повернулся...
Рука поднимается вверх...
Забрало открыто...

Мгновенная напряженная тишина, затем тихий голос диктора — почти шепот.

Никого!..
Там нет никого!..
Совсем никого!..
В шлеме пусто!..
Пусто в металле, пусто в броне,
в грозных доспехах — пусто!..
Я повторяю — там нет никого,
только комплект металла —
Груда металла, узел железа,
пустые доспехи...

Один толчок повергнул бы его!..
Они не видят!..
Все лежат в пыли —
В обломках, в пепле своего оружия
они лежат —
И ничего не видят
иль не желают видеть
и молчат...

Слепая вера создает тиранов,
Но люди сами
верить в них хотят
И жаждут
избавленья от свободы...
И вот свободе их пришел конец...
Они — в пыли!..

Слышен неясный звук, заглушаемый голосом диктора.

Слушайте!.. Это его рука! Она поднимается!
Его рука поднимается!..

Все смотрят, как она поднимается...
В толпе движение, крики...
Они кричат — восторженно кричат...
Слышите?
Они кричат, как победившие войска,
Как будто победители — они,
Как будто им принадлежит победа...
Слушайте...

Ш у м г о л о с о в.

- Обрел свободный город властелина!..
- Обрел свободный город властелина!..
- Наш город пал!..
- Наш город пал!..

Г о л о с д и к т о р а (*тихо*).

Город пал...

Тучи и пламя

(Инсценировка для радио Чарльза О'Нила)

Музыка. Все громче и громче звучат голоса, поющие «Пламя разгорается...» или «Отпусти мой народ...». Затем пение постепенно замирает.

Из шума толпы, который начинает стихать, становится различим разговор.

Бондз. А все потому, что мы черные, преподобный отец Тэйлор!.. Потому и подышаем с голоду!..

Сара. Верно, староста Бондз! «Пусто в кармане, нет ни гроша... Белому — булка, нам — ни шиша!..» Так вот устроен этот мир, преподобный отец... И сколько же можно все это терпеть?

Тэйлор. Сестры!.. Братья!..

Сара. Разве мы для себя просим, преподобный. Мы для детей наших... Им есть нечего...

Тэйлор. Сестры и братья!

Ждет тишины. Голоса стихают.

Я знаю, что вы голодаете... И у меня в доме еды найдешь не больше, чем в ваших домах...

Бондз. Так что же мы должны теперь делать, отец?

Тэйлор. Сегодня я опять ходил туда, в Бюро помощи, и мне сказали, что мы должны подождать... И белые и черные — все мы должны ждать. Говорят, пособия задерживают не в Вашингтоне, а где-то здесь...

Сара. Вот именно здесь их задерживают, преподобный отец Тэйлор! Это все начальник полиции Бруден и мистер Лоу. Может, взятка нужна, а может, они просто не хотят, чтобы негры сыты были. Это уж точно, они и задерживают пособие...

Тэйлор. Но только не мэр Болтон, сестра Сара... Он делает все, что может. Правда, видит бог, не так уж много он и может.

Бондз. Но мы-то кое-что можем, преподобный отец... Пойдите только завтра с нами!..

Голоса. Верно, брат Бондз! Поведи нас, преподобный!

Тэйлор (*медленно*). Вы и в самом деле все еще хотите идти завтра в центр города?

Бондз. А что еще нам остается делать, преподобный отец? Вы же сами сказали, что Вашингтон тут не виноват. Вот когда они прослышат о нашей демонстрации, они быстрехонько найдут, кто задерживает пособие... Мы-то уж знаем, что не все белые против нас.

Смит (*волнуясь*). Преподобный отец Тэйлор, не слушайте вы их... Староста Бондз с Сарой просто хотят, чтобы нас поубивали, вот и все!.. Нас всех линчуют, всех до одного линчуют...

Сара. Мистер Смит, мы говорим с преподобным отцом Тэйлором!.. Тэйлор. Сестры! Братья! Не за себя я боюсь, вы знаете это... Не могу же я повести людей, чтобы их там поубивали... Не могу я подставить вас под пули...

Бондз. Мы знаем, отец, что вы не из пугливых... Не спасовали же вы перед теми гадами, что хотели линчевать сына Элли Джонсон, а у них ружья были.

Тэйлор. Это совсем другое дело, брат Бондз... Они гнались за мальчиком, и у меня не было другого выхода, как встать у них на пути. А здесь зачинщики — мы... Получается, что мы вроде угрожаем им, если выйдем на демонстрацию...

Бондз. Мы же только попросили бы хлеба, отец...

Тэйлор. Боюсь, быть беде, и до убитых дойдет... Ведь я христианин, брат Бондз, и не буду я чист перед господом богом, если пошлю мой народ навстречу полиции...

Сара. Но послушайте, преподобный отец, если завтра выйдет на демонстрацию много народа, не смогут же они убить всех... Если нас выйдет много, они даже дубинки пустить в ход побоятся...

Смит. Да не слушайте вы ее, преподобный отец Тэйлор! Она еще хуже, чем брат Бондз...

Сара. Закройте свою пасть, староста Смит... Струсили вы, вот что...

Смит. Не струсил я! Я просто еще не выжил из ума! Вот и все! Никогда еще не было пользы от этих выступлений против белых... Никогда! Верно я говорю, преподобный отец Тэйлор?

Тэйлор. Не знаю, староста Смит, что и сказать... Знаю только, что господь бог не для того создал зеленые поля, чтобы мы умирали с голоду, глядя на них. А белые не дают нам их возделывать для себя и не платят нам, когда мы возделываем землю для них... И сейчас, когда нам есть нечего, говорят, что у них нет для нас хлеба...

Сара. Правду вы говорите, преподобный отец, святую правду!

Тэйлор (*словно сам с собой*). А мы могли бы снова заставить поля зацвести... Пахали бы землю, и мотыжили ее, а потом руки наши собирали бы урожай... (*Сухо.*) Я — ваш проповедник, и я должен вывести вас, подобно Моисею, из мрака на землю обетованную...

Г о л о с а. Слава всевышнему! Слава!

Тэ й л о р. Но я не знаю, как это сделать. Я знаю, что вам нечего есть... Знаю, что все несправедливо устроено. Но я не знаю, что сказать вам, как наставить вас: вот брат Бондз и другие хотят устроить завтра в центре демонстрацию и прямо потребовать хлеба...

Б о н д з. Да, так мы и сделаем, преподобный отец... И пусть они выставляют ружья, сколько им вздумается...

С а р а. Преподобный, если вы велите идти, выйдет тысяча людей...

Тэ й л о р. Сестра Сара, я же сказал вам, что не знаю, как быть... Если кто-то из вас считает, что завтра надо идти, я не могу сказать ему «нет», но, если кто-то не захочет пойти, у меня не останется сил сказать ему, чтоб он шел...

Б о н д з. Но что же нам тогда делать, отец?

Тэ й л о р. Сестры и братья! Единственное, что мы всегда можем, это воззвать к всевышнему. Я говорю вам: «Давайте помолимся!» (Пауза.) Господи, господи всемогущий! Ты сотворил солнце и луну, и звезды, и землю, и моря, и людей, и животных...

Г о л о с а. Слава тебе, господи, слава...

Тэ й л о р. Ты сотворил все это, господи; ты дал нам разум, грешным...

Г о л о с а. Ты дал нам разум...

Тэ й л о р. Ты велик и всемогущ, и воля твоя правит миром...

Г о л о с а. Воистину правит, господи...

Тэ й л о р. Ты вывел детей Израиля из земли египетской...

Г о л о с а. Ты вывел их, господи!..

Тэ й л о р. Ты можешь остановить солнце и смирить бурю...

Г о л о с а. Ты можешь сделать это, господи...

Тэ й л о р. Ты разрушил стены Иерихона и сохранил жизнь Ионе во чреве китовом.

Г о л о с а. Ты сохранил ее, господи...

Тэ й л о р. Господи, ты опора наша во время бедствия, ты — прибежище в долине земной!

Г о л о с а. Слава тебе, господи, слава!

Тэ й л о р. Господи, ты повелел воззвать к имени твоему, и ты дал ответ...

Г о л о с а. Скажи свое слово, господи!

Тэ й л о р. Обрати взор свой на нас, грешных, господи! Просвети души наши и яви нам волю твою! Скажи нам слово свое, как ты сказал свое слово Иакову!

Г о л о с а. Скажи слово свое, господи, и души наши откроются тебе!..

Тэ й л о р. Господи, скажи нам слово свое, и мы повинемся тебе. Испытай нас, господи, испытай нас, и ты увидишь, как мы будем послушны воле твоей! Помощи ожидающие, припадаем к стопам твоим и ждем перста твоего указующего.

Голоса. Ждем перста твоего указующего, господи...

Тэйлор. Белые не дают нам возделывать землю твою! Они присвоили все блага мира, присвоили на веки вечные. Они хотят занять твое место, господи!..

Голоса. Скажи им слово свое, господи!

Тэйлор. Ты создал нас и пустил в этот мир, и сказал, чтобы мы жили здесь! Ты сказал, что мир этот тебе принадлежит. Поддай нам знак, как ты поддал его Саулу. Поддай нам знак, и мы повинемся ему. Просим тебя во имя сына твоего Иисуса Христа, который принял смерть, дабы мы могли жить!.. Амины!..

Голоса. Амины! Амины! Амины! О господи...

Музыка.

Джимми (*запыхавшись*). Па, послушай меня, па!

Тэйлор. Что случилось, сынок!

Джимми. Ты сейчас в церкви был? Да?

Тэйлор. Именно там я был, Джимми. Но я только и мог, что призывать их к молитве. А почему ты об этом спрашиваешь?

Джимми. Мэр приехал, хочет видеть тебя.

Тэйлор. Мэр?

Джимми. Да, и еще двое белых с ним. Один из них — начальник полиции.

Тэйлор. Они уже тут?

Джимми. Да, сидят в приемной. Я даже испугался, па. Знаешь, Сэм был здесь только что. Он говорит, может, белые уже пронюхали, что мы хотим устроить завтра демонстрацию, и они гоняют по улицам на машинах и грозят неграм, чтоб носа не показывали на улицу, а то, говорят, достукается...

Тэйлор. Так вот почему мэр сюда заявился! Они пронюхали, что задумал брат Бондз...

Джимми. Мне и Сэм это сказал. Слушай, па, я позову сюда Сэма, Пита, Боба и Джека и еще кой-кого из ребят, вдруг что случится...

Тэйлор (*резко*). Джимми! Ты что? И думать не смей!.. Ни в коем случае, сын! Надо быть осторожным! Стоит белым заподозрить что-то такое, они обрушатся на нас всех... И начнутся бесчинства!..

Джимми. Пусть лучше нас поубивают ни за что ни про что?!

Тэйлор. Послушай, сын! Делай так, как я тебе велю! Иди к ребятам и скажи, чтоб не заводились, пока я с ними не поговорю. Слышишь? А то из-за таких сопляков нас всех перебьют!..

Джимми. Но, па...

Тэйлор. Иди и делай, как тебе велят, слышишь или нет? А я теперь пойду, надо поговорить с мэром. И без вас хлопот

не оберешься, а тут еще эти сопляки будут мне устраивать неприятности...

Джимми (*нехотя*). Да, сэр...

Слышны шаги Джимми.

Тэйлор (*громко*). Иди и делай все сейчас же! И скажи им, чтоб никаких там глупостей...

Джимми (*уже издалека*). Да, сэр... Я скажу им, па... (*Ушел.*)

Тэйлор (*глубоко вздохнув, самому себе*). Это все не просто.

Шаги. Дверь открывается. Шаги. Вторая дверь открывается. Звук шагов прекращается.

Мэр (*неискренне*). Вот и он, шеф. Сам старый преподобный отец Дэн Тэйлор! Как поживаешь, Дэн?..

Тэйлор (*настороженно*). Добрый вечер, мистер мэр...

Мэр. Рад видеть вас в полном здравии, Дэн!.. А как Джимми?

Тэйлор. Все в порядке, ваша честь...

Мэр. Вот и хорошо! Рад это слышать. У вас вырос прекрасный мальчик, Дэн...

Тэйлор. Я очень рад, что вы так думаете, сэр...

Мэр. Да, да... Если ты правильно воспитаешь своего сына, в один прекрасный день он станет во главе своего народа, Дэн. Так же, как ты сейчас...

Тэйлор. Это мечта моей жизни, сэр...

Мэр. Да, да, Дэн.. У тебя прекрасная семья... Так вот, Дэн, это начальник полиции Бруден... А это Дэн Тэйлор, шеф. Тот самый старик, о котором я вам говорил...

Тэйлор. Как поживаете, мистер шеф?..

Бруден (*вежливо*). Хэллоу, старик!

Мэр. А это, Дэн, мистер Лоу, начальник нашей славной заводской охраны...

Тэйлор. Как поживаете, сэр?

Лоу. Ну, давайте приступим, мэр...

Мэр. Присаживайся, Дэн...

Тэйлор. Да, сэр...

Мэр. А тебя не удивляет наш неожиданный визит?

Тэйлор. Да, сэр. Но я рад помочь вам всем, чем могу, сэр.

Мэр. Вот и чудесно!.. Я знал, что ты так и скажешь. Послушай, Дэн, мы хотим, чтоб ты нам помог. Ты уважаемый человек в своем приходе, потому-то и приехали к тебе.

Тэйлор. Я стараюсь выполнять свой долг так, как велит мне господь бог, сэр...

Мэр. Вот и прекрасно, ты молодец, Дэн... Я хочу поговорить сейчас с тобой совершенно откровенно... На, возьми сигару, Дэн...

Тэйлор. Спасибо... Я не курю...

Мэр (*помолчав*). Дэн, ты понимаешь, что не ко всякому негру при-

шел бы я вот так разговаривать. И не всякому негру я бы доверился так, как собираюсь довериться тебе. Я поступаю так, ибо верю тебе. Я знаю тебя почти двадцать пять лет, Дэн. И все это время я делал тебе только хорошее, не так ли?

Тэйлор. Должен сказать, что так, ваша честь...

Мэр. У мистера Лоу и начальника полиции был другой план, но я и слышать о нем не захотел. Я сказал им, мы с Дэном Тэйлором наведем здесь порядок. Мы раньше работали вместе, и я не понимаю, отчего мы не можем работать вместе и сейчас. В конце концов, Дэн, все мы люди, не правда ли?

Тэйлор (*медленно*). Да, сэр... Мы в самом деле люди...

Бруден (*резко*). Что ты сказал, Тэйлор?

Мэр. Поймите, шеф, мы же договорились, что попытаемся действовать моим способом, не правда ли? Видишь ли, Дэн, все, что я делал для тебя раньше, я собираюсь делать и теперь. Помнишь, я поддерживал тебя тогда с этим сыном Элли Джонсон?..

Тэйлор. Да, сэр. Вы очень помогли мне и моей семье, сэр...

Мэр. Дэн, я не буду ходить вокруг да около. Тут поговаривают о том, что твой народ собрался завтра устроить демонстрацию в центре города.

Тэйлор (*подумав*). Да, сэр... Я слышал об этом...

Мэр. Это довольно-таки гнусные разговорчики, Дэн...

Бруден. Слушай, Тэйлор!.. Всякий, кто посмеет разводить расовые беспорядки у нас в городе, закончит свой путь на конце веревки...

Лоу (*с холодной угрозой*). Так и будет. Имей в виду. Если не хуже.

Мэр. Ну, что вы, Джейк! Дайте мне сказать. И вы тоже, шеф. Что это все значит? Чего ради вы разговариваете с Дэном таким тоном? Он не имеет никакого отношения ко всему этому делу. Приберегите этот тон для плохих ниггеров...

Бруден. Все ниггеры плохи, мэр, если они не знают своего места. Я сказал, что...

Мэр. Минуточку, шеф. Подождите, пожалуйста. Дэн не такой. Он не затеет ничего подобного и через миллион лет. Не так ли, Дэн?.. (*Пауза.*) Я спросил: «Не так ли, Дэн?»...

Тэйлор. Да, сэр, ваша честь. Я никогда не хотел неприятностей своему народу.

Мэр. Вот-вот, об этом-то и речь, Дэн. Я знал, что ты не позволишь вовлечь себя во все это.

Лоу. Кто подбил их на демонстрацию, Тэйлор?

Тэйлор. Никто не подбивал их, сэр. Им просто нечего есть, вот и все... Вот почему они говорят о таких вещах... Им просто-напросто нечего есть, и они не знают, что делать...

Лоу. Это все красная пропаганда, ниггер!..

Тэйлор. Клянусь богом, мистер Лоу, я и не собирался...

Лоу. Чего же они думают добиться этой демонстрацией?

Тэйлор. Они думают, что им, может, дадут немного хлеба.

Лоу. У меня они и крошки занюханной не получат!

Мэр (после паузы). Минуточку, Джейк! Послушай, Дэн. Вот мы все живем тут в старом добром Дикси. В нашем городе двадцать пять тысяч человек. Из них десять тысяч — черные, Дэн. Это — твой народ. Так вот, наше дело поддерживать порядок между белыми, и мне бы хотелось, чтобы ты отвечал за порядок среди черных. Давай действовать вместе, Дэн. Отчего бы тебе не взглянуть на дело с правильной точки зрения?..

Тэйлор. Мистер мэр, видит бог, я верно говорю, мой народ голодает...

Мэр. Дэн, мы делаем все, чтобы развязать этот узел в Бюро помощи. Но для этого просто нужно время... Так вот, ты сказал, что не имеешь отношения ко всему этому, и я верю тебе. Но они все еще продолжают болтать о демонстрации. Они даже говорят, что и белое отребье выйдет вместе с ними. Я думаю, ты понимаешь, чем это пахнет, Дэн... И ты единственный, кто может помешать этому...

Тэйлор. Я же сказал вам, что не велел им идти в центр, мистер мэр...

Мэр. От тебя требуется нечто побольше. Цветные здесь тебе доверяют. Они сделают все, как ты велишь. Так вот, если ты хочешь рассчитывать на наше доброе отношение, ты должен сказать им, чтоб они и не думали выходить на улицу.

Бруден. Поговори с ними, Тэйлор. Объясни, что к чему.

Мэр. Ну, что ты скажешь, Дэн?

Тэйлор. Мистер мэр, бог на небе видит, что мой народ голодает...

Мэр. Дэн, у тебя было здесь определенное влияние, и надеюсь, оно есть у тебя и сейчас. Я прошу тебя теперь использовать это влияние и велеть своим людям не показывать завтра и носа на улицу!..

Тэйлор. Мистер мэр, я в самом деле очень благодарен вам за все, что вы сделали для меня и моего народа, но люди по-прежнему голодают, сэр... Не можете ли вы помочь сейчас, чтобы они получили какую-то работу или пособие?

Мэр. Ты хочешь сказать, что не станешь говорить с ними, Дэн?

Тэйлор. А что я могу сказать им, сэр? У моего народа нет земли. Это же не по закону. И у них нет работы. Что же им остается делать? Они не хотят неприятностей, но...

Бруден. Хватит тут разглагольствовать, ниггер!..

Мэр. Мне очень жаль, Дэн...

Тэйлор. Что вы хотите сказать, ваша честь?

Звук. Мэр встает со стула.

Мэр. Ты не хочешь послушаться меня, Дэн... Что ж, теперь будешь иметь дело с шефом полиции и мистером Лоу...

Тэйлор. Мистер мэр, но ведь...

Бруден. Заткнись, черномазый!.. Мэр, я с самого начала был против того, чтобы идти сюда и разговаривать с этой образиной, как с обычным белым человеком. Пора повышибать ему зубы, вот что!.. Слушай, Тэйлор. Я начальник полиции в этом городе, и я не допущу здесь никаких беспорядков. Торговая палата против всяких демонстраций. Слышишь—всяких!.. Завтра я поставлю на улицах три сотни полицейских, и если хоть одна черная рожа покажется в центре города, мы сделаем из нее отбивную котлету... До сих пор здесь не было расовых бунтов, но если вам, черным, нейдет, мы вам зададим перцу!..

Тэйлор (*с отчаянием*). Мистер мэр, неужели вы ничего не можете сделать для...

Мэр. Я умываю руки, Дэн.

Лоу (*тихо и злое*). Так что смотри у меня, черномазый... Смотри у меня...

Музыка.

Бондз. Ну и что они сказали вам, преподобный отец?

Тэйлор. То и сказали, брат Бондз...

Смит. И они сделают это, преподобный!.. Они убьют каждого, кто выйдет в город...

Бондз (*медленно*). Значит, отец, они тоже испугались...

Смит. Да, испугались.. И как раз поэтому они убьют каждого дурака, который вылезет завтра утром на улицу...

Бондз. Что скажете вы, преподобный?..

Тэйлор. Все еще не знаю, что сказать, брат Бондз...

Бондз. Если выйдет лишь несколько человек, они перебьют нас, как пить дать... Но если нас соберется много... И потом — не все же белые такие, как шеф полиции... И если бы нас собралось побольше...

Смит. Он хочет заставить вас, преподобный, вести их. И я опять говорю, что всякий, кто ведет людей под ружья и дубинки полиции, сам творит кровопролитие и бунт, и, стало быть, нет в нем божьего духа...

Бондз (*резко*). Дай отцу сказать самому, староста Смит!

Тэйлор. Я не могу вот так взять и призвать их выступить, брат Бондз. Я не могу...

Бондз. Значит, нам остается идти в город одним, с теми, кто уже решился?..

Тэйлор. Вас мало, брат Бондз. Они перебьют вас, если вы пойдете...

Бондз. И все же мы пойдем, отец. Дубинки и пули не страшнее, чем дети, мрущие от голода... Очень жаль, что вас не будет с нами...

Тэйлор. Если б я не был проповедником, я бы не раздумывая пошел с вами, брат Бондз. Может, я сам еще и пойду с вами, но я никак не могу призвать других людей к этому, не могу подставлять их под удары дубинок, под пули, не могу уготовить им веревки линчевателей...

Смит. Правильно, отец!..

Бондз. Делаете вы чего или не делаете — я не могу вас винить, преподобный отец... Путь вам указан свыше... Я же просто хочу сказать, что мы все равно пойдем в город, даже если нас будет столько, чтобы лишь дать потешиться их дубинкам...

Тэйлор. Послушай, брат Бондз, а что если завтра мне еще раз сходить одному к ним в город, может быть...

Бондз. В одиночку ничего не добиться, преподобный отец!..

Смит. Нечего слушать его, преподобный!.. Правильно было сказано, не надо ввязываться в это дело!..

Звук шагов.

Джимми (*приближаясь*). Па!.. Эй, па!..

Тэйлор. Что, сынок?..

Джимми. Опять к тебе... И снова белые... Они в машине.

Тэйлор. Джимми!.. А это не мэр вернулся?

Джимми. Темно, па, я и не видел, кто там сидит... Спросили тебя, и все.

Бондз. Пойдите, преподобный отец... Может, тут какая ловушка!..

Тэйлор. С чего бы? Вы еще никуда не ходили, мое настроение они знают... Я думаю вот что... Может, они уладили вопрос с нашими пособиями и хотят сказать мне, чтобы мы передали об этом каждому... Джимми, побудь пока здесь... Я скоро вернусь...

Звук удаляющихся шагов.

Бондз (*громко, на расстоянии*). Будь осторожен, отец!..

Шаги, дверь открывается, снова шаги.

Тэйлор (*приближаясь*). Вы меня звали?

Джо. Ты — Тэйлор?

Тэйлор. Да, сэр...

Лоу (*из глубины, приглушенно*). Он самый, Джо...

Джо. Лезь в машину, только сзади. Быстро!

Тэйлор (*озадаченно*). Но...

Лоу. Врежь ему, Джо!

Звук тяжелого удара. Сдавленный крик Тэйлора.

Б о б. А теперь лезь в машину, черномазый!..

Тэй л о р. Пойдите, сэр! Вы не имеете пра...

Новые удары. Тело швыряют в машину.

Д ж о. Вон мешок — набрось ему на голову!..

Л о у. Ишь ты, умник нашелся!.. Захотел пертеть целым городом, а?..

Тэй л о р (глухо). Клянусь богом, сэр, я ничего не хотел...

Снова удары... Включается мотор машины.

Л о у. Думаешь, черномазый может пойти против белых, и это ему с рук сойдет, а?.. Пора тебя проучить, Тэйлор, и уж сейчас ты свое получишь...

Шум мотора... Постепенно стихает.

Приближающиеся шаги — люди идут сквозь кустарник, затем останавливаются.

Порядок, Джо. Вот приличное деревце, и забрались мы что надо. Снимай с него мешок и принимайся за дело.

Д ж о. О'кэй, Джейк...

Б о б. Вставай, черномазый!.. Тебя еще и бить-то не начинали...

Д ж о (с издевкой). Откройте глазки, преподобный отец Тэйлор!..

Звук: щелчок плетью.

Знаешь, что такое плеть, а?.. (Пауза.) Ты что, оглох?..

Сильный удар плетью.

Ну, уразумел, что это за штука?..

Тэй л о р. Мистер, я ничего не делал...

Д ж о. Не-ет, конечно, ты ничего не делал!.. Ты вообще никогда ничего не делал, не так ли?.. Просто стоял в сторонке, когда черномазый сброд начал угрожать белым людям!.. Так вот, после этой нашей беседы ты поймешь, надо ли говорить своим людям, чтобы они не выходили утром на демонстрацию... Снимай куртку!.. (Пауза.) Сказано тебе — снимай куртку! Хочешь, чтоб я содрал ее с тебя плетью?.. (Короткая пауза.) Теперь сбрасывай рубаху и белье... Ну-ка поживей, поживей!..

Б о б. А руки, Джо?

Д ж о. Свяжи их...

Тэй л о р. Послушайте, мистер... Я никогда...

Д ж о. На колени, святой отец!.. А теперь мы послушаем, как ты молишься, святой отец...

Пауза, затем удар плетью.

Я сказал — м о л и с ы!..

Тэйлор. Послушайте, мистер, не бейте меня. Я ничего не делал!..
Боб (*нетерпеливо*). Дай мне пухнуть в него разок, Джо...

Джо. Потерпи немного, Боб. Он никуда не торопится.. Ну, святой отец, ты будешь молиться, или ты хочешь, чтобы я вышиб из тебя дух?..

Удары плетью — раз, другой. После каждого удара слышен стон Тэйлора.

Тэйлор. Я буду молиться, сэр... Я буду молиться!..

Джо. Тогда валяй, ты, черный Моисей!..

Снова удар плетью.

Тэйлор (*рыдая*). Отче наш... (*Удар плетью*.) Сущий на небесах... (*Удар плетью. Рыдание смолкает*.) Нет!.. (*С неожиданной силой*.) Нет, я не буду молиться!.. Убейте меня, но к господу я больше не обращусь!.. Ни за что!..

Боб. Ого!.. Он еще ерепенится!.. Дай-ка мне плетку, Джо...

Тэйлор. Ну, давайте, убейте меня!.. Свяжите и убейте, вы, подлые белые трусы!.. Но час расплаты придет... дай бог мне силы... Слышите?.. Час расплаты придет!..

Лоу. Всыпь ему, Боб. Всыпь ему!..

Удары плетью. Стоны...

Музыка.

Джимми (*приближаясь, с ужасом в голосе*). Па!.. Па, что они с тобой сделали?..

Тэйлор. Ничего, сынок... Только чтоб мать не видела моей спины... (*Слабо*.) Возьми ту рубашку, помоги мне ее надеть...

Джимми (*яростно*). Па, я возьму ружье, я пойду...

Тэйлор. Нет, Джимми... Мальчик!.. Ты не возьмешь ружья..

Джимми. Па, я не могу видеть это и...

Тэйлор. В одиночку ничего не сделаешь, Джимми... Ничего...

Джимми. Всю ночь мы искали тебя, па... Всю ночь...

Тэйлор. Я добрался до дома, сын... чтобы сказать тебе кое-что...
Сказать всем нашим людям... Джимми, уже светло, да?..
Я почти ничего не вижу...

Джимми. Уже утро, па...

Тэйлор. Утро... Да, сын, это и вправду утро... Теперь я понял то, чего не мог понять раньше...

Джимми (*резко*). Па, сначала я приведу тебе врача, а потом пойду...

Тэйлор. Сынок, погоди, не надо мне сейчас врача, и ты не ходи, а помоги мне подняться...

Джимми. Па, тебе нельзя вставать!.. И не думай!..

Тэйлор. Джимми, я слышу, там собрались люди... Сходи посмотри, сынок... Посмотри — это наши люди?..

Звук шагов.

Джимми (*на расстоянии*). Па, весь двор полон народа!.. Их сотни, па... Сотни!..

Тэйлор. Помоги мне встать, сын...

Джимми. Па, что ты хочешь делать?..

Открывается дверь, шаги.

Бондз (*приближаясь*). Преподобный отец!.. Преподобный отец Тэйлор!..

Тэйлор. Брат Бондз!.. Я рад, что вы пришли...

Бондз. Отец, это мы виноваты, что они схватили вас... Все из-за этих разговоров о демонстрации...

Тэйлор. Брат мой... Твоя голова... Вся обвязана...

Джимми. Мистер Бондз, и вас избили!..

Бондз. Они поймали меня на Саммер-стрит, я искал там вас, отец... Всю ночь они гоняли по городу на машинах и били всякого, кто только из наших им ни попадался... Все это из-за нас. Теперь я понял... Вы правильно говорили, отец, ничего у нас не выйдет!..

Тэйлор. Брат Бондз, все остальные тоже так думают... что ничего у нас не выйдет?..

Бондз. Они думали, демонстрация поможет, преподобный отец... Теперь они знают, ничего нам не поможет... ничего!..

Тэйлор. Джимми, поддержи-ка меня...

Джимми. Па, тебе нельзя...

Тэйлор. Помоги мне встать, Джимми... Мне бы сделать только первый шаг...

Бондз. Преподобный отец!.. Куда вы?..

Тэйлор (*тихо*). К людям, брат Бондз... Мне надо с ними поговорить...

Музыка.

Нарастающий шум толпы.

Сара (*громко*). Да тише вы!.. Замолчите же наконец!..

Шум становится тише.

Джимми (*шепотом*). Па, держись за мое плечо...

Тэйлор (*тихо*). Спасибо, сынок... Теперь я могу стоять...

Сара (*громко*). Утихнете вы или нет!.. Вон преподобный отец!..

Шум стихает совсем. Полная тишина.

Тэйлор. Сестры и братья...

Женский голос (*истерично*). Боже мой!.. Вы посмотрите на него!.. Господи-и!..

Сара. Тсс!..

Тэйлор (*после паузы*). Сестры и братья!.. Уже неделю вы ждете от меня слова о том, что вам делать... Вы удивлялись, что я ничего не говорил... Сестры и братья, я не говорил ничего потому, что не знал, что сказать... А сейчас я говорю только потому, что теперь я знаю... Я знаю, что надо делать... Брат Бондз говорит, что, может, он ошибся, требуя демонстрации... Братья и сестры, вчера вечером несколько белых увезли меня в лес. Они увезли меня, потому что я сказал им, что вы голодаете. Они хотели, чтоб я отговорил вас от выступления, а я сказал им, что не могу... Потом они били меня. Они привязали меня к дереву и били, потому что я не захотел отговаривать вас потребовать хлеба насущного... Все эти годы я был у них в милости, они это делали нарочно, чтобы через меня говорить вам, как себя вести... Сестры и братья, видит бог, я всегда думал, что делаю правильно, когда говорил вам что-нибудь с их слов... И потому что в этот раз я отказался, они привязали меня к дереву и били, били в кровь... Сестры и братья, они били меня плетью и при этом заставляли поминать имя господа бога все... Они глумились над богом, над самым господом богом... А потом всю ночь я тащился домой, и спина моя горела огнем... Но другой, более сильный огонь жжет меня сейчас!.. Сестры и братья, я знаю теперь, что делать!.. Я будто прозрел!..

Гул толпы — и снова тишина.

В одиночку никому ничего не добиться... Никому!.. Но мы будем сильными все вместе... весь народ... все до одного!..

Толпа взрывается криком — и снова тишина.

Я знаю теперь суть нашей жизни!.. Я чувствую ее... Это — пламя!.. Да, пламя, как то, что жгло меня этой ночью!.. Всю свою жизнь я прожил на коленях, выпрашивая и вымаливая у белых людей крохи... жалкие крохи... Теперь я понял — никто не должен стоять на коленях... разве только чтобы помолиться господу богу... В нас горит пламень, в каждом из нас, и огонь этот неукротим!..

Гул толпы нарастает. Тэйлор говорит, покрывая его.

И есть другие белые люди, которые против того, чтобы нас били и убивали... Нам надо объединиться с ними, им надо объединиться с нами!.. Я понял теперь суть жизни!.. Это пла-

мя, и тучи, и страдание!.. И никому из нас не вынести этого в одиночку... Мы должны держаться друг друга... Вот что я хотел вам сказать!.. Волей божьей мы должны теперь действовать... и действовать сообща!..

Г о л о с а. Мы готовы!.. Веди нас!..

Б о н д з (*громко*). Мы пойдем, преподобный отец! Мы опрокинем преграды, мы...

Т э й л о р. Нет, брат Бондз!.. И крови, и убийств было уже предостаточно. Мы пойдем, но мы не будем учинять насилия.... Мы пойдем в город все вместе и потребуем хлеба... но безоружные... И если они захотят убивать нас, они могут убить... Но им придется поубивать всех до одного... и прямо на улице, на глазах у господ бога и всего мира... Вы готовы идти?..

Мощный крик толпы.

Г о л о с а. Мы готовы!..

Звучит органная музыка.

С а р а (*поет*).

Пламя ночью

И тучи днем...

Д р у г и е г о л о с а (*подхватывая*).

Всегда над нами

Тучи и пламя,

Когда мы вперед идем...

Громко звучит песня, толпа приходит в движение, начинается шествие.

Музыка.

Снова звучит песня, сначала на расстоянии, затем приближается, становится громкой... Ее поют сотни идущих людей... Песня эта, образуя фон, сопровождает все последующее действие.

Д ж и м м и (*шепчет возбужденно*). Па!.. Смотри, белые идут вместе с нами!..

Т э й л о р (*радостно и громко*). Вперед, сын мой, только вперед!..

Д ж и м м и. Подходим к площади, па!.. Смотри, там полицейские с ружьями!..

Т э й л о р. Вперед, сынок, вперед!..

М э р (*громко, приближаясь*). Дэн!.. Дэн Тэйлор!..

Д ж и м м и. Па, это сам мэр!..

М э р (*запыхавшись*). Дэн!.. Я предупреждал... Я не хотел беспорядков... Скажи своим людям... Уходитс, Дэн!..

Т э й л о р. Никаких беспорядков не будет, ваша честь!..

Звук шагов и музыка сопровождают последующее действие.

Мэ р (отчаянно). Скажи им, они получают сегодня продукты, если сейчас же отправятся по домам!..

Тэй л о р. Скажите им сами, ваша честь... Мы требуем только хлеба!..

Мэ р. Я скажу им, Дэн... Я скажу им!..

Д ж и м м и (после паузы). Па, он приказывает полицейским отступить... В самом деле, па, в самом деле!..

Тэй л о р. Вперед, сынок!..

Д ж и м м и. Па, держись за мое плечо... Сам ты не сможешь идти!..

Тэй л о р. Смогу, сын!.. Я с народом... и бог тоже с нами!..

Песня звучит победно, заглушая другие звуки.

Пламя ночью

И тучи днем...

Всегда над нами

Тучи и пламя,

Когда мы вперед идем...

Неопознанные

Музыкальное вступление. Затем на расстоянии — звук идущего паровоза, шипение пара.

Первый сцепщик. Ну, теперь расписание надолго к черту пошло.

Второй сцепщик. Нечего было этот старый драндулет прицеплять.

Первый сцепщик. Хорошо еще, что он другие вагоны за собой с рельсов не стянул.

Второй сцепщик. Уж скорей бы шериф приехал и убрал трупы.

Первый сцепщик. Наверно, это он едет.

Приближается и останавливается автомобиль. Звук открываемой и закрываемой двери.

Шериф. Это вы, сцепщики?

Второй сцепщик. Мы.

Шериф. А как этот вагон с рельсов сошел?

Первый сцепщик. Видать, сцепка сдала.

Шериф. Трупы под брезентом?

Первый сцепщик. Ага.

Шериф. А ну, Джим, посмотрим.

Шаги по гравию. Слышно, как отдергивают брезент.

Коронер. Трое!

Шериф. Мальчишки! Совсем дети!

Музыка, зыбкая и странная, служит фоном для нормальных, но по-странным лишенных всяких эмоций голосов.

Глен. Чтобы меня опознать, они обшарили мне все карманы. Не знаю, что лучше для мамы — узнать, что я погиб, или не узнать... Если она обо мне ничего не узнает, то будет мучиться до конца жизни... В любом случае она будет страдать... А это хуже смерти... Представить себе не могу, что ушел от нее из-за Рыбы... Этой себялюбивой дряни... Думал, что на Западе начну все заново, со свежими силами... И вот теперь я — свежий труп, вместе с этими двумя хорошими парнями...

Жаль, что на мне не оказалось значка моего колледжа... Это могло бы помочь шерифу... Меня звали Глен Уивер... Звали! Восемнадцать лет, и уже прошедшее время...

Ф и л л и. Думал, найду работу да буду жить по-людски... С тех пор как маманя померла, я все искал места, где не был бы чужим. Хорошо, что она померла до того, как это случилось...

Музыка резко обрывается.

К о р о н е р. Нигде не найду его имени.

Ш е р и ф. Пройдитесь еще раз по карманам. Должно же быть что-нибудь.

Прежняя музыка.

Ф и л л и. Пустое, шериф. Когда я пошел бродяжить, то потерял имя. Дома я был Джо Тэрнер. Но с тех пор, как встретил Дылду, он стал звать меня Филли... Дылда давно бродяжит...

Музыка обрывается.

К о р о н е р. Этого длинного, тощего малого тоже ни по чему нельзя опознать, шериф.

Ш е р и ф. А интересно, у этих босяков вообще когда-нибудь были имена?

Снова музыка.

Д ы л д а. Меня звали просто Дылдой... Таких, как я, тысячи — ездят в товарных вагонах, батрача, ишачат в кандалных бригадах — на севере, юге, западе и востоке... Мы никого не обижаем, а жратва нам ох с каким трудом достается... Звали меня Том Хиггинс... Редко я моим именем пользовался, да и помер прежде, чем пожить успел... Больше пяти лет бродяжил — с пятнадцати лет... Отец мой автомобили мыл... А детишек у него одиннадцать, и на всех еды не напасешься... Когда начал ездить на пару с Филли, стало вроде ничего. Кореш — это хорошо... Сколько поездов я перевидал, и в ящиках ездил, и на подножках, и все боялся — не угодить бы под колеса... Но кто бы подумал, что это будет моя последняя поездка? Мы с Филли чуть не опоздали на сортировочной... Стемнело... А он идет, огнем плюется да прижимает нас к вагонам на другом пути...

Музыка — agitato, нарастает. Звук идущего тяжело груженого состава.

Ф и л л и (задыхаясь). Валяй, Дылда, шевелись!

Дылда (*тоже задыхаясь*). Сыпь в товарный или в ящик! Я в открытую ехать не хочу!

Филли. Ишь, привереда! А ну, давай! А то он скорость набирает! Давай в угольный вагон!

Дылда (*кричит*). Снаружи холодно!

Филли (*кричит в ответ*). Ну, а я так поеду! Пока, Дылда! До встречи в следующей тюрьме!

Дылда. Ты меня не бросишь! Я ведь тут же, с тобой! (*Орет.*) Руку, Филли! А то не выходит! Ход слишком быстрый, отпустить нельзя.

Филли. Хватайся!

Слышна возня. К этому времени состав идет плавно, но скрежет колес и отдаленное пыхтение локомотива все время слышатся то громче, то тише, ритмически варьируясь.

Ставь ногу на нижнюю ступеньку! Вот так! Уф! Еле-еле удалось!

Дылда (*тяжело дышит*). Еле-еле? Мало сказать! Мне чуть пальцы не оторвало. Рука неметь стала.

Филли (*с отвращением*). Вот такие под колеса и попадают! Как это ты думал в товарный на ходу залезть?

Дылда. Я смотрел, нет ли где открытой двери.

Филли. Пора бы знать. Все двери на скором грузовом заперты. Все эти вагоны забиты до отказа.

Дылда. Тут где-нибудь должна быть еда.

Филли. А ты все о еде! А ну, лезем в угольный вагон, а то ветер как ножом режет.

Дылда. Но ведь тут уголь?

Филли. Не-а... Только гравий... Ну, пошли!

Дылда. Я с тобой.

Скрежет гравия. Филли и Дылда вскрикивают и отдуваются.

Филли. Ух ты! Хоть бы раз подушки положили.

Дылда. Или пообтесали бы камушки!

Глен (*чуть в стороне*). Быть хобо не сладко! Так ведь, ребята?

Филли. Кой черт...

Глен. Надеюсь, я вас не испугал.

Дылда. Вот это да! У нас компания!

Филли. Ты как сюда попал?

Глен. Как и вы оба. Только с другой стороны.

Филли. И куда направляешься?

Глен. В край витамина «Д» и голубых небес.

Дылда. В какой край?

Глен. В край витамина «Д», азотистой субстанции, передаваемой животным и растениям посредством солнечных лучей.

Дылда. Ах, пес меня заешь! Во треплется. И слова-то какие длинные.

Филли. Слушай, профессор. Ты брось бузить. Так друзей не наживешь.

Глен. Прошу прощения. Я не хотел бы возбудить в вас антагонистические эмоции после столь непродолжительного знакомства.

Филли. Ну, поехал...

Глен. Место моего назначения, друзья мои, — Калифорния.

Филли. Чего ж ты сразу не сказал? И нам туда же.

Глен. Ну, тут неожиданного мало. Туда едут девять бродяг из десяти.

Дылда. Да не все доедут. Везде легавые!

Глен. На всем западном фронте?

Дылда. По всей стране, черт подери! Не успеешь работы попросить, как заявляется какой-нибудь легавый и говорит: «А ну, ходу! Проваливай из города, или тюрьма!» Нелегко это, выматывает.

Филли. Они вообще не люди.

Дылда. Прошел я от побережья до побережья, а ничего хуже легавых в Санта Фе не видал. И жестко же они там стелют!

Глен. Не жестче этого гравия. *(Сстонет.)* Поворошу-ка его!

Шорох гравия.

Филли. Это вроде у Дылды кости стучат.

Дылда *(вспоминает)*. Эх, косточки мои, косточки, знали они когда-то мягкую перину, хотите верьте, хотите нет.

Филли *(тоже вспоминает)*. Ага. Я тоже что-то вроде этого помню. *(Внезапно.)* Ну, будя! Давай о другом, а то ка-ак пульну тебя камушком по башке.

Дылда. Да ну! Нешто нельзя попробовать позабыть про эти камни?

Филли. Если уже сидишь на них, так нет. *(Посмеивается.)*

Дылда *(раздраженно)*. Ладно, ладно. Тоже мне, умник!

Шум поезда усиливается. Паровозный свисток.

Филли. Слушай! А как тебя звать?

Глен. Глен Уивер. Можете, ребята, звать меня просто Глен.

Дылда *(жеманно)*. Очень приятно познакомиться.

Глен. Мне еще более приятно.

Дылда. А ты откуда, Глен?

Глен. Из Бостона.

Дылда. В самом деле? Я сам из тех краев, из Холиока, штат Массачусетс.

Глен. Да мы фактически соседи. А ты откуда, Филли?

Филли. Из Филадельфии. Поэтому Дылда и называет меня Филли.

Дылда. Да иди ты! Это город в твою честь назвали.

Глен. А правда то, что говорят о Филадельфии?

Филли. А что именно?

Глен. То, что девяносто девять процентов жителей там в постоянном оцепенении, а составляющие сотый процент после каждого слова зевают.

Филли (*смеется*). Ну, не так уж там плохо. Были бы деньги, а хорошо время провести везде можно.

Дылда. А ежели денег нет, то в тюрьму тебя, в тюрьму, вроде как меня закатали, когда я там последний раз был проездом.

Филли (*саркастически*). Ага. Но тогда я не имел удовольствия быть с тобой знакомым.

Глен. А где вы познакомились?

Дылда. В Питтсбурге.

Филли. Мало мне было неприятностей, а теперь еще этот меня сглазил.

Дылда (*обиделся*). Я его научил в товарных вагонах ездить, и я же его сглазил!

Филли (*презрительно*). Ты меня научил! Да когда бы не я, тебя бы сейчас тут не было.

Дылда. Черта лысого. Вот вам благодарности!

Глен. Когда я в Буффало впервые залезал в товарный, то чуть не попал под колеса. Но, по-моему, сейчас вполне овладел этим искусством.

Филли. А до этого как ездил?

Глен. От Бостона подвозили попутные машины, а от Буффало — посредством железнодорожного транспорта.

Дылда. Слыхал, Филли? «Посредством»! Ишь ты какой шикарный тип у нас в попутчиках.

Паровозный свисток. Пока состав делает поворот, скрежещут рельсы. От рывка перекачивается гравий.

Филли. Уй ты. Вот это поворот!

Дылда. При чем тут поворот! Не должно было быть такого рывка.

Глен. По-твоему, что-то не так?

Дылда. Может, со сцепкой неладно. Тогда дело плохо.

Глен. А разве не проверяют?

Дылда. Проверяют. Но хуже пассажирских. Тут только грузы да босяки.

Филли. Но грузы тоже ведь чего-то стоят?

Глен (*смеется*). Правильно, Филли. Если уж не о нас им заботиться, то о грузах. Во-первых, нам здесь быть вообще не полагается. Мы нарушаем закон. А помимо этого, груз кому-то нужен, а мы — балласт.

Состав дергает, и, пока он замедляет ход, гравий скользит.

Ф и л л и. Щя остановится!

Д ы л д а. Наверно, воду набирать будет. Впереди вроде большая цистерна. Если это парк, следи за второй сигнальной вышкой да за будкой стрелочника. Слезешь там — не ошибешься. А то сейчас в парках полным-полно легавых.

Поезд останавливается. Стук буферов.

Ф и л л и. Это не парк!

Д ы л д а. Ниже головы... Двое тормозных идут... С фонарями.

Г л е н. А если нас обнаружат, что тогда?

Д ы л д а. Трудно сказать. Иногда обходится. Они ведь и сами трудяги несчастные.

Ф и л л и. Цыц! Подходят!

Шаги по гравию и приближающиеся голоса.

Первый тормозной кондуктор. Большой груз, Билл. Надеюсь, что все в порядке.

Второй тормозной кондуктор. Один вагон вроде барахлит.

Первый тормозной кондуктор. Это не страшно.

Второй тормозной кондуктор. При такой нагрузке может быть и страшно.

Поезд трогается. Свисток.

Первый тормозной кондуктор. Пошел... Ну, до скорого.

Второй тормозной кондуктор. Есть.

Состав набирает скорость. Свисток. Шумы приглушаются, становясь еле слышным фоном.

Г л е н. Ладно, ребята. Устроимся поудобнее.

Шорох гравия.

Д ы л д а (стонет). Ох, косточки мои, косточки... Я и шевельнуться боялся.

Шумы усиливаются.

Г л е н. Опять грохочет. И они заметили.

Д ы л д а. Чую я, не в порядке что-то. Поездишь с мое, так будешь понимать. Или со сцепкой неладно, или с колесом.

Ф и л л и. Или кончай ныть, или полезай почини. Есть охота. А что, Дылда, посмотрим, что нам подали?

Д ы л д а. Ладно.

Г л е н. Или я пребываю в грезах? Мне мерещатся речи о еде.

Дылда. Ничего не мерещатся. Чашечка кофейку с бутербродом — это дело. А я озяб.

Филли. Пожалуйте в вагон-ресторан.

Треск плотной бумаги.

Ишь ты! Гляньте-ка, что старуха нам завернула! Три здоровенных бутерброда с мясом!

Глен (экстатически вздыхая). Благоухание пробуждает в памяти образы кухни моей матери.

Дылда. Ну, кончай пялиться на бутерброды и гони их сюда!

Филли. Легче, легче! На, лопай.

Дылда (с полным ртом). Мммм. Здорово-то как. Я аж забыл, что озяб.

Филли. Бери, Глен.

Глен (замялся). Ээ... Право же, мне бы не следовало... У вас и так мало.

Филли. Да брось трепаться.

Дылда. Бери, пока дают. В дороге жратва не каждый день попадается.

Филли. Заткни это себе в глотку и не вякай! Не в высшем обществе! Ежели жрать охота, то церемонии ни к чему.

Глен. Пожалуй, ты прав.

Филли. Еще бы.

Глен. Огромное спасибо.

Филли. А, брось!

Дылда. Глянь-ка, Филли! Во наворачивает! А еще ломался!

Глен. Первый раз ем со вчерашнего дня.

Филли. Если не умеешь выпрашивать еду, то долго не проживешь.

Дылда. Святая правда!

Глен. Вот этому я в колледже не научился.

Филли. Еще научись. Правда, Дылда?

Дылда. Запросто. Подойди с черного хода и попроси у хозяйки кусок хлеба, тогда она приготовит тебе обед или вынесет пакет со всякой всячиной. Но обеда не проси, а то легавого позовет.

Филли. И в богатые кварталы не суйся — там тебя как пить дать заметут.

Дылда. И постарайся добраться до джунглей*. Во там жратва! Там найдутся ребятки, которые умеют готовить. Да еще как!

Глен. А пускают туда кого-нибудь?

Дылда. Ни боже мой! Только босяков.

Глен. Надеюсь, моя кандидатура подойдет.

* Джунгли — жаргонное название поселков для безработных, люмпен-пролетариата и бродят на городских пустырях. «Джунгли» состоят из самодельных хибарок.

Дылда. Не уверен. Если ты все время будешь такие заковыристые слова отпускать, то это не понравится. А впрочем, не знаю, как сейчас. Теперь много студентов бродяжит.

Филли. Да не слушай, что он травит, Глен. Внеси что-нибудь в общий котел и будешь таким же, как все.

Глен. А где достать?

Филли. Само собой, спереть.

Глен. Спереть?

Дылда. Филли еще зеленый. Не спереть, а одолжить. Иногда делаешь доброе дело какой-нибудь бессловесной твари. Увидишь, например, курицу или поросенка посередине дороги — унеси их оттуда, чтоб машина не задавила.

Глен (как бы впитывая нечто важное). Да? А если они будут находиться не посередине дороги?

Дылда. Ну, не обязательно, чтобы совсем посередине. Может, они туда просто собирались.

Глен (смеется). Начинаю понимать.

Дылда. Знай свое дело — и с голоду не помрешь. В любой большой пекарне можно достать буханку, если уломать старшего при погрузке.

Глен. И удастся регулярно питаться?

Дылда. Как тебе сказать... Во всяком случае, с тех пор как я пошел бродяжить, то ем куда больше, чем дома.

Филли. Мало же ты ел, стало быть.

Дылда. Отец мой автомобили мыл. А детишек у него одиннадцать, и на всех не напасешься.

Глен. Одиннадцать?

Дылда. Ага. Потому я и здесь. Мне проще самому прокормиться, да и им легче.

Филли. А нас было только трое, да и то нам круто приходилось. Мама стирку брала. А отец помер, когда я был совсем маленький.

Глен. А где твоя мать?

Филли. Померла.

Глен. Ах, какая жалость.

Филли. Да брось ты.

Свисток. Шум бегущего состава.

Музыка.

Глен. У меня есть дом — а эти двое были вынуждены бродяжить... Если бы они узнали, что я сбежал потому, что моя девушка отказалась танцевать со мной, они сочли бы меня сумасшедшим... Впрочем, на то и похоже.

Филли (почти шепотом). Эх, маманя, была бы ты жива, рванул бы я к тебе, что твой почтовый голубь!.. Один я, совсем один...

Дом бы мне, свой дом... А то все товарные вагоны, тюрьмы да паршивые ночлежки...

Дылда. И всю-то жизнь я ровно на этих камнях сижу... Прямо жить неохота... С восемнадцати лет — старый, измотанный.. Вот я какой... Иногда возьмешь да подумаешь — а вроде ничего бы лечь на покой в мягкую землю, футов на шесть вглубь... Никто про меня и не подумает... И припомнились мне эти стихи Джо Хилла...

Музыка смолкла, но шумы поезда продолжают.

(Резко.) Эй, ребята! Хотите, я вам стих прочитаю?

Филли. Да ты что?

Дылда. Не уснем, во всяком случае.

Глен. Читай, Дылда.

Филли. Сыпь. Перетерплю.

Дылда. Это Джо Хилл сочинил. Бродяга был, вроде нас... Постойте, как же там начинается... (Припоминает.) Ах да...

Шумы поезда усиливаются, снова начинает звучать музыка.

«О завещанье ль думать мне?

Ведь нечего делить родне.

К чему ее печальный вздох?»

Голоса сквозь фильтр.

Мать. Сыночек, перестань плакать.

Филли. Да не плачу я, маманя. Честное слово.

Мать (слабо смеется). Ты меня не обманешь, Джо. И все-таки не плачь... Я скоро поправлюсь. Надо же кому-то о тебе позаботиться.

Филли. Конечно, поправишься, маманя. Доктор говорит, что поправишься...

Музыка звучит громче.

«К камням лавин не липнет мох».

Музыка замирает.

Риба. Пожалуйста, Глен. Меня ждут.

Глен. Но, Риба, я и сам весь вечер ждал.

Риба. Но я обещала...

Глен (сердито). Ах, ты обещала! Очень хорошо. По-видимому, мне в этом колледже не место. В моих лохмотьях я тут как кость в горле.

Р и б а. Дай же объяснить...

Г л е н. Зачем? И так все понятно. Тут дети всех лучших семейств города. А мой отец, в конце концов, простой каменщик...

Музыка звучит громче.

Д ы л д а. «А тело? Был бы выбор мой,

Я сжег бы в пепел огневой,

Чтоб ветры весело в полях

Развеяли цветам мой прах» *.

Ф и л л и (*встревожен*). Что с тобой, маманя?

М а т ь. Малость болит. Ничего особенного. Как всегда.

Ф и л л и. Маманя! Дай, я доктора позову.

М а т ь. Нет-нет. Побудь здесь, Джо. Поди поближе. Обними меня покрепче, Джо. Обними меня покрепче, Джо. Вот так. (*Вздыхает.*) Сыночек мой маленький. Плоть и кровь моя... (*Задыхается.*) Жизнь... жизнь моя...

Музыка звучит громче.

Ф и л л и (*в истерике*). Маманя! Ма! Не надо, ма! Ну пожалуйста.

Проснись! (*Кричит.*) Ма! Да погляди на меня! Открой глаза!

Ма! Ма! Ну пожалуйста! Открой глаза!

Музыка звучит очень громко и обрывается.

Д ы л д а. Ты чего, Филли? Плачешь?

Ф и л л и. Ничего я не плачу! Не говори, что я плачу, а то как врежу!

Д ы л д а. Ладно. Значит, не плачешь.

По пути рядом мчится скорый поезд. Свисток.

(*Свистит.*) Ишь ты! Наверно, семьдесят выжимает.

Г л е н. Хорошие стихи, Дылда.

Ф и л л и. Ага. Только я помирать не собираюсь. Я еще пожить хочу, прежде чем пойду на удобрение.

Д ы л д а. Джо Хилл тоже любил жизнь... А его убили.

Ф и л л и. За что?

Д ы л д а. За образ мыслей.

Ф и л л и. За это нельзя убивать... У нас свободное государство!

Бешеный стук колес.

Г л е н. Ого! Дело, кажется, серьезно!

Ф и л л и. Это мне совсем не нравится.

Д ы л д а. Чуть зубы мне не выбило.

Ф и л л и. Может, ты и остальные так потерял?

* Перевод М. А. Зенкевича.

Дылда. Смотри, умник, своих бы тебе не потерять!

Филли. Это ты мне грозишь?

Дылда. Ага.

Филли. А ну, попробуй! Давай, погреемся!

Дылда. Ладно. Сам напросился.

Глен. Да бросьте вы.

Филли. Что ты! Мы просто шутим. Правда ведь, Дылда?

Дылда. А это я пойму только после того, как получу по морде.

Грохот колес становится совсем бешеным.

Глен. Батюшки мои! Это что еще?

Филли. Похоже, разваливаемся!

Дылда. Что я вам говорил! Вагон отцепился!

Филли. А ну, ходу отсюда!

Глен. Каким образом?

Филли. Прыгнем!

Дылда. С ума сошел! Скорость-то какая!

Глен (*кричит*). Кажется, дно вываливается!

Филли (*надрывно кричит*). Господи боже мой! С рельсов сходит!

Слышно, как вагон сходит с рельсов. Долгий свисток. Грохот. Вступает тихая музыка, нарастает до предела и резко обрывается.

Шериф. Нашли что-нибудь, Джим?

Коронер. На трупах нет ничего для их опознания, шериф.

Шериф. Что ж... Видать, у них та же дорога, что и у всех бродяг...

Коронер. И бездомных кошек...

Голоса на музыкальном фоне.

Голос. Глен Уивер.

Глен. Не опознан.

Голос. Джо Тэрнер.

Филли. Не опознан.

Голос. Том Хиггинс.

Дылда. Не опознан.

Музыка звучит громче и замирает.

Спросите кого угодно

Слышен «Меломан» в кабаке. Смех. Голоса двух пьющих пиво.

Первый. Эй, Митч! Куда это ты с Кобелем направляешься? Говори!

Второй. Загадочный Митч. Куда ты?

Митч. В заднюю комнату, пьянь ты этакая. Нешто не видишь?

Первый. Там пива нет.

Второй. Говорил бы уж прямо, Митч. Может, дружок твой, Кобель, прямо скажет? А, Кобель? Или Митч тебе рот заткнул?

Кобель. Не-е, дурак ты!

Митч. Да брось их, Кобель. Пошли.

Первый. До свиданья, проходимцы.

Хлопает дверь. Секундная пауза.

Кобель. Дурачье. Как еще за нами не увязались.

Митч. Чем меньше им говорить, тем лучше. Они только и знают, что в чужие дела соваться.

Кобель (*волнуясь*). Ну, Митч, покажи! Я весь день дожидался!

Митч. Пусти руку! Пусти, гад!

Кобель. Ну так покажи, Митч. Я ведь своих пять дубов вложил. Покажи пушку!

Митч (*с отвращением*). Да молчи ты! Вдруг кто-нибудь из этих пьяниц у дверей подслушивает?

Кобель. Да нет! А ты все ругаешься.

Митч (*хвастливо*). Тебе повезло, что ты со мной на пару. Когда надо купить пушку, так я знаю, где можно достать хорошую и задешево. Тебе повезло, Кобель. Теперь мы сделаем бильярдную. Все готово!

Кобель. Покажи пушку да брось трепаться.

Митч. Ладно. Только не целься мне в голову.

Щелкает боек пистолета.

Кобель. Наверно, здорово она работает, Митч!

Митч. Да не целься мне в голову! И кто тебе позволил спускать курок? Никогда не спускай курок, если пушка не заряжена! А то боек испортится. Давай назад! Ну! Тебе говорят, давай.

Кобель. Когда начинаем?

Митч (*все еще сердито*). Уж какой торопливый! Король скорости! Король скорости, губастый Кобель. (*Понижает голос.*) Сперва надо машину свистнуть. И водителя нужно...

Кобель. Только не Джонни!

Митч. Нам нужно такого, как Джонни.

Кобель. Джонни с нами не пойдет.

Митч. С тобой, губастым, не пойдет, а со мной пойдет.

Кобель. Не! Не!

Митч. А ты кого-нибудь знаешь по соседству, кто бы так водил машину, как Джонни? Джонни — классный механик. Такие скорости дает — не утонишься!

Кобель (*упрямо*). И все-таки я такому не доверял бы. Он, дурак, слишком уж честный.

Митч. Именно поэтому и можно ему доверять. Уж если мы его втравим, то он не расколется. Стоит только втянуть такого маменькина сына, и тогда он не подведет.

Кобель. Не, только не Джонни.

Митч. На сколько спорим? На сколько?

Кобель. Не-е! Для него главное дело в его братьях. Шкет и Рыжик — самые отчаянные ребята в нашем квартале. Огольцы что надо!

Шум воды, текущей из кухонного крана. Голоса Шкета и Рыжика.

Шкет. Бах! Бах! Бах! Убит! Убит из моей пушки, так что падай тут же у раковины!

Рыжик. Жухаешь ты, Шкет! Жухаешь!

Мать. Вы Джонни разбудите. Хулиганы несчастные! Джонни разбудите!

Шкет. Честное слово, Рыжик, я не жухаю. Ведь ты прятался за Джонни на диване? Прятался? А я тебя подстрелил — бах, бах, бах!

Рыжик. Бах! Бах! Ты убитый, Шкет! Падай у плиты. А ну, падай!

Мать. Да бросьте вы галдеть! Ваша сестра Эллен больна, ей в той комнате все слышно. И Джонни разбудите. По-вашему, Джонни не устает? Колесит по улицам каждый божий день, а работы никакой не находит!

Шкет (*верещит*). Ой-ой-ой! Я палец обжег на этой чертовой плите. Совсем сжег!

Рыжик. Бах! Я тебе палец отстрелил!

Мать. Сто раз я вам говорила, не подходите к плите. Как-нибудь обожжешься по-настоящему, а чем доктору платить? А я за вами присмотреть не могу, каждый вечер полы мою.

Шкет (*хнычет*). Я только хотел поглядеть, что у нас на ужин, мама.
Только и всего. А что в кастрюле, мама?

Мать. Суп с картошкой. Покажи палец.

Шкет. А здорово обжег. Смотри, какой пузырь.

Рыжик. Мам, а почему мы не едим мясо, как другие ребята? Я там в пакете видел кусок мяса. Для кого оно?

Мать. Сам знаешь, для кого. Для твоей сестры Эллен. Сестра милосердия сказала, что ей надо мясо есть, а то она малокровная. А теперь ты со Шкетом отойди от плиты, скоро будем ужинать.

Рыжик. Вот бы Джонни работал, как раньше!

Шкет. Эх, Рыжик, были бы сейчас дикие медведи, чтобы охотиться! Когда-то индейцы их стреляли. Давай так: вон там, за диваном, лес, и в нем медведи. Бах! Бах!

Рыжик. А, да все медведи давно повывелись! Мам! Шкет разбудил Джонни! Мам!

Джонни (*зевает*). Эх-хе-хе. Ух ты, сон праведных... Эх-хе-хе. А что, я...

Шкет (*смеется*). Ух, как Джонни глаза трет! Так он их напрочь сотрет, а как он тогда есть будет? Никакой еды не увидит!

Мать. Скоро будем ужинать, Джонни. Я у миссис Фишман заняла две луковицы для супа. Ты все еще сонный, Джонни?

Джонни. Нет, мама, ничего. Я пока спал, все время слышал, как ребята орали.

Рыжик. Ма-ам, есть охота. Давай скорее суп, а то Шкет весь хлеб слопает.

Шкет (*давясь*). Не! Не!

Джонни (*с печальным смехом*). Эх, бедняги. Да и ты, мама, каждый вечер работаешь, а все-таки еле сводим концы с концами. Может, нет больше работы для механиков? Может, нет машин для починки? Но я их каждый день вижу. Может, не вижу?

Мать. Ты умойся, Джонни. Легче станет.

Рыжик. Бах! Шкет, я тебя пристрелил, так что не трогай больше хлеб.

Шкет. Мам, сперва дай супу мне. Мне больше всех есть охота.

Мать. Джонни! Ты куда, Джонни? Садись поужинай.

Джонни. Не хочется. Пойду подышу свежим воздухом. Эй, Рыжик, ты что, сидел на моей шляпе, что ли? Смотри, вся измятая.

Мать. Свежий воздух подождет, поешь супу.

Джонни. Чудно, но только я совсем не хочу есть.

Мать. Джонни, тебе надо есть столько же, сколько и всем нам. А то куда мы без тебя денемся?

Джонни. Без меня? Большая от меня польза!

Шкет. Мам, можно я съем суп Джонни?

Рыжик. Джонни, и мне дай!

Джонни. Поцеловать тебя, мама? Нет? Ну, так разбуди меня завтра пораньше, мама. Надо работу найти.

Мать (*подозрительно*). Ты куда?

Джонни. Пройдусь по улице.

Мать. К этой шпане на углу...

Джонни (*объясняет*). Надо же человеку поговорить с парнями. Ведь мне даже в кино сходить не на что. Надо же человеку что-то делать.

Мать. Повидал бы Милдред.

Рыжик. Джонни любит Милдред. Джонни любит Милдред.

Джонни. Нельзя же с ней только по улицам гулять.

Мать (*умоляюще*). Повидай ее, Джонни.

Джонни. Спокойной ночи, мама.

Рыжик. Бах! Я сбил у Джонни шляпу. Дай мне супу Джонни, мам! Дай! (*Голос замирает.*) Ма-ам, дай мне супу Джонни!

Шаги. Автомобильные гудки. Слышатся голоса компании, которая околачивается на углу.

Митч. Ставлю один против одного, что следующим завернет «шевроле». У кого есть деньги поспорить? Один против одного на «шевроле».

Первый голос. Идет, Митч.

Митч. А деньги у тебя есть? Или ты, как вся кодла, — один воздух в кошельке?

Кобель. Ух какая баба! Вон там улицу переходит.

Митч. Кто о чем, а Кобель о бабах. А я и без них обойтись могу..

Голоса компании.

Первый голос. Митч обойдется! Митч, а как ты зарабатываешь те деньги, которых у тебя нет?

Второй голос. Его женщины содержат. Митч — настоящий кот. Глядите, какой красавец! Росту пять футов пять дюймов, припомаженный, крысиные глазки так и сверкают.

Смех.

Митч (*резко и надменно*). Смейтесь, смейтесь, только я вам еще покажу, кто я есть! Ух кто идет! Еще один никудышник. Джонни, собственной персоной. Приятно быть без денег, Джонни? Эй, Кобель, спроси его, получил он работу?

Кобель. Ты нашел работу, Джонни?

Джонни. Нет.

Митч. А не пойти ли тебе в коты, Джонни? Вот это работа! Зачем тебе быть механиком, если ты можешь стать котом и сводить всех баб с ума? Напомадишься, глаза голубые засверкают,

Милдред (*капризно*). Тогда ты работал, Джонни. Ах, Джонни, какой ты рохля. Поэтому ты так ничего и не добился. Другие не теряют работу, знают, как боссу угодить.

Джонни (*не слушает ее*). Я любил кататься на лодке.

Милдред. Да чего хорошего! Каждый с четвертаком в кармане залезал в лодку, давка на озере была, как в метро.

Джонни. Стоит тебе заговорить о деньгах, так ты словно ледяная делаешься. Да нет, я не обижаюсь. Деньги нужны.

Милдред. Конечно. Как без денег проживешь? Ах, Джонни, была бы у тебя работа, да если бы еще тебе не приходилось содержать семью... Да что говорить!

Джонни (*возбужденно*). Чего я хочу, так это купить пачку сигарет. Я хочу пачку сигарет. Я имею право на пачку сигарет!

Милдред (*испуганно*). Ты чего за голову схватился? Джонни!

Джонни. Чтобы не треснула!

Милдред. Джонни!

Джонни. А, брось! Значит, ты хочешь квартиру вроде этой? Что ж, я тебя не виню. Теперь я даже за три дуба комнату в мебелишках снять не могу. Брось меня, Милли. Будь поумнее и брось меня. Насовсем. Ну, всего.

Милдред. Ты что?

Джонни. Хочу джаза.

Резко звучит громкая джазовая музыка.

Милдред. Ты домой?

Джонни. Нет. Иду получать работу. После дождика в четверг. Вот когда. После дождика в четверг!

Автомобильный гудок — раз, другой. Звук мотора.

Митч. Осторожнее, Джонни. Не хватало нам еще попасться за нарушение правил движения. Нечего фраеров давить. Осторожнее!

Джонни. Я и так осторожно. Теперь на восток, Митч?

Митч. Ага. Сворачивай с Бродвея. Ты не беспокойся, Джонни. Поделится поровну. Молодец! Держи на восток. Бильярдная на авеню А.

Кобель. Легче, Джонни. А то прямо боязно!

Митч. Не дрейфь, Кобель. Джонни классно ведет.

Кобель (*нервно*). А вдруг нас легавый заметит!

Джонни. Эй, зажгите мне сигарету.

Митч. Держи руки на баранке, Джонни. Я зажгу и суну тебе в рот. Ну, хорош сервис? Ты гони дальше!

Кобель. Мы почти приехали, Джонни.

Митч (*чиркает спичкой; быстро*). На, Джонни. Порядок? Заверни

на следующем углу! Вот так. Мотор не выключай. Дошло?
Мы прибежим. А вот бильярдная. Пошли, Кобель!

Мотор затихает. Хлопает дверца автомобиля. Шаги.

Кобель. Хорошо, что мы избавились от Джонни, Митч. А то мне от этого дурака не по себе.

Митч. Я войду сразу за тобой. Пушку наведи им на пуза, а я обчищу все карманы. Ну, давай!

Голоса, смех, стук бильярдных шаров.

Кобель (громко). Руки вверх! Все к стенке! Руки вверх! И ты, тощий, тоже.

Стук шаров и голоса смолкают. Пауза.

Митч (издалека). Молодец. В пуза им целься.

Кобель. Первому, кто двинется, суну пулю в брюхо! Руки к потолку. Эй ты, тощий! Держи руку кверху, шкилет!

Митч (сердито). Ах ты, шкилет паршивый! Прочь лапы!

Голос. Не вам, шпане, меня грабить!

Митч. Кобель!

Кобель. А ну, к стенке, гад! Ну! Все вы! К стенке, шкилет паршивый!

Митч. Убери лапы, сука!

Кобель. Ты станешь к стенке?

Голос. Черта лысого!

Револьверный выстрел.

А-а-а-а...

Кобель. А ну, осади назад, или тоже получите! Назад! Ходу, Митч! Я их задержу!

Пауза. Потом внезапный взрыв голосов, слышна ругань. Быстрые шаги затихают, удаляясь.

Митч. Газуй, Джонни.

Джонни. Там стреляли? Митч, там стреляли?

Хлопает дверца автомобиля.

Митч. Газуй! Вот так!

Кобель. И надо же было этому шкилету! Заартачился, осел!

Джонни. Вы стреляли! Вы не говорили, что у вас пистолет!

Митч. Можешь подать на меня в суд. Держи руки на баранке и дуй быстрее!

Кобель. Взопрел я, как свинья. Ух и взопрел.

Джонни. Стреляли!

Митч. Оба вы, хмыри, перетрухали. Но ведь все кончено! Все про-

шло как по маслу, и смыться тоже удалось. Так что заткнитесь-ка вы оба!

Слышен вой полицейской сирены, он нарастает.

Кобель (*истерично*). Легавые! Видишь, Митч!

Митч. Зигзагом, Джонни! Валяй за угол! Дуй вовсю, если жить охота!

Джонни (*молится*). Господи Иисусе, мать божья, спасите меня!

Митч. А теперь туда, Джонни! Быстрее! Молодец, Джонни! Отрываемся!

Сирена замолкает.

Кобель. Черта с два, отрываемся. Смотри! Смотри! Навстречу идет машина, а тут одностороннее движение! Гляди! Гляди!

Митч. Пьяный водитель, только и всего!

Внезапный вой сирены.

Кобель. Тоже легавые! Идут против движения! Это легавые, Митч!

Митч. Кидай пушку в окно, Кобель! Живо!

Джонни. Что мне делать, Митч? Врезаться? Врезаться?

Кобель. Не-е! Жми, Джонни! Жми! А то поубивают! Жми!

Митч. Жми, Джонни. У легавого рядом с водителем пистолет.

Кобель (*орет*). Жми! Жми!

Скрежет тормозов. Хлопает дверца.

Полицейский. Эй вы, трое! Руки вверх! Выше! Стрелять буду! Выходи! По одному!

Джонни. Ох, мама. Мама... Мама...

Шум уличного движения, а за ним голоса шпаны на углу.

Первый голос. Ставлю два против одного, что следующим завернет «плимут». Кто поставит десять центов?

Второй голос. Ты совсем как Митч.

Первый голос. Два против одного, что Митч получит вышку. Ставлю три против одного, что Митч, Кобель и Джонни получат вышку!

Второй голос. А может, и нет? Ведь они убили не легавого, а так, обыкновенного типа.

Первый голос. Ставь или заткнись.

Третий голос. А мне вроде жалко Джонни. Батюшки, сюда мамаша Джонни идет.

Первый голос. Ах, да чего ей от нас надо?

Третий голос. Заткнись. Вот она.

Пауза. Шум уличного движения.

Мать Джонни. Ребята, вы моего Джонни сегодня не видали?

Первый голос. Она тронутая!

Третий голос. Нет, сударыня, не видали.

Второй голос. Не там, тетенька, ищите!

Мать Джонни. Что ты сказал?

Третий голос. Не слушайте этого хмыря, сударыня. Теперь вам бы лучше домой пойти. А если Джонни объявится, мы ему передадим.

Мать Джонни. Он хороший мальчик. И я беспокоюсь за него. Спросите кого угодно. *(Удаляется.)* Мой Джонни — хороший мальчик.

Секундная пауза.

Первый голос. И ведь не пьяная! Она чокнутая. Ее в психдом надо.

Второй голос. Пусть поищет Джонни в камере смертников.

Третий голос. Джонни еще не в камере смертников. Ах, противно мне с вами. А что-то будет с семейством Джонни?

Первый голос. Два против одного на «плимут». Кто хочет? Три против одного, что они получают вышку. Четыре против одного... Даю пять против одного...

Шум улицы нарастает и потом медленно затихает.

Арнольд Мэйноф

Телеграмма с неба

Крошка. ...Да, и выходишь ты замуж за парня... За хорошего парня, может быть, чуточку рохлю, но за вполне приличного парня, — а жизнь трудная, жизнь тяжкая... И потом ты его понимаешь, понимаешь по-настоящему, и не хочешь видеть его мертвым или калекой, а хочешь, чтобы он был здоровым, сильным, живым, чтобы он все время боролся за что-то лучшее... Да... А потом его берут и посылают к чертям собачьим...

Музыка — медленный, томительный блюз — постепенно замирает, заглушаемая барабанным боем, переходящим в звук шагов, направляющихся вверх по лестнице. Затем слышно, как открывается и закрывается дверь.

Нэт. Крошка.

Крошка. Нэт.

Нэт. Здорово, детка.

Крошка. Здорово.

Нэт (*саркастически*). Я готов лопнуть от радости, крошка. Я готов орать от восторга. Пойдем кутить на сломную голову. Что ты на это скажешь?

Крошка. Что ж...

Нэт. Что ж... Ну, так знаешь, что... Эта телеграмма с неба?

Крошка. Мне нужно...

Нэт. Телеграмма оказалась чистой, беспримесной, стопроцентной туфтой. Ясно?

Крошка. Да?

Нэт. Да-да, туфтой! Нет такой фирмы. И не было никогда. Нет такой улицы ни в Манхэттэне, ни в Бронксе, ни в Ричмонде, ни в Куинсе. И не было никогда. Див-стрит, фирма «Чудо-юдо». И как я не допер, что это — дурацкий, дешевый розыгрыш!

Крошка (*почти равнодушно*). Ах розыгрыш?

Нэт. Я прошел миллион миль. Див-стрит. Див-стрит. Я не поверил справочнику. Я не поверил полицейским. Я обошел все улицы со сколько-нибудь похожими названиями... Э, да что говорить... Я чуть с ума не сошел... Так долго без работы, и

вдруг — бац, телеграмма! Предлагают работу. Тут уж думать некогда, надо бежать. Ну, так я, дурында, и побежал, носился по всему городу как угорелый, и только потом до меня дошло. Див-стрит! Фирма «Чудо-юдо»! Это кто-то решил мило пошутить. *(Вздыхает.)* Ничего себе шуточки!

Крошка *(небрежно)*. Мне очень жаль, Нэт.

Нэт. Знаешь, Крошка, я до того докатился, что у меня ум за разум заходит. Ну и жизни! Дурацкая, сумасшедшая жизнь. Не знаю. Видать, такая уж у меня судьба.

Крошка. Черта лысого, судьба.

Нэт. Что? Ты что сказала, детка?

Крошка. Я сказала — чем быть и ныть, тебе бы разозлиться. Да как следует. А ты хоть бы хны. Тебе все равно.

Нэт. Ну ладно, умная голова, скажи тогда, на кого мне злиться. Я даже не знаю, кто мне подложил эту свинью. Кто? Скажи. Я ему все кости переломаяю. В суд на него подам или что-нибудь в этом роде. Слушай, крошка, это не Гарри?

Крошка *(резко)*. Нет!

Нэт. Фил? Да нет, на него не похоже...

Крошка. Нет.

Нэт. Значит, не Фил? А может, Джимми? Ты не думаешь, что он это потому, что я ему должен сорок восемь дубов... Нет, не Джимми. Только не Джимми. Он бы не стал.

Крошка. Нэт.

Нэт. Ага, что?

Крошка. Только не падай в обморок.

Нэт. С чего это?

Крошка. Эту телеграмму с неба — «Предлагаем работу, тридцать пять долларов в неделю» — я послала.

Нэт. Чего? Да ну, брось. Не дури, детка. С меня на один день хватит.

Крошка. На телеграфе не дурили. Чудо обошлось мне в тридцать центов.

Нэт. Крошка, давай серьезно. Это в самом деле ты послала?

Крошка. А ты как думаешь?

Нэт. Не верю. *(Пауза.)* Да. Это ты. Ты послала. Теперь верю. Ты послала.

Крошка. Извини меня, Нэт, но ты сам этого добивался. Я надеялась... ну... дать тебе хорошую встряску... Да не смотри на меня так. Я ведь с ума не сошла.

Нэт. Стало быть, ты хотела дать мне встряску?

Крошка *(презрительно)*. Ты что, сердиться начинаешь?

Нэт. О нет! Я не сержусь. Куда уж мне! Я ведь Нэт, слюнтяй, слабачок. Куда уж мне сердиться! Я только радоваться могу. Ты ведь как-никак моя жена. Разве ж я тебя не люблю? А что значит небольшая встряска для любящих супругов?

Крошка. Ага, начинаешь заводиться.

Нэт. Ты, матушка, хотела, чтоб я разозлился, так теперь держись! Будет тебе встряска, прежде чем я умотаю отсюда к чертовой матери! Будет!

Звук разбиваемой посуды и ломаемой мебели.

(Кричит, швыряя все, что попадает под руку.) Вот тебе встряску! Вот тебе разозлился! На! На!

Стекло звенит в последний раз.

Аминь... и всего наилучшего!

Хлопает дверь.

Крошка *(задумчиво)*. Ну и ну... Вот именно — ну и ну... *(Сухой смехок.)* Что и говорить, разозлился. Милсдари и милсдарыни, настоящим заявляю, что мой муж Нэт, который любит, когда его называют увальнем, разбушевался, потому что его жена, которую он называет крошкой, послала ему подложную телеграмму, разнес все у себя в доме и отбыл в неизвестном направлении. А теперь, по всему, мне полагается распустить слюни и сопли и закатить истерику... Черта с два! Так ему и надо. *(Мягко.)* Мне и вправду надо было сделать ему больно... То есть... Он ведь мне дорог. Он хороший малый, может, чуточку рохля, чуточку с придурью. Сами знаете, нелегкое время, нелегкое время. Я ему то и дело говорила: в такое время мало быть просто хорошим парнем. Надо быть жестким, ушлым, пробивным. Ну... Вот он и разозлился. Много времени потребовалось, чтобы раскатать его... Ну, вспомнить хотя бы тот вечер... *(Смеется все тише и тише.)*

Нэт. Жарко сегодня, а?

Крошка. Пятый раз.

Нэт. Что пятый раз?

Крошка *(передразнивает его)*. «Жарко сегодня, а?»

Нэт. Ну ладно, ладно. Ведь и в самом деле жарко. Я почти вспотел.

Крошка. Ты всегда почти потеешь.

Нэт. Ну и язычок. Знал я всяких, но такую, как ты, крошка, первый раз вижу. Никто не умеет выставить человека таким дураком и растяпой, как ты.

Крошка. Наверно, не пробовали. Видала я и получше, видала и похуже.

Нэт. Уж ты. Знаешь, тебе повезло, что я такой добродушный. Только такой, как я, тебя и стерпит. Я, видать, самый добрый человек на свете.

Крошка. Ах, милый!

Нэт. Ты!

Крошка. Ага. Это тебе понравилось, да? Почувствовал себя таким

неотразимым героем, совсем как в кино, так ведь? Эх, не за-
дурай себе башку, у многих мужиков в твоём возрасте ещё мо-
локо на губах не обсохло, да и у тебя тоже.

Нэт. Ну дальше, дальше. Я все знаю. Ты весь день работала как
каторжная. Туфли жмут. Работу свою ты терпеть не можешь.
А эта гнида, мистер М. Н., опять принялся за свои старые
штучки. И нервы у тебя ни к черту, и все мужчины — скоты,
и все женщины — забитые, и так далее и тому подобное.

Крошка. Ты ещё позабыл добавить: а теперь я зря трачу время,
сидя на крыше с Нэтом, то есть с Увальнем Великим.

Нэт. Луны нет, звезд нет, тихой музыки нет...

Крошка. Нежная любовь под пение антенн, ухажор потный, а кру-
гом липкий деготь. *(Передразнивает.)* «Жарко сегодня, а?»

Нэт. А ты — что надо, крошка.

Крошка *(передразнивает)*. «А ты — что надо, крошка».

Нэт. Ну ладно. Скажи для разнообразия что-нибудь хорошее.

Крошка. Хорошее? *(Смеется.)* А знаешь — нечего, а то бы сказала.
Если я что-то хорошее и чувствую, то пока найду слова, оно
и пройдет.

Нэт. Ладно. Отвечай просто: «да» или «нет». Я не первый красавец
на свете, но и не последний урод. Так?

Крошка. Так.

Нэт. Ты и сама — не подарок. Тебя «кадиллаки» у дверей не дож-
даются. Разве что какой-нибудь старый «бьюик». Так?

Крошка. Так. Не подарок. Признаюсь.

Нэт. Кто мы с тобой? Рожденные между мировыми войнами. Я по-
лучаю деньги в УПСРОНе *, а ты работаешь продавщицей в от-
деле дешевых товаров. Небо черное, а будущее и того чернее.
Мы живем в сумасшедшем мире, и вокруг нас воют остерве-
ненные волки.

Крошка. Ты чем занимался? Учил наизусть газетные передовые?

Нэт. Я это по радио слышал — выступал какой-то поэт. А может, по-
литический деятель. Не знаю.

Крошка. Ну...

Нэт. Ну, так зачем таким, как мы, жить самим по себе? Уплатим
два дуба, пробуднят над нами какую-то белиберду, и после
этого мы будем иметь законное право не сидеть на крыше, не
околачиваться по паркам да парадным, а уединиться в своей
комнате. Потому что любовь.

Крошка. Минуточку. Как это — ни с того ни с сего и вдруг
любовь?

Нэт. Ну ладно. Нет любви. Но что-то есть. Полгода мы встречаем-

* УПСРОН — Управление промышленно-строительными работами общественного
назначения — организация, пытающаяся бороться с безработицей.

ся — значит, что-то есть? Или это с твоей стороны расчет?
Хо-хо!

Крошка. Хо-хо! (Серьезно). Нэт, да не хочешь ты жениться. Ты женитьбы как огня боишься.

Нэт. А тебе-то что, боюсь я или нет?

Крошка. Ну, а я боюсь. А ведь я вдвое тебя сильнее, так что могу представить, как ты-то боишься.

Нэт. Да чего тут бояться?

Крошка. Попробуй, найди слова и объясни, а я не могу. Но я знаю, что есть УПСРОН, и отделы дешевых товаров, и десять миллионов безработных, и война... И так все время... А ты такой кроткий, добродушный. А в наше время, чтобы чего-то добиться, надо быть жестким, напористым. Слова ничего не стоят. Ну ладно, увалень. Как говорят великосветские дамы, я принимаю ваше предложение. Ну и как, распирает тебя от счастья?

Нэт. Еще как. Ух и мастерица же ты тоску нагонять.

Крошка. Переживешь.

Нэт. И даже сейчас ты ничего хорошего мне не скажешь?

Крошка. Да что именно? Ты скажи, что нужно, я и скажу.

Нэт. Сдаюсь.

Крошка. Ах, не надо сдаваться.

Нэт. Крошка!

Крошка. Ну, чего?

Нэт. Ну, хоть скажи, что, по-твоему, все будет хорошо.

Крошка (смеется, потом передразнивает его). По-моему, все будет хорошо, увалень. (Посмеивается.)

Смеются оба, все громче и веселее. Слышится «Свадебный марш», первые четыре ноты — медленно, затем темп все возрастает и музыка резко обрывается.

Голос. Два доллара, пожалуйста.

Крошка. Раз, два, и готово, и стояли мы под дождем у здания суда — женатые. Нэт глупо ухмылялся, я, наверное, — тоже, и потом пошли мы отметить это дело мороженым, а там и оглянуться не успели, как утро кончилось и пора было возвращаться на работу. Нэт поехал метро, я — на трамвае, приезжаю в магазин, а старая гримза М. Н. и говорит: «Где тебя все утро черт носил?» А я говорю: «У меня тетя померла», а он: «Врешь» — и вычел у меня плату за полдня, но мне было неохота сердиться. У Нэта, кроме жалованья, ни цента не было, да еще он отдавал своей матери по меньшей мере два доллара в неделю... Ну, мы все рассчитали и примерно в три недели устроились: и жилье нашли, и почти всю мебель достали, и только-только начали привыкать друг к другу и к то-

му, что мы женаты. Помню, дело было в понедельник, мы
шли домой из кино...

Нэт. Слушай, крошка. Надо кое о чем поговорить. Давай обойдем
вокруг квартала.

Крошка. А дома нельзя, Нэт? Если это насчет денег, то извини.

Нэт. Нет-нет. С деньгами все в порядке.

Крошка. Ты не заболел?

Нэт. Нет, ничего такого...

Крошка. Так что же? Ума не приложу.

Нэт. Я пытаюсь тебе сказать.

Крошка. Так говори, да пояснее.

Нэт. Так вот. Тебе надо сейчас же бросить работу.

Крошка. Что!

Нэт. Тебе надо бросить работу, потому что мы сейчас нарушаем
закон и обманываем правительство.

Крошка. Это кто говорит?

Нэт. Закон.

Крошка. Какой закон?

Нэт. Закон об УПСРОНе. Ты не имеешь права получать деньги, если
я работаю в УПСРОНе.

Крошка. А зачем же мне тогда работать — для здоровья, что ли!

Нэт. Тебе вообще не положено работать.

Крошка. И что же, этот самый закон считает, что мы на одно твоё
жалованье проживем?

Нэт. Закон вообще ничего не считает. Закон говорит, что нужно де-
лать, а как именно — его не касается.

Крошка. Вот как? Тогда уходи из УПСРОНа и найди работу где-
нибудь еще.

Нэт. Стал бы я работать в УПСРОНе, если бы мог найти работу где-
нибудь еще!

Крошка. Знаю, Нэт, знаю, но так нельзя.

Нэт. Слушай, крошка. Меня на этой неделе проверяли. Ничего не
поделаешь. Или ты будешь работать, или я. А я не могу
врать, не могу вилать. Так-то. Ты ведь обернешься, крошка,
правда? Ты ведь у меня умница... Да притом и работа у тебя
такая паршивая, что избавиться от нее стоит двенадцати
долларов в неделю, правда ведь, ха-ха!

Крошка. Ха-ха.

Нэт. Знаешь что? У меня осталось двадцать шесть центов. И тебе
угощу содовой за три цента.

Крошка. Прибереги к рождеству. Ну, пошли. Мне надо многого
прикинуть.

Нэт. Опять прикинуть?

Крошка. Опять и опять и опять.

Нэт. Мне очень жаль, крошка.

Крошка. И мне тоже. Нам обоим очень жаль. Всем очень жаль.
Но жалостью не пообедаешь. Желудок ее не варит.

Музыка. Шумы улицы, крики торговцев.

Продавец фруктов. Доброе утро, сударыня... Что сегодня прикажете? Апельсины, яблоки, груши, сливы, помидоры, картошка, — что прикажете?

Крошка. Почем бананы?

Продавец фруктов. Три штуки за пять центов, шесть за десять.

Крошка. Почему это? Везде четыре штуки за пять.

Продавец фруктов. Три за пять, сударыня, а все, что купите по пять за четыре, я сам с удовольствием съем.

Крошка. Вы сами на прошлой неделе продавали по четыре за пять.

Продавец фруктов (*раздраженно*). Три за пять.

Крошка. Четыре.

Продавец фруктов. Три.

Та же музыкальная тема, но только в более медленном темпе.

Крошка. Три четверти фунта фарша. И смелите при мне.

Мясник. Сию минуту, сударыня.

Крошка. Знаете, прошлый раз я вам переплатила. Такое же мясо в магазине самообслуживания на два цента дешевле.

Мясник. Потому и дешевле, что самообслуживание. Ладно. Четырнадцать центов.

Крошка. Четырнадцать? А я думала, тринадцать.

Мясник. Я знаю, что вы думали. Если бы я сказал — тринадцать, вы бы сказали — двенадцать. Разве я вас не знаю? Четырнадцать центов, милсдарыня.

Крошка. Тринадцать центов, милсдарь.

Мясник. Четырнадцать, милсдарыня.

Крошка. Тринадцать, милсдарь.

Та же музыкальная тема, но в гораздо более медленном темпе.

Нарастают и гложут шумы улицы.

Голос. Пять фунтов — двадцать пять центов.

Крошка. Ищите дураков! Двадцать три!

Голос. Дорого? Не нравится? Устройте демонстрацию перед ратушей.

Крошка. Двадцать три.

Голос. Двадцать пять. А не хотите — не надо.

Нарастают и гложут шумы улицы.

Голос. Пять фунтов — двадцать пять центов! Три за десять! Девятнадцать центов дюжина, всего девятнадцать!

Та же музыкальная тема в замедленном темпе

Крошка. Ах, мамочка моя, мамочка... Ты и представить бы себе не могла, что за ловкая надувала из меня получится. Такой во всей округе не сыщешь. Когда лавочники завидят меня за два квартала, то бегут и прячутся. Ага... Так-то дело обстояло, так-то мы изворачивались... А до чего противно торговаться, уламывать, скандалить, канючить... Но за квартиру платить надо, за газ и электричество — надо, есть надо... И обернуться на жалованье Нэта — работка не из легких. А уж одежда, всякие там развлечения... *(Смеется.)* А Нэт — он такой тихий сделался, все время молчит. Только по воскресеньям, если была хорошая погода, мы шли с ним в парк или на пляж...

Шум пляжа, крики мороженщиков и т. п. Потом шумы глоснут, образуя фон.

Нэт! Да здесь я, Нэт! *(Приближается.)* Вот балда! Да здесь я, здесь! Здесь!

Нэт. Ах вон ты где!

Крошка. Ну и глаза же у тебя. Собственную жену найти не можешь.

Нэт. Попробуй найди, когда вокруг шестьдесят миллионов или около того. Я танцевал от спасательной станции...

Крошка. Ну, как вода?

Нэт. Какая вода! Никакой воды нет. Это вагон метро в часы «пик»... *(Смеется.)* Я только разок окунулся — и шмяк! Кто-то мне на голову сел... Я чуть не утонул... Так-то!

Крошка. Это на тебя похоже... Эй, перестань! Ты меня всю забрызгаешь!

Нэт. Ах, ты боишься забрызгаться! А ты видала, как собаки отряхиваются? Бррр...

Крошка. Ах ты дрянь! *(Визжит.)* Вот негодный! Теперь у меня песок в волосах!

Нэт *(поет на мотив «Фермер в долине»)*. Песок в волосах... Песок в волосах... Тра-ла-ла-ла-ла... Песок в волосах... *(По-оперному тянет последнюю ноту и резко обрывает.)* А что есть закусить — шамать хочется!

Крошка. А что бы ты хотел?

Нэт. Не спрашивай, не спрашивай.

Крошка. А ну-ка, запусти сюда зубы.

Нэт. Мммм... Вкусно... А что это?

Крошка. Да так, всякий рубленый товар.

Нэт. Так я и знал! Так я и знал. Убери. Тут лук.

Крошка. Ерунда. Жри или подыхай с голоду.

Нэт. То есть как — больше ничего нет, что ли? А сыр? А колбаса?

Крошка. Лопай что есть.

Нэт. А уже начинают уходить. Публики все меньше. Ты не озябла, детка? А то возьми мой свитер.

Крошка. Тоже хочешь уходить?

Нэт. Не-а... Давай еще посидим. Песок теплый. Уходить неохота. Завтра понедельник, а там вторник, среда... Не-а... Побудем тут еще. Чувствуешь запах моря?

Крошка. Мммм... а-а-а...

Нэт. Пей его, детка, упивайся.

Крошка. А я бы хотела жить в доме у моря.

Нэт. Знаешь что?

Крошка. Что?

Нэт. Дай человеку время от времени малость свежего воздуха, море, солнце — вроде как сейчас... Сколько народу сюда приходит — а чего ради? Ради воздуха, солнца, воды... Это ведь ничего не стоит... А как только начнешь входить во вкус, то все и кончается... Пора уходить. Завтра понедельник... Тьфу! А ну, давай драться! Ну!

Крошка. Да не хочу я драться. Иди и кувyrкайся на песке, а я люблюсь, как ты повалишься вверх тормашками.

Нэт. А ну, защищайся!

Крошка. Да брось ты, Нэт! Перестань! Ах, так? Ну, вот тебе! На! Съел?

Нэт. А ну, еще! Нет-нет! Драться, а не бороться!

Оба смеются, крхтят во время шуточной борьбы.

Крошка (*задыхаясь*). Нет, борьба мне больше нравится. (*Посмеиваясь.*) Как-то интимнее выходит, правда?

Нэт (*нежно*). Правда, крошка.

Музыкальная заставка.

Крошка. Это было в воскресенье... Да, порой нам удавалось быть счастливыми... Я не люблю говорить о денежных делах, но двоим на шестнадцать дубов в неделю, когда рассчитываешь каждый медяк, не так-то легко выкроить время для счастья — а если и выкроишь, то все равно не легко быть счастливыми. Счастье не водопроводный кран — его непустишь и не завернешь. А потом провели новое правило, и пришлось Нэту уходить из УПСРОНа, потому что он работал там больше полутора лет, — трагедия, совсем как в романе! Такая трагедия, что мы прямо-таки поверить не могли, только сидели и смеялись... Ух, и ржали же мы... Мда-а. И в один прекрасный день пошла я к М. Н.

М. Н. Ба-ба-ба, кого я вижу, Чем могу служить, сударыня вы моя?

Крошка. Ах, М. Н., не надо. Скажите, есть у меня шанс получить прежнюю работенку?

М. Н. Чтобы опять дерзить?

Крошка. Ну ладно, ладно. Я не препираться сюда пришла. Скажи-те только — да или нет?

М. Н. Ну, так слушай. Ты бы мне подошла, да не хочется тебя брать. Уж больно ты скандальная, и сама ведь это понимаешь.

Крошка. Ну, так чего изволите? Принести вам присягу?

М. Н. Ну, зачем же. Сойдемся на меньшем. Ты только не болтай, и все тут.

Крошка. Ну, мистер М. Н.!

М. Н. Ты хорошая работница, крошка, говорю тебе это честно, но помни — не задирайтесь! Должность прежняя, жалованье прежнее.

Крошка. Спасибо, М. Н.

М. Н. Если хочешь, приступай сейчас же.

Крошка. Скажите, М. Н., а для мужчины у вас места не найдется?

М. Н. Для мужчины? А на что мне мужчины, если я могу нанимать девочек вроде тебя...

Крошка. Пятак пара.

М. Н. Этого я не говорил... Ну вот, опять ты задираешься. Здесь мне нужен один-единственный мужчина, и это — я сам.

Крошка. Дошло. Ну, спасибо, М. Н. Увидимся.

М. Н. (смеется). Еще бы, еще бы.

Крошка. ...и вернулась я на мою старую работу. За тем же прилавком, на том же месте, но если Нэт получал шестнадцать в неделю, то я — двенадцать, и Нэт не знал, как экономить на еде, и вечно мы должны были за квартиру, то за газ, то за свет, то бакалейщику, и Нэт, бедняга, ходил, искал работы, пока не обалдевал, и на любую работу был согласен, на что угодно; и день за днем, неделя за неделей все мордой об стол да мордой об стол... А потом он просто лежал на кровати и никуда не хотел идти; и жутко было смотреть на него, как он мало-помалу расклеивается и начинает мечтать, чтобы случилось какое-нибудь чудо. А если разживется несколькими медяками, то непременно проиграет их, а без денег только зная лежит себе да ждет, чтобы ему с неба пришла спасительная телеграмма. Прихожу я, бывало, с работы, а он сидит и слушает радио, про бейсбол да про войну, а вечером опять про бейсбол да про войну. А когда передавали что-нибудь особенное, вроде матча с участием Джо Луиса, он страшно радовался, за много дней ни о чем другом и не говорил, а после матча опять скапустится и только ждет, ждет, ждет, чтобы хоть что-то произошло, чудо какое-нибудь... Да еще, бедняга, подбодрить меня пытался.

Фон следующей сцены — тихая музыка — блюз, как бы негромко передаваемый по радио.

Нэт. Да брось ты эту рубаху, крошка, и иди спать.

Крошка. Тут дырка. Надо зашить.

Нэт. Мне так больше нравится.

Крошка. Еще бы! Ты ведь известный неряха.

Нэт. Да не надрывайся ты так. Всегда что-нибудь делаешь.

Крошка. Мне так больше нравится.

Нэт. Посмотри на меня. Я создан для праздности и роскоши. Я рожден для вихря светских наслаждений, и как только мне начнет везти, детка...

Крошка. Каким это образом?

Нэт. А, да ты не волнуйся. Что-нибудь скоро случится. А вдруг придет письмо или там телеграмма — вроде как с неба! Ага! Так бывает. Только не знаешь когда. Бац! И готово! У тебя работа или что-то такое. И все здорово.

Крошка. И ты в это веришь!

Нэт. Надо ведь во что-то верить, крошка, ведь надо.

Крошка. Видать, надо.

Нэт. Да неужели ты сама не веришь, что мне когда-нибудь повезет? Почему? Неужели я такой уж несчастный?

Крошка. Нет.

Нэт. Ага.

Крошка. Неохота мне об этом говорить.

Нэт. Так не говори.

Крошка. А, какая разница, лучше уж сказать.

Нэт. Ну, валяй. Сыпь.

Крошка. Ты сдаешь, Нэт. Расклеиваешься. Только на чудо и надеешься, а сам палец о палец не ударишь. Счастливого билета ты не вытянешь. Но, видать, тебе нужно во что-то верить.

Нэт. Ай, брось. Не надо так.

Крошка. А ты можешь себе представить чувства женщины к мужчине?

Нэт. Смутно, но представляю.

Крошка. Лучше ему быть мертвым, чем помирать по крупице, понимаешь?

Нэт. Да чего ты от меня хочешь? Чтобы я баллотировался в президенты?

Крошка. Перестань. Ответа я и сама не знаю. Не могу точно сказать, у меня на это мозгов не хватает. Но я знаю, что тебе надо быть потверже. Даже если не знаешь выхода — держись. Ты не дурак. И найдешь выход.

Нэт. Ах, крошка. Что-нибудь подвернется.

Крошка. Ага. Но, может, не то, что ты думаешь. А под лежащий камень вода не течет.

Нэт. Вижу, что ты обо мне оч-чень хорошего мнения.

Крошка. Да нет, ты слушай. Я на что угодно готова, лишь бы ты

опять был в форме. Я бы тебя малютком по башке треснула, если бы была уверена, что это тебе на пользу. А ведь если так о ком-то думаешь, то он для тебя что-то значит.

Нэт. Что за жена. Чудо-жена.

Крошка. Ага. Так слушай, растяпа ты этакий. Все мы баб не понимаем. Видите этаких бежанных красоток с пышными формами, вроде как в кино. Что ж, может, такие деликатные и найдутся, но знаешь, что я тебе скажу? Таких, как я, большинство. Мы настоящие. Мы не из кино. Принимай нас такими, а не хочешь — как хочешь.

Нэт. Вот как?

Крошка. Да. И вот тебе рубаша.

Музыкальная заставка.

Ну и вот. Словами я его никак не могла расшевелить и решила попробовать по-другому. И подумала: пусть он как следует обрадуется, а там — ушат холодной воды. Пускай он хоть после удара возьмет себя в руки. Сама не знаю, чего это я так решила, но со мной самой такое случалось, и я привыкла все выносить и не расклеиваться. Всякое бывало, хорошее и плохое, удача и неудача, а я только тверже делалась. Ну, а он — мой мужик, и с ним надо было что-то сделать. И зашла я в обеденный перерыв на телеграф и отправила ему телеграмму с неба, которой он так долго дожидался. Прихожу я вечером домой...

Нэт. ...а когда поешь, детка, будет у меня для тебя небольшой сюрприз. Ты кушай, деточка, кушай, сам своими руками все приготовил.

Крошка. Да что за сюрприз, увалень?

Нэт. Ты ешь, ешь! Зря я старался, что ли, и салат сделал и все такое.

Крошка. Да не скажи ты, как полоумный.

Нэт. А что ж! Я и есть полоумный. Я дикарь. Я Кинг Конг *. Я Джо Ди Маджо **. А ну-ка, я сейчас спляшу тебе буйную пляску! Смотри-ка. Тра-да-да та-ра-ра-ра дадададирампампам.

Крошка. А ты есть не собираешься?

Нэт. А на что? Мне пища не нужна. Я — индийский йог. Мы по несколько месяцев обходимся без еды.

Крошка. Ну ладно, ладно. Я сгораю от любопытства. Давай.

Нэт. Да? Ну так вот, крошечка, когда будешь читать — не падай.

Крошка. Телеграмма! *(Читает.)* «Завтра утром приходите получить

* Кинг Конг — чудовищная обезьяна гигантских размеров, персонаж кинобоевика начала 80-х годов.

** Джо Ди Маджо — знаменитый бейсболист.

работу 35 недель фирма Чудо-юдо Див-стрит 24 Бруклин». Вот это да!

Нэт. Дда! Название у фирмы чудное, но это не важно. Это ведь правда. Настоящая телеграмма, и никакого подлога! Правда ведь, крошка? Наверно, это почтовый ящик 22, я туда писал на прошлой неделе. Ага! Почтовый ящик 22. Ясное дело, они! Объявление было в «Бруклин Игле».

Крошка. Ну и ну. Кто бы мог подумать!

Нэт. Я бы мог подумать! Я год этого ждал!

Крошка. Даже не знаю, что и сказать.

Нэт. А я знаю! Прежде всего пошли к черту своего М. Н. На такой заработок мы будем роскошествовать, как сыр в масле кататься. Я все-все рассчитал, и куда мы переедем... Ух ты! Крошка, успокой меня, прежде чем я... Послушай, у тебя какие-нибудь деньги есть?

Крошка. Есть. До конца недели хватит. А что?

Нэт. Все еще не можешь привыкнуть? Прикидываешь, хватит ли до конца недели? Слушай, сколько у тебя?

Крошка. Почти два доллара.

Нэт. Давай сюда.

Крошка. Слушай, Нэт, чего ты так расходишься? Работу-то ты ведь еще не получил.

Нэт. Работа у меня в кармане. Давай деньги. Мне надо купить рубашку и галстук.

Крошка. А, понятно. Для представительности.

Нэт. Ага. Эх, если бы еще костюм приличный... Послушай, а как по-твоему, может, пойти сейчас и купить в рассрочку?

Крошка. Да нет, поздно. Конечно, поздно. Да и подогнать по мерке все равно не успеют.

Нэт. Мда. И как же я раньше не догадался! Слишком обрадовался, вот и перестал соображать. Как будто совсем в другом мире проснулся.

Крошка. Ага... Ну ладно, ступай за рубашкой и галстуком, а я посуду вымою.

Нэт. Ага, придумал! Схожу-ка я к Гарри и одолжу у него костюм. У нас один размер.

Крошка. Только в залог ничего не давай.

Нэт. Будьте спокойны! Я могу показаться дураком, но я не дурак. Я просто работу получил! Ух и здорово же! Ну ладно, я пошел. Будь на посту, детка! Америка, держись, вот он я!

Дверь открывается и закрывается.

Крошка (напылом). ...и он не спал всю ночь, я в этом уверена, — знай лежит, разговаривает сам с собой да посмеивается. А несколько раз будил меня и рассказывал, что он еще при-

думал сделать на тридцать пять в неделю, которых не будет. Мда, как я говорила раньше, выходишь ты замуж за парня... за хорошего парня, может быть, чуточку рохлю, но за вполне приличного парня, и трудно жить, тяжело жить... И потом ты его понимаешь, понимаешь по-настоящему и хочешь видеть его не мертвым или калеккой, а здоровым, сильным, живым, чтобы он все время работал, дрался за что-то лучшее... А потом видишь, что получается, и делаешься злой, и хочется, чтобы и он стал злым — злым, пробивным, боевым... А при моем характере начинаешь придумывать, что бы для него сделать... Может, сделаешь ему больно и все, — но надо рискнуть... Может, он взорвется, разозлится и уйдет, вот как мой... Может, и не вернется никогда, но так уж повелось... Это, если можно так выразиться, тоже любовь своего рода... Ему скоро двадцать четыре... Мне примерно столько же... Мы, наверно, еще дети... Уверяю вас, что не хотела терять этого самого моего Нэта, — но неужели вам не понятно, что это и вправду на пользу ему... Где бы он ни был, вернется он или нет, но на чудо, на телеграмму с неба он больше надеяться не будет — при одной подобной мысли сразу вспомнит, что я с ним сделала, и разозлится. А таким я и хочу его видеть — злым, пробивным, боевым, а когда мужик такой, то на него можно надеяться. А для этого надо рискнуть. Рискнуть, что потеряешь его. Я как будто всю жизнь об этом знала...

Тихий блюз, как раньше.

Вот как можно полюбить парня. Хочешь видеть его живым, несмотря ни на что, даже если он совсем не вернется. А на что это похоже, ни в одной жалобной песне еще не пели, — когда ты понимаешь, что он ушел, ушел неизвестно куда и неизвестно надолго ли... И вот сидишь перед зеркалом и ждешь, смотришь на себя и думаешь: а переживешь ли, если он так и не вернется... Когда-то мы говорили, что все будет хорошо, но пока, между нами, девочками, говоря... удовольствие... ниже... среднего.

Музыка.

Норман Ростен

Прометей в Гранаде

Памяти

великого поэта Испании

Фредерико Гарша Лорки

Сном заснул он бесконечным.
Мхи зеленые и травы
раздвигают, словно пальцы,
черепя цветок кровавый *.

Р а с с к а з ч и к. Тихой августовской ночью 1936 года великий поэт Испании, ее лучший поэт, был вывезен на пустынную дорогу неподалеку от древней Гранады.

Там, освещенный фарами автомобиля, он спокойно стоял лицом к фалангистам. Их было не видно в темноте. Они боялись его глаз.

Там они и убили его — под небом и звездами его любимой Испании. Его тело было брошено в горькой придорожной пыли...

Федерико Гарсиа Лорка был любим испанским народом. Люди гордились и восхищались им. Он был их великий поэт и музыкант, их трубадур, чьи стихи и песни передавались из уст в уста. Цыганки танцевали под его красочную музыку, певцы повсюду исполняли его баллады. И часто они даже не знали, кто действительный автор этих песен. Еще чаще они не умели читать, но строки его стихов они носили в своем сердце.

Он дал людям песни, чтобы петь их в полях, вечерние песни и песни ненависти к их врагам...

Лорка не умер.

Хотя книги его были сожжены на площади Гранады, и тело его стало прахом, и кровь его высохла на земле, его образ и его песни убить нельзя. Они будут жить вечно...

В е с т н и к. Я пришел из Малаги.

Весь день я шел сюда, от побережья
проделав вместе с солнцем путь немалый
крутой дорогой, что ведет в Гранаду.
Нелегкий путь. Ступни мои горят.

* В качестве эпиграфа взята строфа из поэмы Лорки «Плач по Игнасио Санчесу Мехиасу». Отрывки из этой поэмы, включенные в пьесу, даются в переводе М. А. Зенкевича.

Я вышел рано. Утреннее солнце
у стен Малаги волны золотило,
и рыбаки спешили с парусами,
покуда ветер утренний не стих;
весь день я шел, болят мои ступни,
но я бежал, коль путь мой был не в гору,
бежал, ведь говорят, что здесь, в Гранаде,
в последний раз увидели его.
Молва прошла, что здесь его схватили,
когда на площадь шел он. Говорят,
они его схватили и связали,
и увели куда-то...

Лорка наш!

Он наш певец — великий и любимый! —
и шли мы, как на исповедь, к нему...
Пришел сюда я, чтоб его увидеть, —
не может быть, чтоб не было его!..
И вот мой путь дневной почти окончен.
Вот город с золотыми тополями,
с бассейнами воды священной, город
спокойствия, как все его прозвали.
А солнце уже низко над землей...

Постепенно нарастают звуки уличного шума.

Что это? У людей на лицах ужас.
Молчат... Никто не хочет говорить...
Спросил солдат — те ничего не знают...
Но я уверен, это здесь, в Гранаде,
здесь, в городе его, о нем мне скажут,
лишь стоит имя мне его назвать!

Друг! Сеньор! Амиго!..

Это правда, что его забрали,
нашего Федерико, нашего Лорку?

Первый горожанин. Если он ваш друг,
ищите его, спасайте его.

Сегодня его не было на улице.

Сегодня он не читал нам своих стихов.

Потому и на площади пусто.

Вестник. А вы, амиго, знаете вы Лорку?

Ведь он жил в этом городе, в Гранаде!

Второй горожанин. Он скрылся с туманом,
а может, солнце унесло его...

Вестник (в панике). Федерико Гарсиа, где ты?

Я должен видеть тебя!
Я должен говорить с тобой!
Голоса горожан. Его не стало вдруг...
— Пришли на площадь мы его послушать —
он там всегда читал свои стихи, —
но не было его...
— Мы видели его после полудня —
они вели его в горы...
— К той вершине, покрытой туманом...
— На веревке, привязанной к шее...
— Может быть, унесло его солнце?..
— На веревке, привязанной к шее...
— До сих пор его нет!..
Вестник (*отчаянно крича и убегая*). Где ты, Лорка?
Куда они увели тебя?..
Я должен тебя видеть!..
Я должен говорить с тобой,
Федерико!..

Наблюдатель. Алло, Мадрид!..
Докладывает наблюдатель с аэростата К-4...
Человек на земле. Мадрид слушает вас, К-4,
докладывайте...
Наблюдатель. Небо чистое, кроме низких облаков возле гор.
Обстановка спокойная,
видимость отличная —
местность просматривается на пятьдесят миль.
В бинокль видны малейшие детали —
даже рябь на реке можно пересчитать.
Легкие дымки на востоке — от артиллерии.
Под солнцем хорошо видна Гранада;
должно быть, их войска уже полностью заняли город...
Все спокойно... Если что-нибудь случится,
я немедленно доложу.
Доклад окончен...

*Постепенно нарастают звуки шагов и тяжелое дыхание людей,
идущих в гору.*

Мануэль. В такую гору трудно подниматься...
Да и жара... Рамон, давай попьем...
Сегодня солнце словно озверело...
Рамон. И воевать трудней из-за жары...
Я пью воды не меньше стада коз,
куда она идет — не понимаю...

Мануэль. В ботинки... Потом вся идет в ботинки...
Рамон. Пойдем быстрее, Мануэль...
Мануэль. Ты слышал, пленник?
Иди, не то отведаешь цепей...

Слышен звук тяжелых цепей.

Рамон. Наш капитан спятил:
велит приковать человека
к скале у самой вершины...
Ясно, что он рехнулся...

Мануэль. Ужасная война, особенно в жару...

Рамон. Пленный еле идет.
Лошадь или мул были бы сейчас кстати.
Сеньор не отказался бы от лошади?

Лорка. Зачем так высоко идем мы в горы?
На площади меня заждались люди...

Рамон. Ты священник?

Лорка. Нет.

Рамон. Тогда ты им не нужен.

Лорка. Что бы ни хотели вы сделать со мной,
вы могли это сделать на улицах Гранады...

Мануэль. Капитан приказал вести тебя на вершину
и там приковать.
Так что молчи и следуй.

Лорка. Отведите меня назад!
И развяжите веревки!

Мануэль (*шепчет*). Это пленный — особый,
он читал книги...

Рамон. Пуля сделает его таким же, как все...

Мануэль. Пуля сделает...

Рамон. Проклятое солнце!.. Проклятые горы!..
Дай ему воды, Мануэль...

Мануэль. Вот вода. Пей, да поскорее...

Рамон. Не торопи его.
Пить, как и любить, — дело личное.
Пейте как вам угодно, сеньор.

Мануэль. Сейчас бы отдохнуть неплохо было...
После войны, говорят,
вдоволь с тобой отдохнем.
То-то будет жизни!..

Лорка. Поймите — тут какая-то ошибка.
Я не был солдатом.
Да и политикой не занимался.

Рамон. Довольно отдыхать. Пошли!

Наблюдатель. Алло, Мадрид!..

Докладываю с той же позиции.
Заметил людей — их трое,
они поднимаются в гору
к северу от Гранады
в зоне противника.
Они уже выше деревьев,
я их отчетливо вижу.
Двое — солдаты, без ружьев,
третий — в гражданской одежде,
связан, идет на веревке...
Сейчас наведу бинокль...
Там, наверху, у скалы —
небольшая площадка,
никаких военных объектов.
Может быть, это ловушка...
И все-таки кажется странным...
Они уже недалеко.
Я доложу чуть позднее...

Звук глухих шагов.

Лорка. Но почему схватили вы меня?

И почему уводите куда-то,
не говорите ничего в ответ?
Что будет дальше?

Мануэль. Мы прикуем тебя к скале, сеньор.

Лорка. Скажите правду —
не на прогулку же ведете!..

Рамон. Он все тебе сказал, что нам известно.
Прикованного, мы тебя оставим.
И может быть, тебя съедят дожди
иль птицы сердце выключут по части...

Лорка. Но тут ошибка. Дайте объяснить.
Я говорил, что не был я солдатом.
Ружья в руках я сроду не держал.

Рамон. Быть может, ты особый, из святых?

Лорка. Нет, я ем хлеб и смертен, как и все.

Рамон. Так, значит, ты умрешь.
Солнце высушит твою кровь.

Небольшая пауза.

Я слышал, много тысяч лет назад
был человек один к скале прикован.
Богами. Птицы рвали его тело,

но он не умер, будучи особым.

А ты — ты просто смертный, так ведь?
Лорка. Послушайте, но мы здесь по ошибке!

Вам тысячи людей об этом скажут...

Мануэль. Рамон, вот это место!

Скала отвесна,

Мертвый будет прям,

если прикован будет хорошенько.

Рамон. И так погибнет все у нас в стране...

И вновь не зацветут сады весной,

и дети перестанут нарождаться...

Мануэль. Ты чего там стал, молишься, что ли?

Берись за работу!

Лорка. Солдаты, туда посмотрите...

В долинах срублены кроны,

и даже камни дымятся,

и ветер насыщен кровью...

Нашей собственной кровью...

Этот тяжелый ветер...

И города затихли,

словно мертвые дети...

Мануэль. Прикажи ему замолчать!

Я не могу, когда он так говорит!..

Рамон. Стойте прямо, пожалуйста.

Мы должны приковать вас к скале.

Мы — солдаты.

Во мне сердце простого человека,

но руки выполняют приказ, как солдаты...

Мануэль. Вот железные клинья —

мы вобьем их в скалу,

а если он будет много говорить,

то прямо ему в глотку...

Готов, Рамон?

Рамон. Да... готов...

Солдат всегда готов.

Раздаются удары по металлу, постепенно удаляются.

Наблюдатель. Алло!

Докладывает К-4.

Алло!.. Мадрид!.. Алло!..

Почему отключили?..

Алло!.. Говорит К-4...

Алло!.. Мадрид!.. Алло!..

Голос наблюдателя постепенно сменяется звуками ударов по металлу.

Р а м о н. Хочу понять... Пытаюсь все обдумать...

И не могу. Война подобна ране —
ты хочешь только спать,
чтоб выздороветь снова...
Не больно от цепей?

Л о р к а. Ты крестьянин?

Р а м о н. Да, из Гранады,
которую мы только что взяли.

Л о р к а. Да, вы ее взяли...
Но разве для себя завоевали?
Разве земля теперь ваша?
Вы ее взяли — для других!..

М а н у э л ь. Заткни ему рот, Рамон!
Или я сделаю это сам!..

Раздается звон цепей.

Р а м о н. Не тронь его! Ведь он тебе не раб...
Давай, храбрец, кончай свою работу.

Удары по металлу возобновляются.

М а н у э л ь. Мне не нравится, когда он так говорит.

Р а м о н. Мы поступаем с вами, как с собакой...
Прости... Все в голове моей смешалось...
Каким-то ядом мозг отравлен мой.

М а н у э л ь. Готово!..
Теперь он — часть скалы.
Лишь молнии под силу освободить его!

Л о р к а. Скажи, Рамон, скажи перед уходом,
пока я не оставлен с темнотою, —
за что меня отправили сюда?

Р а м о н. Я думаю, сеньор, вас по ошибке
приняли за народного героя,
и потому боялись, и хотели
подальше вас упрятать от людей...

Л о р к а. Но раз их мучит страх перед народом,
то это значит — дело их неправо,
и, значит, схвачен я несправедливо,
и ты — лишь жалкий трус в своей стране!

Р а м о н. Мы должны уйти.
До свиданья, мой друг.
Рамон понимает тебя,
но я... потерял детей —

и сердце мое ожесточилось...
Я думал, они невредимы...
Я думал, они в безопасности...

Уходят.

Лорка. Мы все хотели верить в безопасность,
но разве можно в это дольше верить!
Мое доверье вот чем обернулось...
И даже небо, небо стало лживым —
оно нам посылает дождь и смерть...

Доносится слабый гул самолетов.

О небо с голубыми городами!
Взгляни же на убийц — они летят,
как хищники, с далеких аэродромов,
как черный меч, по ясной синеве...
Они летят от северной границы,
оттуда, из-за Альп и Пиренеев,
и с ними смерть спускается на нас...
О мать-земля! Покрой себя железом,
чтобы огонь непрошенных пришельцев
не тронул крыш твоих и тополей,
чтоб он угас и ветром был развеян...
О будь неотвратима, божья кара!
Брось этих птиц железных прямо в море,
глубокое синее море,
и мир земле Испании верни!..

Вестник *(его голос едва слышен на расстоянии)*.

Ге-э-эй!.. Лорка!..

Где ты?.. Ге-э-эй!..

Наблюдатель. Алло! Мадрид! Говорит К-4.

Что случилось?

Человек на земле. Говорит Мадрид.

Мы отключали вас, чтобы принять

срочную телеграмму из Гранады.

Фашистами схвачен поэт,

наш поэт Федерико Лорка.

Его увели в горы двое солдат без ружьев.

Видимо, это те, которых заметили вы.

К-4, срочно доложите обстановку.

Наблюдатель. Они приковали его к скале и ушли.

Тут затевается вероломство.

Пошлите людей в горы,

пошлите скорей, чтоб спасти его...

Вестник (*все еще на некотором расстоянии, но значительно ближе*). Ге-э-эй!.. Слышишь ли ты меня?..

Ге-э-эй!.. Отзовись, Лорка...

Лорка. Кто ты — ловец птиц,
что поднялся высоко в горы?

Вестник. Лорка!..

Я пришел из Малаги, от моря.
Мы слышали, что тебя схватили,
но надеялись, что это неправда.

Лорка. Все правда. Меня самого
заставили в это поверить...

Слышен тяжелый звон цепей.

Вестник. Я побегу за рыбаками —
мы разобьем эту скалу,
и ты уйдешь с нами.

Лорка. Поздно.

Не трать время на разговоры.
Спасайся сам

и родину спасай!

Взовите к людям всех земель и стран,
скажите им, что движется опасность,
скажите им, что надо с ней бороться,
что только руки могут это сделать!
Что только тело преградит ей путь!
Скажите им — не будем мы свободны,
покуда все сторонники свободы
не вступят вместе с нами в этот бой!
Не то — поодиночке — все погибнут...
Теперь беги, беги быстрее ветра
и вместе с ветром брось по миру клич!..

Вестник. Но я не в силах здесь тебя оставить...

Лорка. Мы в разговорах лишь теряем время.

И сам я — все читал свои стихи,
пока они затворы проверяли;
и даже кровь пытался не заметить,
когда она лилась на мостовой...
Беги же к морю!..

Вестник. Но я сначала цепи разорву!..

Лорка. Я говорю тебе: беги!

Долгая тишина.

Вестник. Я плачу, Лорка...

Лорка. Вытри слезы.

Женщины будут смеяться, если увидят тебя.

Вестник. Я пойду... я побегу
со скоростью табуна коней...
Прощай!.. (*Убегает.*)

Слышен нарастающий гул самолетов.

Наблюдатель. Говорит К-4.

С восточной стороны появилось несколько самолетов.

Я вижу их в бинокль.

Они кружатся над маленьким городом

в десяти милях отсюда.

Я хорошо вижу их крылья

и черные кресты на них...

Слышны далекие взрывы.

Они бомбят город...

Там начинаются пожары...

Алло! Вы слышите?

Не отключайте связи!

Между холмами появилась небольшая группа солдат.

Кажется, они идут к той самой горе...

Да, вот они ломают строй, вытягиваются в цепочку...

У каждого в руках винтовка...

Алло! Слышите? Там что-то случилось...

Один из солдат выскочил из цепи...

Он бежит вверх, низко пригибаясь...

Слышны отдаленные разрозненные выстрелы.

Они стреляют в него, но все мимо...

Видно, он прекрасно знает местность...

Он почти наверху...

Раздается одинокий выстрел.

Он уже наверху, но остановился на минуту...

В него попали... Да, в него попали...

Он еще бежит, и сейчас он в безопасности —

снизу его не видно, —

но пуля настигла его...

Голос наблюдателя постепенно сменяется звуком шагов бегущего человека, слышно его тяжелое дыхание.

Рамон. Сеньор, вы видите... я вернулся...

Я не трус!..

Лорка. Рамон!

Рамон. Я рад, что вы помните...

Я просто счастлив...

Они идут сюда...

Я должен видеть тебя!
Я должен говорить с тобой!
Г о л о с а г о р о ж а н. Его не стало вдруг...
— Пришли на площадь мы его послушать —
он там всегда читал свои стихи, —
но не было его..
— Мы видели его после полудня —
они вели его в горы..
— К той вершине, покрытой туманом..
— На веревке, привязанной к шее..
— Может быть, унесло его солнце?..
— На веревке, привязанной к шее..
— До сих пор его нет!..
В е с т н и к *(отчаянно крича и убегая)*. Где ты, Лорка?
Куда они увели тебя?..
Я должен тебя видеть!..
Я должен говорить с тобой,
Федерико!..

Н а б л ю д а т е л ь. Алло, Мадрид!..
Докладывает наблюдатель с аэростата К-4...
Ч е л о в е к н а з е м л е. Мадрид слушает вас, К-4,
докладывайте..
Н а б л ю д а т е л ь. Небо чистое, кроме низких облаков возле гор.
Обстановка спокойная,
видимость отличная —
местность просматривается на пятьдесят миль.
В бинокль видны малейшие детали —
даже рябь на реке можно пересчитать.
Легкие дымки на востоке — от артиллерии.
Под солнцем хорошо видна Гранада;
должно быть, их войска уже полностью заняли город...
Все спокойно... Если что-нибудь случится,
я немедленно доложу.
Доклад окончен...
*Постепенно нарастают звуки шагов и тяжелое дыхание людей,
идущих в гору.*

М а н у э л ь. В такую гору трудно подниматься...
Да и жара... Рамон, давай попьем...
Сегодня солнце словно озверело...
Р а м о н. И воевать трудней из-за жары...
Я пью воды не меньше стада коз,
куда она идет — не понимаю...

Мануэль. В ботинки... Потом вся идет в ботинки...
Рамон. Пойдем быстрее, Мануэль...
Мануэль. Ты слышал, пленник?
Иди, не то отведаешь цепей...

Слышен звук тяжелых цепей.

Рамон. Наш капитан спятил:
велит приковать человека
к скале у самой вершины...
Ясно, что он рехнулся...

Мануэль. Ужасная война, особенно в жару...

Рамон. Пленный еле идет.

Лошадь или мул были бы сейчас кстати.

Сеньор не отказался бы от лошади?

Лорка. Зачем так высоко идем мы в горы?

На площади меня заждались люди...

Рамон. Ты священник?

Лорка. Нет.

Рамон. Тогда ты им не нужен.

Лорка. Что бы ни хотели вы сделать со мной,
вы могли это сделать на улицах Гранады...

Мануэль. Капитан приказал вести тебя на вершину
и там приковать.

Так что молчи и следуй.

Лорка. Отведите меня назад!

И развяжите веревки!

Мануэль (*шепчет*). Это пленный — особый,
он читал книги...

Рамон. Пуля сделает его таким же, как все...

Мануэль. Пуля сделает...

Рамон. Проклятое солнце!.. Проклятые горы!..

Дай ему воды, Мануэль...

Мануэль. Вот вода. Пей, да поскорее...

Рамон. Не торопи его.

Пить, как и любить, — дело личное.

Пейте как вам угодно, сеньор.

Мануэль. Сейчас бы отдохнуть неплохо было...

После войны, говорят,
вдоволь с тобой отдохнем.

То-то будет жизни!..

Лорка. Поймите — тут какая-то ошибка.

Я не был солдатом.

Да и политикой не занимался.

Рамон. Довольно отдыхать. Пошли!

Наблюдатель. Алло, Мадрид!..

Докладываю с той же позиции.
Заметил людей — их трое,
они поднимаются в гору
к северу от Гранады
в зоне противника.
Они уже выше деревьев,
я их отчетливо вижу.
Двое — солдаты, без ружьев,
третий — в гражданской одежде,
связан, идет на веревке...
Сейчас наведу бинокль...
Там, наверху, у скалы —
небольшая площадка,
никаких военных объектов.
Может быть, это ловушка...
И все-таки кажется странным...
Они уже недалеко.
Я доложу чуть позднее...

Звук глухих шагов.

Лорка. Но почему схватили вы меня?

И почему уводите куда-то,
не говорите ничего в ответ?
Что будет дальше?

Мануэль. Мы прикуем тебя к скале, сеньор.

Лорка. Скажите правду —
не на прогулку же ведете!..

Рамон. Он все тебе сказал, что нам известно.
Прикованного, мы тебя оставим.
И может быть, тебя съедят дожди
иль птицы сердце выключают по части...

Лорка. Но тут ошибка. Дайте объяснить.

Я говорил, что не был я солдатом.
Ружья в руках я сроду не держал.

Рамон. Быть может, ты особый, из святых?

Лорка. Нет, я ем хлеб и смертен, как и все.

Рамон. Так, значит, ты умрешь.

Солнце высушит твою кровь.

Небольшая пауза.

Я слышал, много тысяч лет назад
был человек один к скале прикован.
Богами. Птицы рвали его тело,

но он не умер, будучи особым.

А ты — ты просто смертный, так ведь?

Лорка. Послушайте, но мы здесь по ошибке!

Вам тысячи людей об этом скажут...

Мануэль. Рамон, вот это место!

Скала отвесна,

Мертвый будет прям,

если прикован будет хорошенько.

Рамон. И так погибнет все у нас в стране...

И вновь не зацветут сады весной,

и дети перестанут нарождаться...

Мануэль. Ты чего там стал, молишься, что ли?

Берись за работу!

Лорка. Солдаты, туда посмотрите...

В долинах срублены кроны,

и даже камни дымятся,

и ветер насыщен кровью...

Нашей собственной кровью...

Этот тяжелый ветер...

И города затихли,

словно мертвые дети...

Мануэль. Прикажи ему замолчать!

Я не могу, когда он так говорит!..

Рамон. Стойте прямо, пожалуйста.

Мы должны приковать вас к скале.

Мы — солдаты.

Во мне сердце простого человека,

но руки выполняют приказ, как солдаты...

Мануэль. Вот железные клинья —

мы вобьем их в скалу,

а если он будет много говорить,

то прямо ему в глотку...

Готов, Рамон?

Рамон. Да... готов...

Солдат всегда готов.

Раздаются удары по металлу, постепенно удаляются.

Наблюдатель. Алло!

Докладывает К-4.

Алло!.. Мадрид!.. Алло!..

Почему отключили?..

Алло!.. Говорит К-4...

Алло!.. Мадрид!.. Алло!..

Голос наблюдателя постепенно сменяется звуками ударов по металлу.

Р а м о н. Хочу понять... Пытаюсь все обдумать...

И не могу. Война подобна ране —
ты хочешь только спать,
чтоб выздороветь снова...
Не больно от цепей?

Л о р к а. Ты крестьянин?

Р а м о н. Да, из Гранады,
которую мы только что взяли.

Л о р к а. Да, вы ее взяли...
Но разве для себя завоевали?
Разве земля теперь ваша?
Вы ее взяли — для других!..

М а н у э л ь. Заткни ему рот, Рамон!
Или я сделаю это сам!..

Раздается звон цепей.

Р а м о н. Не тронь его! Ведь он тебе не раб...
Давай, храбрец, кончай свою работу.

Удары по металлу возобновляются.

М а н у э л ь. Мне не нравится, когда он так говорит.

Р а м о н. Мы поступаем с вами, как с собакой...
Прости... Все в голове моей смешалось...
Каким-то ядом мозг отравлен мой.

М а н у э л ь. Готово!..
Теперь он — часть скалы.
Лишь молнии под силу освободить его!

Л о р к а. Скажи, Рамон, скажи перед уходом,
пока я не оставлен с темнотою, —
за что меня отправили сюда?

Р а м о н. Я думаю, сеньор, вас по ошибке
приняли за народного героя,
и потому боялись, и хотели
подальше вас упрятать от людей...

Л о р к а. Но раз их мучит страх перед народом,
то это значит — дело их неправо,
и, значит, схвачен я несправедливо,
и ты — лишь жалкий трус в своей стране!

Р а м о н. Мы должны уйти.
До свиданья, мой друг.
Рамон понимает тебя,
но я... потерял детей —

и сердце мое ожесточилось...
Я думал, они невинны...
Я думал, они в безопасности...

Уходят.

Лорка. Мы все хотели верить в безопасность,
но разве можно в это дольше верить!
Мое доверье вот чем обернулось...
И даже небо, небо стало лживым —
оно нам посылает дождь и смерть...

Доносится слабый гул самолетов.

О небо с голубыми городами!
Взгляни же на убийц — они летят,
как хищники, с далеких аэродромов,
как черный меч, по ясной синеве...
Они летят от северной границы,
оттуда, из-за Альп и Пиренеев,
и с ними смерть спускается на нас...
О мать-земля! Покрой себя железом,
чтобы огонь непрошенных пришельцев
не тронул крыш твоих и тополей,
чтоб он угас и ветром был развеян...
О будь неотвратима, божья кара!
Брось этих птиц железных прямо в море,
глубокое синее море,
и мир земле Испании верни!..

Вестник (его голос едва слышен на расстоянии).

Ге-э-эй!.. Лорка!..

Где ты?.. Ге-э-эй!..

Наблюдатель. Алло! Мадрид! Говорит К-4.

Что случилось?

Человек на земле. Говорит Мадрид.

Мы отключали вас, чтобы принять
срочную телеграмму из Гранады.

Фашистами схвачен поэт,
наш поэт Федерико Лорка.

Его увели в горы двое солдат без ружьев.

Видимо, это те, которых заметили вы.

К-4, срочно доложите обстановку.

Наблюдатель. Они приковали его к скале и ушли.

Тут затевается вероломство.

Пошлите людей в горы,

пошлите скорей, чтоб спасти его...

Вестник (*все еще на некотором расстоянии, но значительно ближе*). Гэ-э-эй!.. Слышишь ли ты меня?..

Гэ-э-эй!.. Отзовись, Лорка...

Лорка. Кто ты — ловец птиц,
что поднялся высоко в горы?

Вестник. Лорка!..

Я пришел из Малаги, от моря.
Мы слышали, что тебя схватили,
но надеялись, что это неправда.

Лорка. Все правда. Меня самого
заставили в это поверить...

Слышен тяжелый звон цепей.

Вестник. Я побегу за рыбаками —
мы разобьем эту скалу,
и ты уйдешь с нами.

Лорка. Поздно.

Не трать время на разговоры.
Спасайся сам

и родину спасай!

Взовите к людям всех земель и стран,
скажите им, что движется опасность,
скажите им, что надо с ней бороться,
что только руки могут это сделать!

Что только тело преградит ей путь!

Скажите им — не будем мы свободны,
покуда все сторонники свободы
не вступят вместе с нами в этот бой!

Не то — поодиночке — все погибнут...

Теперь беги, беги быстрее ветра
и вместе с ветром брось по миру клич!..

Вестник. Но я не в силах здесь тебя оставить...

Лорка. Мы в разговорах лишь теряем время.

И сам я — все читал свои стихи,
пока они затворы проверяли;
и даже кровь пытался не заметить,
когда она лилась на мостовой...

Беги же к морю!..

Вестник. Но я сначала цепи разорву!..

Лорка. Я говорю тебе: беги!

Долгая тишина.

Вестник. Я плачу, Лорка...

Лорка. Вытри слезы.

Женщины будут смеяться, если увидят тебя.

Вестник. Я пойду... я побегу
со скоростью табуна коней...
Прощай!.. (*Убегает.*)

Слышен нарастающий гул самолетов.

Наблюдатель. Говорит К-4.

С восточной стороны появилось несколько самолетов.

Я вижу их в бинокль.

Они кружатся над маленьким городом

в десяти милях отсюда.

Я хорошо вижу их крылья

и черные кресты на них...

Слышны далекие взрывы.

Они бомбят город...

Там начинаются пожары...

Алло! Вы слышите?

Не отключайте связи!

Между холмами появилась небольшая группа солдат.

Кажется, они идут к той самой горе...

Да, вот они ломают строй, вытягиваются в цепочку...

У каждого в руках винтовка...

Алло! Слышите? Там что-то случилось...

Один из солдат выскочил из цепи...

Он бежит вверх, низко пригибаясь...

Слышны отдаленные разрозненные выстрелы.

Они стреляют в него, но все мимо...

Видно, он прекрасно знает местность...

Он почти наверху...

Раздается одинокий выстрел.

Он уже наверху, но остановился на минуту...

В него попали... Да, в него попали...

Он еще бежит, и сейчас он в безопасности —

снизу его не видно, —

но пуля настигла его...

Голос наблюдателя постепенно сменяется звуком шагов бегущего человека, слышно его тяжелое дыхание.

Рамон. Сеньор, вы видите... я вернулся...

Я не трус!..

Лорка. Рамон!

Рамон. Я рад, что вы помните...

Я просто счастлив...

Они идут сюда...

У каждого ружье...

Но мы убежим — у меня есть напильник!

А медь — она мягкая...*(Начинает отчаянно пилить цепь.)*

Звук напильника сопровождает весь следующий разговор.

Лорка. Кажется, прочная цепь...

Я рад видеть тебя, Рамон.

Рамон. Я был глупым солдатом, сеньор,
но я не трус.

Когда я спускался вниз

и встретил их, с ружьями,

я понял, зачем они с ружьями...

«Закован Лорка?» — капитан спросил.

И тогда я мгновенно решился

и сказал: «Я поведу вас к нему»...

Лорка. На лице твоём кровь...

Ты молод и не знаешь меня, Рамон...

А если они застанут тебя здесь...

Рамон. Когда услышал я, что это ЛОРКУ

они идут расстреливать, то твердо

себе сказал: такому не бывать...

Для всех нас Лорка значит больше хлеба,

важнее взятых с бою городов...

Он с нами, в нас,

он — сам народ испанский,

и должен я теперь его спасти!

Лорка. Мой друг, они уже недалеко...

Ты можешь задержать их, сбросив камни,

и выиграешь время, чтоб уйти...

Послушай, что я говорю тебе, Рамон, —

я не хочу, чтоб умер ты столь юным...

Рамон *(продолжая пилить)*. Одна рука свободна у меня...

О, если б стал сейчас я великаном,

я б эту цепь, как нитку, разорвал!

Вдали слышится крики. Они приближаются.

Я слишком долго шел сюда — и вот

чем это кончилось...

Лорка. Они пришли...

Рамон. Салют, Лорка!..

Голос *(в отдалении)*. Вот он!..

Раздается одинокий выстрел. Звук напильника становится медленнее и слабее.

Рамон. Прощай, сеньор... мне так хотелось...

поговорить с тобой... немного...
я думал... мы уйдем с тобою... в лес...
и сядем на траву... поговорить... немного...

Еще выстрел — звук напильника замирает.

Лорка. Он был моим братом...

Вы тоже испанцы,
но с вами мы не братья...

Капитан. Прекрасно, сеньор!
Отделение, вольно!

• Лорка! Наступает последняя минута твоей жизни.
Я мог бы дать коршунам выклевать твои глаза,
но пули сделают это чище...

Лорка. Сегодня площадь чистая в Гранаде.
Там каждый камень был сегодня вымыт.
Что ж вы не отвели меня туда,
коль смерть мою хотите сделать чище?

Капитан. Не нравятся мне ваши разговоры...
Даю одну минуту на молитву!

Лорка. Отдайте лучше собственную землю.
Ведь все равно у вас ее отнимут —
земля в стране принадлежит народу!

Капитан. Глупый, ты мог бы остаться в живых,
если бы писал песни о наших победах...

Лорка.песни о женщинах
с мертвыми детьми на руках,
песни о выжженных хлебных полях,
песни о детях — о мертвых детях...

Капитан. И что еще ты скажешь в нашу честь
вместо молитвы?

Лорка. «Было пять часов пополудни.
Было точно пять часов пополудни...
Было мрачно в пять часов пополудни...
Тебя не знает вечер и ребенок...
Ты чужд хребту иссеченному камня...
Никто в твой взор не взглянет светлым взором...
Да, потому что ты навеки умер,
как мертвые, оставившие землю,
как мертвые, которых забывают...
Родится ли когда иль не родится
с судьбой такую бурной андалусец?...»

Долгая тишина.

Капитан (тихо). Сеньор, то, что вы прочитали, —

из «Плача по Санчесу Мехиасу».
 Разве нет? Разве это не о смерти тореро?
 Я спрашиваю вежливо, сеньор...

Лорка. «Пусть луна взойдет багровой.
 О, засыпьте лужи крови...
 Не хочу ее я видеть!..
 Песен нет таких и лилий,
 хрусталей нет, чтоб закрыли
 серебром кровавость розы.
 Нет,
 не хочу ее я видеть!»

Первый солдат. Он говорит о тореро.
 Второй солдат. Это из песни о тореро.
 Санчес Мехиас — он умер
 с рогом быка в сердце...

Третий солдат. Он стоял, как скала,
 когда бык ударил его...

Второй солдат. Его кровь покрыла землю,
 как алая мантия...

Первый солдат. Сеньор, мы слышали эту историю,
 но вы рассказали ее лучше...

Второй солдат. Неужели это вы...
 Неужели вы тот самый человек...

Капитан. Отделение, смирно!

Второй солдат. Капитан, правда ли...
 правда ли, что этот человек...

Капитан. К стрельбе — готовься!

Лорка. Товарищи, помните, это наша земля —
 с ее серебром и плодами...
 И эти холмы и долины —
 все это ваше, ваше...

Капитан. Оружие — заряжай!

Лорка. Но вы не победите разобщенно,
 а разделяют вас они обманом...
 Объединитесь, поверните ружья
 вот против них —
 и вместе завоюйте
 то, что по праву вам принадлежит!..

Капитан. Изготовиться!

Лорка. А если победят они, то знайте,
 тогда вы снова станете рабами!
 Вы будете на них работать в шахтах
 и фрукты собирать свои — для них!..

Капитан. Прицелиться!

Лорка. Для них пшеницу в поле соберете...

И даже дети — даже ваши дети —
родятся, чтоб работать вновь на них!..

Капитан. Огоны!

Тишина.

Лорка. Они не могут нас убить —

Мы знаем слишком много песен!..

Капитан. Огоны!

Тишина.

Первый солдат. Мы боимся его глаз...

Второй солдат. Он говорит, как друг...

Третий солдат. И он рассказал нам прекрасную историю...

Первый солдат. ...о которой мы много слышали...

Второй солдат. Он говорит, как друг,
и, видно, многое еще расскажет нам...

Капитан. Молчать!

Я дал команду стрелять!

Тишина.

Первый солдат. Но этот человек написал поэму
о Санчесе, нашем великом тореро...

Санчес Мехиас был нашим общим другом,
значит, и этот человек — наш друг...

Второй солдат. Мы хорошо знаем эту поэму.

Она начинается так:

«Было пять часов пополудни.

Было точно пять часов пополудни.

Принес простыню крахмальную мальчик
в пятом часу пополудни...»

Разве не так, сеньор?

Лорка. Да, так.

Второй солдат. Вот видите, я ее знаю!

Я — солдат с головой!

Капитан. Отделение, смирно!

Мы отправляемся вниз

и возвращаемся в город.

Без всяких разговоров!

Говорить будем в казармах.

Шагом марш!

Солдатские голоса. Это поэма о тореро, в ней все верно...

— Он говорил, как друг...

— У меня голова на плечах...

— Может, мы еще увидим его...

Голоса постепенно стихают.

Лорка. «Было пять часов пополудни...

Было точно пять часов пополудни...

Принес простыню крахмальную мальчик
в пятом часу пополудни...

А над всем этим смерть, одна только смерть
в пятом часу пополудни...»

Наблюдатель. Говорит К-4.

Отряд спускается вниз.

Если они приходили расстрелять его,
то непонятно, что там произошло —
он все еще стоит...

Город на востоке — в огне.

Дым пожарищ стелется по горизонту.

Женщины и дети уходят в горы.

Часть из них поднимается по тропе,
которая ведет к Лорке...

*Голос наблюдателя постепенно сменяется отдаленными голо-
сами женщин. Они медленно приближаются.*

Первая женщина. Правильно, что мы идем в горы.

Там безопасней...

Вторая женщина. Мы будем там молиться,

И бог услышит нас...

Третья женщина. Мы похороним убитых

там наверху, ближе к ангелам...

Первая женщина. А это кто, прикованный к скале?

Он смотрит в небо...

Вторая женщина. Кто ты? Ответь.

Может быть, школьный учитель?

Они забрали его на глазах у наших детей.

Лорка. Я простой человек,

схваченный без оружия...

Они убивают поэтов,

не научившихся стрелять...

Первая женщина. Скажи, почему горят наши дома?

Почему горят в поле хлеба?

Почему гибнут наши дети?

Вторая женщина. Может быть, бог прогневался на нас

и послал эту погиль?

Третья женщина. Мы ничего не делали плохого —

мы сидели в наших домах...

Первая женщина. Разве могли мы думать,

что смерть нагрянет внезапно,

прямо с ясного неба,

прямо на спящих детей...

Доносится слабый гул самолетов.

Лорка. Они убьют вас, чтобы доказать,
что могут убивать кого хотят...
Они убьют вас, чтобы доказать
свою решимость, силу, превосходство...

Третья женщина. Куда же нам бежать?
Небо — враждебно,
море — опасно,
земля — даже мать-земля! —
стала жестокой...

Гул самолетов становится все ближе.

Первая женщина. Там, в небе — гул,
но ничего не видно...

Вторая женщина. Они прячутся в облаках —
большие черные птицы, —
а потом вновь опустятся на нас...

Лорка. Прячьтесь, скорее прячьтесь!
Укройте детей за камнями!
Не стойте в местах открытых,
прижмитесь к земле!

Самолеты близко. Они резко пикируют вниз.

Третья женщина. Вон они, вон — над нами!

Вторая женщина. Каждый — как черный коршун!

Крики женщин и детей заглушаются ревом самолетов. Самолеты взмывают вверх, гул их становится чуть тише.

Лорка. Небо, брось их на землю!
Брось их, железных, в море!
Тучи, закройте дорогу!
Сбейте их, кроны деревьев!

Гул самолетов нарастает.

Наблюдатель. Мадрид! Мадрид! Алло!

Самолеты вернулись. Их шесть.

С теми же черными крестами.

Они кружат вокруг горы,
той самой горы...

Они поднимаются вверх...

Снова опускаются...

Они сбрасывают бомбы!

Они сбрасывают бомбы!..

Слышны разрывы бомб.

А сейчас разворачиваются,
идут прямо на меня...
Ровным треугольником —
три — два — один...
Выстраиваются в линию...
Алло... алло... Мадрид!
Они приближаются...
Они идут прямо на меня...

Гул моторов, пулеметная очередь.

Держите связь, Мадрид, держите связи!
Аэростат в огне... начинает падать...
Самолеты уходят назад...
Я падаю все быстрее...
Мадрид, держите связи!
Самолеты идут к горе,
прямо на Лорку...
Алло, Мадрид! Вы слышите меня?
Они убивают нашего поэта!
Они убивают нашего поэта!
Мадрид!.. Валенсия!.. Барселона!..
Вы слышите меня?
Слушайте все!.. Слушайте все!..
Всюду — за морем, за океаном —
слушай, каждый человек на земле!..
Они творят преступление!
Они убивают нашего поэта!..
Они убивают нашего великого поэта!
Они убивают Лорку —
великого поэта земли!..

На расстоянии — гул самолетов, пулеметные очереди, взрывы бомб.

Лорка (*прерывисто и все тише*). В пятом... часу... пополудни...
Они спустились с неба...
Было пять часов... пополудни...
О мрачные... пять часов... пополудни...

Все громче и наконец в полную силу ревут моторы самолетов.

Сейлемский кошмар

Диктор. Слушайте передачу «Сейлемский кошмар».

Бьют медные тарелки. Фоновая музыка из сюиты «Остров пингвинов».

Сегодня мы передаем для вас мрачную историю о Нэнси Хэйл, жене священника из Новой Англии, и о бедствии, которое она принесла в новую жизнь. Повествование наше начинается с одного воскресного вечера в 1692 году, когда благочестивые сейлемцы шли домой от вечерни...

Музыка замирает. Звуковым наплывом — звон колокола, пение церковного хора и орган.

Уордуэлл (*приближаясь*). А, добрый вечер, миссис Хэйл. Весьма глубокую проповедь прочитал нам сегодня ваш преподобный супруг.

Миссис Хэйл (*ледяным тоном*). Здравствуйте, мистер Уордуэлл. Рада от вас это слышать.

Уордуэлл. Право же, нам, жалким грешникам, надлежит чаще слушать проповеди в этом роде. Словесное увещевание полезно нашим бессмертным душам.

Миссис Хэйл. Аминь, мистер Уордуэлл. А теперь, надеюсь, вы меня извините. Я тороплюсь к мужу.

Уордуэлл (*нерешительно*). Миссис Хэйл... Позволено будет спросить...

Миссис Хэйл. Да, сэр?

Уордуэлл. Да нет, ничего. Быть может, это всего лишь плод моего воображения, и все же... Во всяком случае, жена моя сегодня об этом упоминала. Миссис Хэйл, мы вас чем-нибудь обидели?

Миссис Хэйл. Обидели? Да что вы...

Уордуэлл. Прошу вас не щадить моих чувств в ущерб вашей совести, сударыня. В воскресный день ложь даже во спасение — грех.

Миссис Хэйл. Почему вы об этом спрашиваете, мистер Уордуэлл?

Уордуэлл. Последнее время мы с женой усмотрели, ну, скажем, некоторое охлаждение к нам с вашей стороны.

Миссис Хэйл (*саркастически*). Быть может, мистер Уордуэлл, это — опасение, рожденное нечистой совестью.

Уордуэлл. Миссис Хэйл! Боюсь, что не понимаю вас.

Миссис Хэйл. Ну хорошо. Ежели хотите знать правду, то слушайте. У меня есть веские основания считать, что вы с вашей женой повинны в пустых сплетнях, которые ныне гуляют по Сейлему.

Уордуэлл. В сплетнях, сударыня? В сплетнях?

Миссис Хэйл (*зло*). Готова поклясться, что этого следовало ожидать. Не было ни одной жены священника, о которой не сплетничали бы. Мистер Уордуэлл, скажите, что дурного я когда-нибудь сделала вам или вашей жене? За что подобные преследования?

Уордуэлл (*ошеломлен*). Миссис Хэйл, я, право, не знаю, что и говорить. Вы... вы меня изумляете.

Миссис Хэйл. Право? Тогда позволю себе напомнить, что вы сами просили меня говорить прямо.

Уордуэлл. Прошу поверить мне, что если даже против вас в нашем городе что-нибудь и говорили, то ни я, ни жена моя ничего об этом не ведали. Боюсь, что и вас подводит воображение.

Миссис Хэйл (*тихо, сквозь зубы*). Мистер Уордуэлл, вы лжец!

Уордуэлл. Сударыня.

Миссис Хэйл. И потрудитесь запомнить, что я не расположена ни забывать, ни прощать содеянного вами.

Уордуэлл. Миссис Хэйл...

Приближающиеся шаги по гравиию.

Миссис Хэйл (*приветливо*). Ах, мистер Коттон Мэйтер!

Мэйтер (*приближаясь*). Вот приятная встреча, миссис Хэйл. Ах... (*Холодно.*) Вечер добрый, Уордуэлл.

Уордуэлл. Ваш слуга, ваше преподобие. Вы извините меня? Я как раз прощался.

Мэйтер. Разумеется. Пожалуйста, идите, мы вас не держим.

Уордуэлл. Миссис Хэйл, прошу принять мои добрые пожелания... и мои сожаления. Покойной ночи.

Миссис Хэйл. И вам тоже.

Уордуэлл (*удаляясь*). И вам покойной ночи, ваше преподобие.

Удаляющиеся шаги.

Мэйтер. Вот неприветливый малый. Надеюсь, я не помешал.

Миссис Хэйл. Прошу вас, ваше преподобие, не надобно извинений. Уверяю вас, что вы прервали наш разговор как раз вовремя. Беседа моя с мистером Уордуэллом была отнюдь не из приятных.

Мэйт ер. Я разминулся с вашим супругом в церкви. Церковный староста сказал, что он направился домой в обществе сэра Вильяма Филлса.

Миссис Хэй л. Ну разумеется! Как глупо, что я запомнила. Сэр Вильям говорил, что, быть может, сегодня у нас отужинает. Не почтите ли нас своим присутствием и вы, ваше преподобие?

Мэйт ер. С величайшим удовольствием. Пойдемте?

Слышатся шаги во время диалога. Хор и орган умолкают.

Миссис Хэй л. И что вас привело в Сейлем, ваше преподобие? Я полагала, что обязанности ваши не позволят вам покинуть вашу бостонскую паству в воскресенье.

Мэйт ер. Службу сегодня правит мой отец, а в помощь ему есть новый викарий. Он согласился, что дела в Сейлеме требуют моего присутствия.

Миссис Хэй л. В самом деле? Вы очень серьезно говорите, сэр. Что-нибудь неладно?

Мэйт ер (*благочестиво*). Надеюсь, что нет, миссис Хэй л, от всей души надеюсь. Но налицо дурные признаки. Сейлему грозят тяжелые дни.

Миссис Хэй л. Но почему, ваше преподобие? Французы угрожают? Или это индейцы...

Мэйт ер. Ах, сударыня, дай-то бог, чтобы это были только индейцы. Дай-то бог! Но они опасны только для тела. Бедствие, о коем я говорю, — мерзостная тень, что падает на души человеческие.

Миссис Хэй л (*в ужасе*). Господи, оборони!

Мэйт ер. Аминь. Дошло до меня на прошлой неделе, что невольница из Вест-Индии, именуемая Титубой, была взята под стражу по обвинению в колдовстве. Донесли на нее малые дети, и говорят, будто она наслала на них порчу, так что они пали на землю, извергая изо рта пену и кровь.

Миссис Хэй л. Колдунья!

Мэйт ер. Тише! Нас могут услышать. Прошу вас, говорите потише.

Миссис Хэй л. В Сейлеме! Ах, какой ужас! И как же я ничего об этом не знала?

Мэйт ер. Донесли дочери преподобного Пэриса. Он убоялся распространять эту историю во избежание паники. Когда единожды общину постигнет подобное, то души могут заразиться, как проказой. Истинно сказано в писании, что зло расширяется подобно укоренившемуся многоветвистому дереву.

Миссис Хэй л. Но... но вы уверены, что здесь нет никакой ошибки?

Мэйт ер. Невольница созналась. Никакого сомнения быть не может. Возникло зло, и один господь ведает, где оно прекратится...

Голоса начинают стихать.

Да, миссис Хэйл... Дай боже, чтобы я не опоздал, ибо собираются грозовые тучи, и над Сейлемом нависла тень...

Музыкальная тема — из Седьмой симфонии Бетховена.

Хэй л. Это превосходные вести, сэр Вильям! Надеюсь, что мне принадлежит честь поздравить вас первым.

Фи п с. Да, ваше преподобие. Сегодня утром из Саутхэмптона прибыла бригантина «Картон» и доставила назначение, подписанное его величеством. Я заступаю на пост губернатора через неделю, во вторник.

Хэй л (трезв о). Да, пост важный, — но какая ответственность! Я отслужу особый молебен, и мы помолимся, дабы всевышний наставлял вас.

Фи п с. Я в этом нуждаюсь, ваше преподобие. Сейчас воистину тяжелые времена. Куда ни посмотрю — всюду вижу в глазах людей страх — страх более сильный, нежели когда-либо ранее.

Хэй л (наставительно). «Совершенная любовь изгоняет страх». Увы, все они малoverы. Чрезмерно о земном помышляют.

Фи п с. К сожалению, такова природа человеческая, ваше преподобие. Поэтому и потребны служители господа, подобные вам, дабы напоминали нам о слабости нашей.

Хэй л. Господь несомненно их покарает. Ужасен будет гнев его, они в него не веруют.

Фи п с. Но примите во внимание, сударь, сколь велика опасность. Страх заложен в самой природе человеческой, иначе господь бог не допустил бы его. Боятся французов, индейцев, неурожая. Всего боятся, и каждый смотрит на соседа своего искоса. Да, положение ненормальное, и хорошего ждать не приходится.

Хэй л. Я рад, что вас назначили именно теперь, сэр Вильям. Нам нужна твердая рука.

Фи п с. Твердая рука — это еще недостаточно. По-настоящему им надлежит страшиться именно своего страха. И поэтому им нужна еще ясная голова — а я готов поклясться, что ясных голов у нас в Массачусетсе не много сыщется.

Слышно, как вдалеке открывается дверь.

Хэй л. Ах, Нэнси! Милая, а вот сэр Вильям.

Фи п с. Миссис Хэйл, мое глубочайшее почтение. А, да это его преподобие Мэйт ер, если не ошибаюсь.

Мэйт ер. Вечер добрый, сэр Вильям.

- Миссис Хэйл (*приближаясь*). Ах, сэр Вильям, как я рада, что вы у нас. Я постаралась приготовить воскресный ужин как можно лучше. Мистер Мэйтер тоже с нами отужинает.
- Хэйл. Для нас большая честь, ежели вы вкусите от нашего хлеба, ваше преподобие. Ежели бы не воскресенье, то возник бы повод для... э-э-э... скромных развлечений. А сегодня утром сэр Вильям получил известие, что он назначен новым губернатором Массачусетса.
- Мэйтер. Слышать это отрадно, сэр Вильям, но, уверяю вас, ничуть не удивительно. Вы позволите пожать вам руку?
- Фиппс. Вы очень добры.
- Миссис Хэйл. Во всей колонии вы наиболее достойны быть губернатором, я так рада.
- Фиппс. Если это радует вас, миссис Хэйл, то я более чем счастлив. А вас что привело в Сейлем, ваше преподобие?
- Миссис Хэйл. Ах, сэр Вильям, уверяю вас, отнюдь не желание выпастся на очередной проповеди моего благоверного.
- Хэйл (*резко*). Нэнси! Что за недопустимое легкомыслие! Следует ли напоминать тебе, что сейчас этому не место и не время?
- Мэйтер (*с упреком*). «Седьмой же день — господу твоему», миссис Хэйл.
- Миссис Хэйл. Ах, простите. Я раскаиваюсь.
- Хэйл. Не возьму в толк, Нэнси, что это последнее время с тобой творится.
- Миссис Хэйл (*дуется*). Ну ладно, ладно. В виде епитимии я не буду есть мяса за ужином. Это тебя удовлетворит?
- Хэйл. Это подходит.
- Мэйтер. Ах, ваше преподобие, можно только пожелать, чтобы я прибыл сюда по незначительной причине.
- Миссис Хэйл (*порывисто*). Ах, Артур, правда, какой ужас? Его преподобие все мне рассказал — и про невольницу Титубу и про девочек...
- Фиппс. Как! Вы рассказали ей, мистер Мэйтер?
- Мэйтер. Миссис Хэйл славится умением хранить секреты, сэр Вильям.
- Хэйл (*сухо*). Увы, боюсь, что об этом придется пожалеть.
- Фиппс. Позвольте заметить вам, сэр, что вы поступили неблагоприятно. И вы и все другие обещали, что дело останется в полной тайне.
- Мэйтер. Тайна эта рано или поздно станет всем известной, сэр. Примиритесь с этим.
- Фиппс. Да вздор вы говорите. Дело можно замять. Оно и так совершенно нелепо — плод разгоряченного детского воображения!
- Мэйтер (*самодовольно*). Прошу прощения, но не могу с вами согласиться.

Ф и п п с (с нетерпением). Да, относительно колдовства мы с вами никогда не придем к согласию. Я вообще не верю, что оно существует, но не в этом дело. Дело в том, что мой первейший долг как губернатора — предотвратить панику. В настоящее время народ настроен опасно, и господь единый знает, до чего их может довести эпидемия суеверия, дошедшего до степени помешательства.

Мэ й т е р. Суеверие! Помешательство! Неверие в колдовство равносильно неверию в существование дьявола. А это кощунство!

Ф и п п с (раздраженно). Господи, даруй мне терпение!

Мэ й т е р. Я полагаю, сэр Вильям, что в этой области вы недостаточно осведомлены. Вы ведь не читали труд Бакстера «Неоспоримость существования мира духов»? Или «Рассуждение о проклятом искусстве колдовства» Перкинса?

Ф и п п с. Читал, мистер Мэйтер! И вашу книгу «Памятные примеры вмешательства провидения» — ведь она так называется? — тоже читал! Так вот, слушайте: властью губернатора я пресек распространение этих книг, как вы сами готовы пресечь козни дьявола, о котором беспрерывно болтаете!

Мэ й т е р. Сэр!

Ф и п п с. Женщина смотрит на корову. Потом на выгоне корова случайно ломает ногу — и женщину сжигают на костре как ведьму! Год назад толпа растерзала одного человека за колдовство, потому что у ребенка в соседнем доме начались колики! Преподобный мистер Мэйтер, как губернатор Массачусетса я намереваюсь положить этому конец. Я буду управлять, руководствуясь правосудием и разумом, а не слепым невежеством.

Мэ й т е р. Сэр Вильям, ежели вы умышленно оставите без внимания сие великое зло, грозящее поглотить нас, то будьте уверены, что честные сейлемцы вашему примеру не последуют. Семя дьявола будет выполото, с вашего согласия или без оногo. Да, сотнями и тысячами, ежели будет надобно.

Хэ й л. Господа, господа! Дело зашло чересчур далеко. Напоминать ли, что вы под крышей у меня?

Мэ й т е р. Прошу прощения, мистер Хэйл. Но за ревностность мою я просить прощения не намерен. Тружусь я господа нашего ради, и супостаты господа, как бы ни были они здесь вознесены, будут чувствовать всю тяжесть возмездия его через меня, его орудие, пока я живу на свете.

Ф и п п с. Клянусь небом, сэр, пока я губернатор, ни одна невинная жизнь не будет принесена в жертву вашему фанатизму!

Мэ й т е р. Что ж, сэр Вильям Фиппс, становитесь на пути дела божия — на свой страх и риск!

Пауза.

Ф и л л с. Стало быть, война, ваше преподобие.

Музыка из Патетической симфонии Чайковского.

Первый голос (*ехидно*). И нахалка же эта миссис Хэйл. Видали, как она всходила на паперть? Щиколотки всем показала, бесстыжая!

Второй голос. Это еще не все. Она позволила губернатору поцеловать ей руку — это при народе-то!

Третий голос. Ах, губернатор... Бьюсь об заклад, между ними что-нибудь да есть.

Первый. Жена моя говорит, что миссис Хэйл — нечестивица. У нее нижние юбки шелковые.

Второй. Не может быть!

Первый. Да!

Третий. Стыд и срам! И как только преподобный Хэйл позволяет?

Первый. Тьфу! Наглая тварь!

Второй. Иезавель!

Третий. Бессовестная!

Музыка усиливается, потом затихает.

Миссис Хэйл. Я больше не могу, Артур. Не могу, и все тут!

Хэйл. Ну, Нэнси, Нэнси! Будь терпимой. Люди они набожные и могут превратно...

Миссис Хэйл. Ах, терпимой? Так ты сказал? А они терпимы, Артур? Я ни в чем не виновата!

Хэйл. Нэнси, сказано ведь, что жена Цезаря должна быть выше подозрений. Жена сейлемского священника — тоже, даже в мелочах. В таком окружении говорить будут прежде всего о ней. С нее больше спрашивается.

Миссис Хэйл. Но ведь они мне жить по-человечески не дают, ханжи, лицемеры! Ох, и зачем я только уехала из Англии?! Я тут всем чужая!

Хэйл. Это пройдет, Нэнси, пройдет. Потерпи.

Миссис Хэйл. Нет, не пройдет! С каждым днем, с каждым часом все хуже и хуже. Обо мне шушукуются даже во время богослужения. Чуть я что сделаю им не по вкусу, так сразу распутной называют! Слушай, Артур, только потому, что новый губернатор у нас иногда обедает, говорят... Говорят, будто у нас с ним...

Хэйл. Господь их накажет, Нэнси. Верь в его всеблагость.

Миссис Хэйл. Это все дело рук этого несчастного ханжи Сэмюэла Уордуэлла, его да его ехидны жены! Когда я его в лицо обвинила, он стал корчить невинного, прямо-таки святым прикинулся, двуличный...

Хэйл. Довольно, Нэнси. Довольно. Впредь постарайся вести себя осторожнее, и тогда их безвредная болтовня прекратится.

Миссис Хэйл (зло). Да ты сам ничем не лучше их. Муж, а заступиться и не подумаешь. Что ты за человек?

Хэйл. Я сказал, что это пройдет. Мы в Сейлеме, Нэнси. В Сейлеме, где легкомыслие считается пороком. Мы не в Англии, где люди с чрезмерным усердием ищут плотских утех.

Миссис Хэйл. Артур...

Хэйл. Все это ты сама на себя наклывала и должна или примириться с последствиями, или подчиниться.

Миссис Хэйл. Так что ж, Артур, у меня нет никаких прав? Неужели ты хочешь сказать мне, что...

Хэйл. Мой совет — помириться со всеми, и как можно скорее. Откинь мирскую гордыню и извинись перед мистером Уордуэллом за то, что обвиняла его. Увидишь, что после этого мнение горожан о тебе переменится к лучшему.

Миссис Хэйл. Извиниться! И ты велишь мне извиняться перед этим сплетником!

Хэйл. Я слишком занят и не могу продолжать об этом споры. Мне пора в церковь. (Удаляясь.) Сегодня нужно крестить...

Дверь открывается и закрывается. Пауза.

Миссис Хэйл (в бешенстве). Извиниться! Извиниться перед Уордуэллом! Да он сдохнет — не дожидется этого! Сдохнет!

Дух зла (шепотом). Что ж... А почему бы ему не сдохнуть?

Миссис Хэйл. Кто это? Кто говорит?

Дух зла. Или ты не видишь, что судьба дала тебе в руки оружие? Надо им только воспользоваться.

Миссис Хэйл. Оружие?

Дух зла. Слухи о невольнице успели повсюду разойтись. Страх прокрался в сердца, и если ты на нем сыграешь, то твоя месть не будет знать пределов. Ты можешь поочередно уничтожить всех своих врагов.

Миссис Хэйл. Но каким образом?

Дух зла. Жители Сейлема — суеверные дураки. Ты вполне можешь обратить их себе на пользу и выпустить на волю зверя, который их уничтожит, зверя, который сидит в них самих.

Миссис Хэйл. Что мне делать?

Дух зла. Надо только направить их страх. Дай им определенный объект. Призови на помощь фанатика Мэйтера. Призови Коттона Мэйтера...

Миссис Хэйл (торжествующе). Сделаю! (Зовет.) Джеффри! Джеффри, поди сюда! Ты мне нужен!

Открывается дверь.

Джеффри (*издалека*). Бы меня звали, миссис Хэйл? Я прибираю в кухне, и...

Миссис Хэйл. Седлай лошадь мужа и во весь опор — в Бостон.

Джеффри. Хорошо, хозяйка.

Миссис Хэйл. Не теряй времени. Ты должен отвезти письмо к преподобному Мэйтеру в Северной церкви и не теряй ни минуты. Это вопрос жизни и смерти. Понял?

Джеффри. Понял, хозяйка. Бегу седлать.

Миссис Хэйл. Никому об этом ни слова — и торопись. Торопись!

Музыкальная заставка. Потом стук судейского молотка.

Судебный пристав. Положите руку на Священное писание.

Клянетесь ли вы своею бессмертною душою, призывая в свидетели господа бога, что обвинения, предъявляемые вами против ответчиков, истинны?

Миссис Хэйл. Клянусь.

Судья. Продолжайте, сударыня. Предупреждаю присутствующих в суде, что никакого нарушения порядка не потерплю.

Миссис Хэйл. Обвиняю Сэмюэла Уордуэлла в колдовстве и занятиях черной сатанинской наукой. В четырнадцатый день июля я видела, как он делал странные движения руками над головой малолетней Эбигэйл Смит, жительницы Сейлема, которая на следующее утро заболела лихорадкой...

Ропот в зале. Стук молотка.

Уордуэлл (*издалека*). Ложь! Я невиновен! Она лжет, она губит свою душу, потому что вообразила, будто я ей вредил! Она лжет, лжет, лжет!

Ропот в зале. Крики: «Колдун!», «Чертово семя!», «Сжечь его!» и т. п. Стук молотка.

Миссис Хэйл. Обвиняю Сару Гуд и Марту Кори в занятиях колдовством. Вечером седьмого июля я видела их на выгоне Гровера и слышала, как они произносили заклинания над коровами. А три дня спустя вследствие этого скот передох от неустановленной болезни. Я обвиняю этих женщин в том, что они сгубили скот колдовством, в истине чего ручаюсь моею бессмертною душой.

В зале ропот, возмущение, выкрики. Шум замирает. Фоном — еле слышный гул толпы.

Фиппс. Этого-то я и боялся, Стоутон. Паника распространяется, как варазная болезнь.

Судья. Ничего подобного, ваше превосходительство. Это праведный гнев народа.

Ф и п п с. У меня нет желания вас повесить, Уордуэлл. Я убежден, что вы не совершили никакого зла. Но мое мнение, как выясняется, ничего не значит перед лицом варварского закона.

У о р д у э л л. Чем бы это ни кончилось, да благословит вас бог.

Ф и п п с. Народ не убедишь. Как вы знаете, на него теперь никакие доводы не действуют. Теперь ваша единственная надежда — вы сами.

У о р д у э л л. Но... но.... что я могу?

Ф и п п с. Закон гласит, что в случае вашего признания вы будете освобождены

Мэ й т е р. Что?!

С у д ь я. Не может быть, ваше превосходительство!

Ф и п п с. Так сказано в статуте, господа. Посмотрите сами. Опьяненные жаждой крови, вы это проглядели. Ну, мистер Мэйтер.

У о р д у э л л. Нет, ваше превосходительство, я не могу.

Ф и п п с. Что! Да поймите же, сударь мой, от этого зависит ваша жизнь. Если вы откажетесь, я не в силах помочь вам.

У о р д у э л л. Я весьма признателен вам за вашу доброту. Но даже цена жизни может оказаться чрезмерной. Я невиновен. И ни за что не оговарю себя и, не в пример миссис Хэйл, не решусь быть клятвопреступником перед господом богом. Лучше смерть.

Мэ й т е р. Вы слышали, что он сказал, сэр Вильям. Больше откладывать нельзя. Он сам себя приговорил. Столь равнодушным к смерти может быть только аггел сатаны!

Ф и п п с. Ваше преподобие, логика ваша глубиной своею может сравняться только с вашим человеколюбием. Мистер Уордуэлл, в последний раз умоляю вас...

У о р д у э л л. Нет, ваше превосходительство. Нет!

Пауза.

Ф и п п с (*тихо, с громадным эмоциональным накалом*). Тогда придется и мне быть Понтием Пилатом. Придется и мне умыть руки. Уордуэлл, за то, что я вынужден сделать, простите меня...

У о р д у э л л. Нечего прощать, ваше превосходительство. И не о чем жалеть, ибо я умираю, ничем не запятнав души моей.

Ф и п п с. Пристав, уведите заключенного... (*Его голос срывается.*) И проследите за приведением приговора... в исполнение...

Фоковая музыка. Шум толпы — то тише, то громче.

М и с с и с Х э й л (*напряженно*). Обвиняю в колдовстве Ребекку Норс... Обвиняю Бриджит Бишоп... Обвиняю Мэри Гловер и Джона Хэторпа и Финеаса Свифта... Обвиняю Питера Флеминга и Эян Стэндиш... (*Замирая.*) Марту Ливингстон и ее мать Элис

Ливингстон... Обвиняю Мортимера Крафта, Эллу Уинтроп, Рут Памер, Роз Уэйн.

Музыка усиливается и затихает, образуя фон.

Первый голос (*истерично*). Обвиняю моего соседа Роберта Кэннона!

Второй голос. Обвиняю моего брата Ричарда Эндрюса.

Третий голос. Обвиняю Джейн Питман!

Первый. Обвиняю Мэри Саймон и Рэйчел Эндерсон!

Второй. Обвиняю губернаторшу леди Фиппс!

Музыка усиливается и замирает.

Хэйл (*голосом, полным ужаса*). Это нагрянуло, подобно буре, мистер Мэйтер, а теперь, если господу так угодно, подобно буре, замирает...

Мэйтер (*с фанатическим ликованием*). Только в Сейлеме, ваше преподобие, больше двадцати пяти из диаволова семени пошли на виселицу. (*Посмеивается.*) А будет еще больше, будет еще больше...

Хэйл (*нерешительно*). Ваше преподобие... Быть может, сие есть грех... Но порою, в глубине души моей... ощущаю ужасное сомнение.

Мэйтер. Что вы, сэр! Они были супостаты господни. Вина их доказана!

Хэйл (*с неожиданным отчаянием*). Так ли? Так ли, ваше преподобие? Ведь многих осудили просто по наветам их недоброжелателей!

Мэйтер. Сего для суда было достаточно. Их осудили по всем правилам судопроизводства.

Хэйл. Судопроизводство... А я порою размышляю: не в страхе ли все дело? Да ведь теперь... теперь стоит лишь обвинить ближнего своего в колдовстве — и он погиб. А что, ваше преподобие, а что, ежели все это — ужасная ошибка? А что, ежели сэр Вильям прав, а мы — то бишь вы, и Нэнси, и я сам, — все мы не правы?

Мэйтер. Господи боже мой, да что с вами? Вы о сэре Вильяме Фиппсе? Да его околдовала его собственная жена! Ее вчера обвиняли!

Хэйл. И все же... и все же мне последнее время что-то не спится, ваше преподобие. А если куда пойду — то и дело мерещится, будто за мною кто-то следит. (*Внезапно.*) Да не могу я больше, не могу! Это меня с ума сводит, поймите! Все эти нескончаемые вздорные обвинения, дурацкие показания! И неизбежно, постоянно — виселица! Кто... кто будет следующим?

Мэйтер. Возьмите себя в руки, ваше преподобие!

Хэйл. Не могу! Мне нужно высказаться, иначе я не выдержу! У меня есть совесть, и в сердце моем сомнение. Мне нужно выговориться, или я не священник. Мэйтер... Мэйтер, помогите! Я больше не могу, если не буду знать наверняка. Если не буду уверен!

Мэйтер. Уверены? В чем?

Хэйл. В том, что колдовство вообще существует. Иначе получается, что я был отравлен, обманут.

Пауза.

Мэйтер (*медленно*). Вы говорите, как...

Хэйл. Как кто?

Мэйтер. Как околдованный.

Хэйл. Нет! Я не околдован. Я в здравом уме. Я только сомневаюсь, понятно вам?

Мэйтер (*выделяя каждое слово*). А откуда это сомнение? Почему оно внезапно обуяло вас? Ранее вы никогда не сомневались в существовании колдовства. Этому может быть одно лишь объяснение.

Хэйл. Мэйтер, вы одержимы и не можете видеть ясно. Любая мелочь способна возбудить ваши подозрения. Вы, как и все другие...

Мэйтер. Ах, я глупец! И как же я не догадался? Она обвиняла всех, в то время как сама...

Хэйл. Что? Что?

Мэйтер. Где ваша супруга?

Хэйл. Что вы хотите сказать? Нэнси? (*Охвачен ужасом.*) Вы... вы хотите сказать... Нет, нет! Мэйтер, вы не можете... Вы...

Мэйтер. Где ваша супруга?

Музыкальная заставка переходит в фоновую музыку.

Я, преподобный Коттон Мэйтер, пастор Северной церкви в Бостоне, обвиняю женщину Нэнси Хэйл в черной магии и в колдовстве и пред ликом господа присягаю, что она применила проклятую науку ведовства к своему благочестивому супругу, всеми любимому преподобному Артуру Хэйлу из Сейлема, вследствие чего он стал ослеплен и трижды отрицал самое существование колдовства в моем присутствии. И в этом я клянусь пред лицом сего досточтимого суда, в чем ручаюсь моим искуплением...

Музыка звучит громче и замирает. Звон цепей, скрип двери.

Пристав. Пора, миссис Хэйл.

Миссис Хэйл. Нет-нет. Я не пойду. Не пойду!

Пристав. Дайте связать вас. В случае сопротивления к вам будет применена сила.

Миссис Хэйл. Но я подавала прошение губернатору. Я соглашалась во всем признаться.

Пристав. Бесполезно. Губернатор не принял ваше прошение. Идите спокойно.

Миссис Хэйл *(в смертельном ужасе)*. Нет! Нет! Не пойду, не пойду, не пойду! Я не могу умереть! У меня не хватает духа! Все они там будут, все, все будут ждать меня у виселицы — все, кого я погубила! *(В истерике.)* Смилуйтесь, смилуйтесь!

Пристав. А ну, вяжите ее. Молчи, ведьма, а то рот заткну!

Миссис Хэйл *(в отчаянии)*. О Артур, Артур!

Звон медных тарелок. Музыка из сюиты «Остров пингвинов».

Норман Корвин

Явление богини

Н и к. Простите, я только настрою сейчас свои цимбалы. Люблю сопровождать музыкой свое собственное повествование.

Несвязные звуки, как при настройке музыкального инструмента.

Если вам самим никогда не приходилось быть богом, вы и представить себе не можете, каким удручающе скучным может быть порой бессмертие. Поверьте мне на слово, друзья мои.

Звуки цимбал.

Зовут меня Ник. Я — малоизвестный греческий бог. Да, малоизвестный, потому что мне случилось быть богом Текущих Дел. Так вот, все, что сегодня произойдет, находится под моим началом. А речь пойдет о том самом явлении Венеры, о котором так много кричали ваши газеты и радио. Я хочу вам рассказать об этом все по порядку.

Звуки цимбал.

Дело было осенью 1949 года. Венера прочитала тогда книжку о Соединенных Штатах, и ей вдруг вздумалось посетить Новый Свет. Как она туда добралась — это уж не ваше дело. Мне запрещено рассказывать подробности из жизни богов. Таково указание Делетиуса, бога цензуры. Достаточно сказать, что все это сопровождалось ослепительным блеском и шумным фейерверком, — как известно, римские боги любят все делать с помпой. Мы, греческие боги, относимся ко всему проще. Большинство из вас впервые узнало об этом, когда обычная ваша радиопередача была прервана экстренным сообщением...

Звучит банальная песенка, внезапно прерывается.

Д и к т о р. Мы прерываем нашу музыкальную программу, чтобы сделать следующее сообщение.

Р а д и о к о м м е н т а т о р. Бостон, Массачусетс. Полиция и гражданские власти озадачены внезапным появлением сегодняш-

ним утром очаровательной женщины, заявившей, что она — богиня любви и красоты Венера. Удивленные очевидцы сообщили, что она опустилась в сверкающем луче света прямо на Бойлстон-стрит, в самом центре города, около восьми часов утра. Поначалу все это было принято за кинотрюк в связи с премьерой нового фильма в центральном кинотеатре города. Но потом выяснилось, что это не так. Незнакомку спросили, что она делает в Бостоне. Она ответила, что прочитала в книге об этом городе как о пупе земли, и ей захотелось увидеть самой, как этот пуп земли выглядит. Дело было передано иммиграционным властям и будет слушаться на открытом заседании завтра. О дальнейших подробностях читайте в газетах.

Диктор. А теперь продолжаем нашу музыкальную программу.

С прерванной фразы звучит прежняя песенка, постепенно заглушаемая голосом Ника.

Ник. Итак, Венера предстала перед специальной комиссией Бостона, состоявшей, конечно, из светлейших умов этого города...

Постепенно нарастает шум зала суда. Постукивание председательского молотка несколько успокаивает любопытных бос-тонцев.

Председатель. Ну, хватит пока фотографировать... Прошу фотографов и представителей прессы отойти подальше.

Небольшое суетливое передвижение.

Приступаем к рассмотрению дела. Членов комиссии прошу задавать вопросы.

Первый эксперт. Мисс Венера, мы не привыкли к тому, чтобы божество, будь оно древнее или современное, появлялось публично. Потому нам трудно поверить на слово в ваше божественное происхождение. Нам хотелось бы попросить у вас соответствующий мандат или удостоверение. Есть ли у вас такое?

Венера. Dei homines melius tractant quam homines deos. Numquam rogavimus ut aliqui ex illustribus patribus vestribus aut signo aut documento mortalitatem quam probaverint.

Первый эксперт. Гм... Э-э... Гм... *(Тихо, соседу.)* Солтонстол, вы понимаете, что она говорит?

Второй эксперт *(тоже тихо)*. Нет, но я думаю, что она говорит по-французски.

Первый эксперт *(тихо)*. Тогда нам лучше попросить профессора Хантингтона перевести это. *(Громко, с достоинством.)* Профес-

сор Хантингтон, будьте любезны, переведите показание свидетельницы для тех членов комиссии, которые... э-э... несколько подзабыли французский.

Хантингтон. Свидетельница сказала... (с улыбкой) по-латыни: «Боги более гостеприимны к смертным, чем смертные к богам. Мы никогда не спрашивали ни у одного из ваших славных предков доказательств их смертности».

Второй эксперт. Та-ак... Мм... А скажите, мадам, почему вы решили ответить моему коллеге, мистеру О'Шогнесси, по-латыни? Ведь до этого заседания вы говорили по-английски?

Венера. Потому что латынь является одним из моих удостоверений.

Второй эксперт. Понятно. А других у вас нет?

Венера. Очевидно, под удостоверением вы понимаете акт такой сверхъестественной силы, который убедил бы вас, что я являюсь существом, отличным от простого смертного. В былые времена ответом на такую дерзость были посылаемые на смертных бедствия — наводнение, мор, голод.

Второй эксперт. Ответьте — да или нет.

Венера. Если вы будете настаивать на своем, я представлю вам удостоверение самого убедительного рода. Один призыв к Юпитеру-громовержцу — и вас поразит удар молнии прямо здесь, посреди этого зала.

Третий эксперт. Мисс Венера, учтите, что разбор дела не допускает никакого запугивания. Более того, еще одно ваше замечание подобного рода — и мы вынуждены будем привлечь вас к ответственности за оскорбление комиссии.

Венера. А как насчет оскорбления богов?

Председатель. Минуточку, мадам. Мы просто хотим установить, не разыгрывают ли нас. Ситуация, согласитесь сами, довольно необычная. Если вы действительно являетесь римской богиней, то я доведу до вашего сведения, что у нас имеются определенные правила относительно иммиграции, которые необходимо соблюдать.

Второй эксперт. А если вы не сможете убедительно доказать, что вы являетесь именно тем, на что вы претендуете, тогда мы вынуждены будем привлечь вас к ответственности по целому ряду статей, а именно: летание без получения на то соответствующих прав, что нарушает федеральное постановление по авиации; низкое летание над густонаселенным районом, что нарушает постановление местного муниципалитета; далее — попытка обмануть представителей власти, лжесвидетельство, оскорбление суда.

Венера. В таком случае я постараюсь убедить вас. Но поскольку смерть от внезапного поражения громом любого из достопо-

ченных членов комиссии сочтется несомненно за оскорбление суда, я взову к моему двоюродному брату, достопочтенному Юпитеру-громовержцу, с просьбой ударить молнией прямо вот в эту люстру, что висит как раз над серединой зала суда. Это и будет удостоверением моей личности.

Возбуждение в зале.

Председатель. Что ж, отнесемся к этому по-деловому. (Громко.) Попрошу зрителей, сидящих в середине зала, освободить места, расположенные под люстрой.

Реакция в зале: шум голосов, отодвигаемых стульев, шарканье ног — перемещение.

Пожалуйста, мисс Венера, можно начинать.

Венера (взывая к божеству). Юпитер-громовержец! Юпитер всемогущий! Я, Венера, взываю к тебе! Спустишься со своего трона и ударь во гнев своем по центральной люстре зала судебных заседаний номер двенадцать в городе Бостоне, штат Массачусетс!

Пауза. В зале — смешки.

Нужно немного времени на разминку.

Смех среди членов комиссии.

Подождите минутку, всего ми...

Удар грома, звон упавшей люстры. Сильное возбуждение в зале. Стук председательского молотка.

Председатель (продолжая стучать). Порядок в зале суда! Порядок в зале суда!

Шум в зале стихает.

Секретарь!

Секретарь. Слушаю, ваша честь!

Председатель. Зарегистрируйте, пожалуйста, упавшую люстру как вещественное доказательство номер один.

Секретарь. Слушаюсь, сэр.

Председатель. И, кроме того, позовите электрика. Кажется, Юпитер-громовержец пережег нам все пробки.

Секретарь. Слушаюсь, сэр.

Председатель. А теперь продолжим разбор дела. Мисс Венера, я думаю, что представленные вами доказательства вполне убедительны. Но мне хотелось бы теперь спросить вас, какова цель вашего визита к нам, если, конечно, таковая имеется?

Венера. Меня, как богиню любви и красоты, естественно, прежде всего интересует положение дел именно в этих областях.

Четвертый эксперт. Еще вопрос. Поскольку вы являетесь иностранной богиней, где гарантия того, что вы — не пятая колонна и не распространитель вражеской пропаганды?

Председатель. Не надо, Фитцпатрик. Я думаю, этот вопрос здесь неуместен ввиду предъявленных доказательств.

Четвертый эксперт. И тем не менее не помешало бы, если бы Венера прошла регистрацию в госдепартаменте.

Председатель. Этот вопрос целиком зависит от решения федеральных властей, и потому его незачем обсуждать здесь.

Четвертый эксперт. Хорошо, господин председатель. Я снимаю свой вопрос.

Председатель. Тогда, если не будет возражений у членов комиссии, я объявляю, что мы официально признаем Венеру божеством в здравом уме. Причем представленная ею рекомендация делает излишними обычные в таких случаях формальности и регистрации. А посему (*улыбаясь*) гостеприимство штата Массачусетс и соседних штатов сполна будет оказано ей, пока она соизволит оставаться в наших краях...

Снова звуки цимбал.

Ник. После этого Венере был оказан достойный прием. Правда, были разговоры и о том, что ее следует привлечь к ответу перед комиссией Дайса, а целый ряд довольно влиятельных групп добивался ее немедленной высылки на том основании, что она могла оказать опасное воздействие на молодежь страны, но ничего из этого не вышло. А тем временем Венера получала самые различные предложения...

Предприимчивый человек. Мисс Венера, не смогли бы вы присутствовать у нас в Венеции, штат Калифорния, в качестве председателя жюри на конкурсе красоты? Мы выбираем самую красивую гардеробщицу в Соединенных Штатах, и нам бы очень хотелось...

Редактор. Три колонки в неделю во всех газетах Соединенных Штатов и Канады будут отводиться для ваших статей. Мы назовем это «Богиня красоты советует» — с фотографией и специальной рамкой в каждом выпуске...

Агент радиокompании. Я вам объясняю, дорогая, что позади вас мы разместим оркестр и пригласим отличного конференсье, который может хорошо петь, понимаете, а также пригласим один известный хор, чтобы все было на высоте, и еще несколько хороших комедийных актеров, и я вам гарантирую такой успех, какого еще не знало наше радио. Мы можем назвать это «Варьете Венеры», или «Венера представляет», или

«Двадцать шесть спектаклей Венеры», словом, что-нибудь в этом духе, да еще добавим парфюмерной рекламки, и тогда...
Светская дама. Миссис Рауль Бакстер Чомпедрю просит оказать ей честь и посетить виллу «Орлиное гнездо», Литл-Грейт-Нек, Лонг-Айленд, по случаю дебюта ее дочери, мисс Филкс Ван Апс Пруст Чомпедрю, который состоится вечером...

Кинопромышленник. Черт возьми, хотелось бы мне видеть кинокомпанию с более выгодными условиями! Вы только подумайте — один фильм в год за сто тысяч долларов!.. Даже Гарбо не получает столько, а уж у нее-то побольше опыта в делах кино, чем у вас! Вы сами будете выбирать себе роль, и режиссера, и оператора, наконец, всех остальных участников фильма! Кроме того...

Жених. Дорогая Венера! Я холостяк. Мне сорок лет. Я довольно богат. Я ищу себе подругу жизни...

Приставала. Па-жа-алста, поставьте ваш автограф вот на этом меню... А внизу припишите еще что-нибудь для моего племянника — его зовут Оливер У. Гринсдорп...

Член нескольких комитетов. Мы были бы признательны вам за позволение использовать ваше имя как одного из попечителей нашего Общества по сохранению всего путем неиспользования ничего, комитет которого устраивает юбилейный банкет с дивертисментом...

Одинокая. Дорогая Венера! Я — молодая девушка двадцати восьми лет. Вот уже шесть лет я дружу попеременно с двумя мужчинами, но у одного из них — прыщики, а другой...

Издатель. Если у вас имеются при себе какие-нибудь старые рукописи, мы с удовольствием взглянули бы на них, потому что, как нам представляется, с вашим именем и нашей издательской репутацией...

Звуки цимбал. Затем они становятся тише, образуя фон.

Ник. Но Венера не приняла ни одного из этих предложений...

Венера. Нет-нет, благодарю вас, меня это не интересует.

Ник. Она путешествовала одна, к тому же никогнито, и повидала и бедность, и богатство, и все, что ей хотелось увидеть. Затем она вновь приехала в Бостон и объявила, что собирается вернуться в чертоги богов. Тогда к ней поступило столько просьб об интервью, что она согласилась устроить пресс-конференцию, на которой репортеры буквально засыпали ее вопросами...

Венера. ...И я всем вам благодарна. Вы были очень любезны, и время, которое я провела в вашей стране, было приятным и поучительным. Я возвращаюсь назад, в обитель богов, и мне есть что порассказать там.

Первый репортер. Что произвело на вас наиболее сильное впечатление во время вашего пребывания в Штатах?

Венера. Видите ли, я могу касаться только вопросов любви и красоты. Это, так сказать, область моих полномочий.

Второй репортер. А почему вы ограничены только этой темой?

Венера. Таково одно из установлений среди римских богов. Греческие и древнескандинавские боги могут свободно комментировать любой вопрос, но мы, римские, только по своей специальности.

Третий репортер. Но почему?

Венера. Один Юпитер знает это.

Первый репортер. Хорошо, а что вы можете сказать о любви и красоте в Америке?

Венера. Здесь, в Новом Свете, как и в Старом, вы, смертные, любите красивое. Миллионы из вас хотят выглядеть красиво. Но некоторые не могут себе позволить даже хорошей прически или лечения зубов; другие носят хорошую одежду только по выходным; третьи вообще ее не имеют... А что касается любви, то кому же она не по душе? Мне просто жаль того, кто не мечтает любить и быть любимым. *(Постепенно затихая.)* Нет, моей власти не убудет ни в Новом, ни в Старом Свете, — и я останусь богиней самого великого, самого долговечного из всех...

Звуки цимбал создают фон.

Итак. Она говорила, не останавливаясь, в течение двадцати минут, а затем вдруг исчезла в облаке душистого римского фимиама...

Заключительный аккорд.

Опасная встреча

Музыкальное вступление.

Пилот. Я не буду называть свое имя. Это не важно. Вы сами потом поймете, почему я должен опустить некоторые детали в моем повествовании....

Я был морским летчиком и однажды, возвращаясь на базу в южной части Тихого океана, попал в жуткий ураган.

Слышен звук самолета, он сопровождает последующий рассказ.

Мне казалось, что в самолет мой несколько раз ударила молния, потому что оба компаса, радио и половина счетчиков перестали работать. Но заметных повреждений у корпуса самолета, слава богу, пока не было. Более трех часов затем я летел вслепую, не зная, где я и что подо мной. Стемнело, и горючего оставалось всего минут на двадцать полета, как вдруг внезапный вихрь подхватил мой самолет и за несколько секунд поднял его на шесть или семь тысяч футов. Затем словно из одного сна я попал в другой: я оказался над грозой, а прямо передо мной, на фоне ясного неба, возвышалась...

Музыка в тон чувствам.

...горная вершина, освещенная полной луной. Я знал, что не смог бы сразу найти свое местонахождение на карте. И мне ничего не оставалось, как лететь по ветру, минуя очень узкое ущелье, чтобы затем выброситься с парашютом. Правда, мне стало не по себе, когда я увидел внизу сплошные леса, но выбора не было — и я прыгнул... Ветер был сильный, и меня отнесло еще на несколько миль. Наконец, я ударился о вершину дерева с такой силой, что, видимо, потерял сознание. Помню только, что я лежал на земле в крошечной тьме, и все мое тело ныло и болело. Проснулся я уже днем. Вокруг были тридцатиметровые деревья, обвитые лианами, и кроны их сплелись между собой, образуя сплошной потолок из листьев. Зеленое сияние разливалось вокруг. И лишь изредка.

Звучит ноктюрн — тема острова южных морей, навеянная самыми красочными мечтами.

П и л о т. То ли сказалась моя способность быстро восстанавливать силы, то ли воздух на острове был таким целебным, но проснулся я свежим, с ясной головой, в радостном настроении. И рана моя заживала. Война, частью которой я был так недавно, казалась теперь чем-то далеким и нереальным. А все происходящее только укрепляло меня в этом чувстве. Начать с того, что все относились ко мне с какой-то особой сердечностью, будто к старому другу. Дети толпились вокруг меня, когда я выходил на улицу, словно я был их любимым дядюшкой. И в этом не было ничего от суеверного благоговения или мистического трепета, просто люди были рады видеть меня и не скрывали этого. На пятый вечер в мою честь был устроен настоящий праздник — с музыкой, танцами, чтением стихов.

Начиная с последней фразы звучит музыка — сначала отдаленно, затем громче; звуки веселья, мелодии полинезийских танцев.

Стихи показались мне шекспировскими, по-моему, я даже узнал некоторые отрывки, хотя Шекспира я знал неважно. Танцы и музыка были несколько чувственными и в то же время торжественными и сдержанными. Но особенно памятен мне этот вечер тем, что именно тогда я впервые увидел Ару, дочь Тарама. Волосы ее были иссиня-черными, а глаза сверкали ярче самых ясных звезд неба. Ара, благословенно имя твое!

Звучит музыка, подчеркивающая лирический тон сцены.

От нее и узнал я историю Томаса. Мы шли по берегу озера, держась за руки, и она рассказывала, как три века назад на берег их острова волной был выброшен человек — единственный уцелевший после кораблекрушения...

А р а. ...Высокий, как мы, твоего цвета кожи, светловолосый. Легенда гласит, что скорбь осеняла его чело, скорбь и глубоко-мыслие...

П и л о т. ...и что он был знатоком великих поэтов своего времени...

А р а. Шекспир, Марло, Уэбстер*. Он хранил испорченные морем страницы, как леопард хранит свое дитя — неустанно и заботливо, с величием и гордостью во взгляде...

П и л о т. ...И о его дневнике, который мне позже удалось прочитать, где он писал, что этот народ наделен таким интеллектом,

* Джон Уэбстер — английский драматург, современник Шекспира. (Прим. перев.)

столь благовоспитан и так восприимчив к знаниям, что он сам отказывается от всякой мысли о возвращении на родину. Он жил среди них, почти ничего не рассказывая о том, что происходит в окружающем их мире. Зато он познакомил их с лучшей поэзией того времени. И настолько очарованы они были этой поэзией, и столь велика была их природная одаренность и восприимчивость к речи, что скоро английский стал их вторым языком... Вот как объяснялась странность их речи. Не зная вульгарного английского языка, они хранили только тот, которому обучил их Томас, единственный белый человек, которого они видели до сих пор. Выходит, я стал для них первым вестником внешнего мира за последние триста лет. И нет ничего удивительного в том, что они думали обо мне, как о «брате» досточтимого Томаса. И на доброжелательность, с которой здесь относились ко мне, я отвечал полной взаимностью. А уж если говорить о моих чувствах к Аре...

Музыка: звучит тема любви.

События, о которых пойдет речь дальше, начались в тот вечер, когда меня пригласили в дом Тарама на обед или, говоря их словами, на совместную трапезу.

Слышен смех, застольные разговоры и т. п.

Мы обсуждали предстоящий праздник урожая, на который приходили люди даже из самых отдаленных мест острова — с гор, из-за озера. Это было здесь самое большое празднество года. Я разговаривал с одним из старейшин, его звали Чарго. В ходе беседы я начал разглагольствовать о своих военных подвигах. В комнате стало тихо.

Все остальные голоса смолкают.

Я решил, что этим они проявляют интерес к моему рассказу. И вот, подогретый вином, а потому болтливый более, чем обычно, я, блистая красноречием, поведал им кратко о ходе мировой истории со времен Томаса: о войнах, промышленной революции, кризисах и депрессиях. Я рассказал им о чудесах радио и авиации, и о том, сколь разнообразно их применение. Они слушали молча, временами переглядывались, но ни разу не перебили меня. Я рассказал им о первой мировой войне и о последующих десятилетиях — о том, как возникла и развивалась вторая мировая война. Наконец Тарам жестом руки показал, что просит слова. Я остановился...

Т а р а м. Ты говоришь, что тридцать лет назад ваши народы, уничтожая друг друга, погубили двадцать миллионов людей. А сейчас, сегодня, сию минуту, они опять убивают друг друга?

П и л о т. Да. Уже около двадцати миллионов убитых и в этой войне, а ведь она еще не кончилась...

Т а р а м. И первая ничему вас не научила? И никаких выводов из предыдущего множества войн и всех этих кровавых побоищ?

П и л о т (беспечно). Нет, почему же, кое-какие выводы сделаны. Например, мы научились тому, как убивать наиболее эффективно. Война стала у нас процветающей наукой.

Т а р а м. Расскажите поподробнее...

П и л о т. И я снова пустился в рассказ. Удивление и даже изумление на лицах моих слушателей лишь подзадоривали меня. Кончив, я сел на свое место, очень довольный. Все молчали. Затем поднялся Тарам...

Т а р а м. Созрела ночь.

Луна ушла за горы.

Не время ль расходиться по домам?

Мы с провожатыми отправим гостя.

А весь совет прошу остаться здесь.

П и л о т. Мне показалось странным, что вечер, начавшийся столь непринужденно, завершился таким образом. И почему мне следовало уйти под конвоем? Ведь до сегодняшнего дня об этом не было и речи. Но еще больше удивил меня поступок Чарго. Перед тем как уйти, я направился к Аре, чтобы пожелать ей спокойной ночи. А Чарго преградил мне путь под предлогом какого-то вопроса, совершенно бессмысленного, заданного — я уверен — лишь для того, чтобы задержать меня. И когда я отвязался от него, Ары уже не было в комнате...

Музыка: в мелодии чувствуется напряжение, какая-то смутная тревога.

В эту ночь я не мог уснуть. Я лежал, размышляя, в тишине и бархатной полумгле, окутавшей меня. Вдруг какой-то шум раздался под моим окном. Я прикрыл глаза, притворяясь спящим, а рукой, скрытой одеялом, осторожно залез под подушку и сжал там рукоятку ножа. Несколько минут было тихо. Затем кто-то быстро и бесшумно, как тень, скользнул сквозь занавес на окне и оказался в комнате, почти надо мной. Я приподнялся на локте, с ножом в руке.

(Тихим, напряженным голосом.) Кто? Кто тут?

А р а. Это я, Ара.

П и л о т. Ара, любовь моя! Ара, Ара, я так рад... (Тише.) Я вскочил с постели и приник к ней, обнимая ее.

Ара. О возлюбленный мой! Мне запрещено видеть тебя, но я укромной тропой пришла, чтобы сказать тебе об опасности.

Пилот. Какой опасности?

Ара. Они тебя сочли за дикаря.

Пилот. Меня? За дикаря?

Ара. Да. Они говорят, что ты пришел от страшного народа, от общества людей, испорченного алчностью и дикими инстинктами.

Пилот. Но как могут они, Ара...

Ара. Мне надо уходить, иначе нас застанут... О мой возлюбленный, мой милый, мой любимый, ты жизнь свою теперь оберегай!

Пилот. Но почему? Что я сделал?

Ара. Они боятся, что ты погубишь нашу молодежь своими рассказами и поведением.

Пилот. И что они собираются со мной сделать?

Ара. Боюсь, они убьют тебя в какой-нибудь неожиданный момент.

Пилот. Мне казалось, что я им понравился.

Ара. Да, это так, и все же они боятся, чтоб ты невольно нас не заразил пороками безжалостного мира.

Пилот. Но я... Зачем? Я не хочу делать этого.

Ара. Прощай, любимый, мне пора идти. Мне без тебя...

Пилот. Ара, моя...

Ара. Мне без тебя ни радости, ни жизни. Я... *(Внезапно останавливается, увидев что-то.)*

Пилот. В дверях стояли два стражника. Они молча подошли к Аре, один осторожно взял ее за руку выше локтя, и она, не сказав больше ни слова, вместе с ними вышла из комнаты. Мне они тоже ничего не сказали, только извинились за беспокойство.

Стражник. Извините за вторжение, сэр. Спокойной ночи, приятных вам снов, сэр.

Музыка: звучит печальная вариация темы любви.

Пилот. Я боялся, что моя еда будет отравлена, и почти ничего не ел. Я боялся быть убитым во сне и совсем не спал...

Стражник. Прикажете приготовить постель?

Пилот. Нет, я не устал.

Стражник. Но вы не спите уже третью ночь.

Пилот. Повторяю, я не устал. Когда надо будет, я скажу.

Стражник. Ждем вашего соизволения, сэр...

Пилот. Я ходил по комнате и ждал, что вот-вот они набросятся на меня. Но никого не было даже поблизости. Наконец, не в силах больше бороться с усталостью, я уснул, сидя на стуле. Проснувшись я много часов спустя на кровати, куда меня, видимо, перенесли, как ребенка. Затем, страшно голодный, я съел еду, стоявшую на столе. Она не была отравлена. Но Ара,

бедная, рисковала своей жизнью, чтобы предупредить меня. И я знал, что в любой момент дня или ночи мой смертный приговор может быть приведен в исполнение. В конце концов это стало невыносимым... *(Громко.)* Часовой!

Стражник. К вашим услугам, сэр!

Пилот. Послушайте, мне все это надоело. Я требую свидания с Тарамом. Немедленно, понимаете?

Стражник. Будет доложено, сэр...

Пилот. Я был уверен, что это ни к чему не приведет, но, к моему великому удивлению, Тарам явился ко мне в тот же день. Он был подавлен и, казалось, намного постарел со дня нашей последней встречи, словно прошел через какое-то тяжелое испытание. Новости он принес плохие. Ара находилась под стражей за измену, а меня совет приговорил к смерти. Я спросил, что они сделают с Арой...

Тарам. Она тоже осуждена.

Пилот *(после паузы, обдумывая каждое слово)*. Ваше решение принято окончательно?

Тарам. Осталось только заслушать вас.

Пилот. Заслушать меня?

Тарам. Таков наш закон. Мы предъявляем обвинение, а потом слушаем самого обвиняемого.

Пилот. Может ли это что-нибудь изменить?

Тарам. Почти ничего. Даже совсем ничего, если вам не удастся опровергнуть изобличения, которые мы слышали из ваших собственных уст. Судейский совет будет слушать вас и после этого вынесет свое окончательное решение.

Пилот. То есть вы будете судить меня?

Тарам. Да. Мы будем вас судить.

Музыка. Мелодия затихает после первых фраз обвинителя.

Обвинитель. ...И как это ни тяжело при наших давних традициях гостеприимства, сделать это, любезные судьи, мы должны, ибо только так сможем защитить себя от невообразимых несчастий. Война, по его же словам, охватила весь мир, и только наш остров каким-то чудом еще уцелел. Но если он вернется к своим собратьям-варварам, долго ли будем мы пребывать как маловажный объект в их стратегических планах?

Пилот. Но я же даю вам мое слово, что я никому ничего не скажу о вас.

Обвинитель. Его слово. Уважаемые судьи, не сам ли он рассказывал нам о судьбе различных договоров в их обреченном обществе?

Пилот. Вы умышленно даете неверное истолкование моему рассказу.

Обвинитель. Этот суд никому из нас не доставляет удовольствия!.. Взгляните на него, добрые судьи! Лицом похож на Томаса. Речь грубоватая, но доступная для понимания. Сильный, смелый мужчина. И по виду — достойный, благородный человек. Но в душе его сидит порок, который лишь ждет своего часа. Их отцы бесконечно воевали. И они, дети отцов своих, усердствуют в зачинании новых войн, теперь уже их собственных. Судя по всему, чувство любви неведомо этим людям.

Чем рискуем мы, любезные судьи, если оправдаем его? Во-первых, тем, что он убежит. Во-вторых, если он и останется жить среди нас, это тоже кончится плохо. Наша доверчивость обернется против нас самих. Сверхъестественными аппаратами, подобными тому, который он называет радио, самой извращенностью своего ума и навыков, заставивших даже птиц подчиниться этой породе дикарей, он исподволь, но безнадежно развратит наш народ. Его пагубное влияние уже коснулось одной нашей девушки, благородной дочери благороднейшего из наших вождей. И столь глубоко это влияние, что она спешит к нему сквозь ночь и говорит ему об опасности, тем самым предавая свой собственный народ. Мы все понимаем и все опечалены тем, что этот очень располагающий к себе и в какой-то степени безвинный молодой человек, во имя спокойствия на этом острове и мирной жизни грядущих поколений, должен быть лишен жизни и умереть по приговору нашего суда. Это будет справедливая смерть. Самая справедливая из всех. Высокие цели, которыми она диктуется, увы, перевешивают чашу весов его жизни... Мы не можем рисковать судьбой нашего народа. Именем людей, которые избрали этот суд, я требую вынесения смертного приговора!..

Судья. Таковы доводы против вас. Если желаете говорить, мы слушаем вас.

Пилот. Да, конечно, я хочу говорить. Прежде всего откажитесь от всякой мысли о том, что я охотно останусь здесь, если вы отложите исполнение смертного приговора. Даже если единственным условием будет не делать попыток к бегству, я все равно постараюсь убежать.

Реакция в зале суда.

Обвинитель. Он доказывает свою вину лучше нас.

Пилот. Да, я постараюсь убежать на ту самую войну, которую вы заклеили здесь, войну, из-за которой вы считаете меня дикарем.

Обвинитель. Но почему?

П и л о т. Потому что она не закончилась, потому что сам я еще не выполнил своего долга в этой войне. И пока другие люди умирают за дело, которое я считаю таким же священным, как вы — свое собственное, я бы не смог оставаться даже здесь, на этом чудесном острове, жизнь которого исполнена достоинства и спокойствия. Послушайте, всякий дурак поймет ваше стремление обезопасить свою жизнь. Но позвольте и мне спросить вас кое о чем. Была ли ваша жизнь всегда такой, как сейчас? Разве законы ваши и культура существовали извечно? И разве были обработаны ваши поля, когда предки ваши отвоевывали эти земли у диких зверей? Ведь им тоже пришлось бороться — нужно было победить зверей либо оставаться побежденными. Так вот, именно это происходит сейчас и у нас. Идет бой с животными. И звери это гораздо опаснее и страшнее, чем все те, которых вам приходилось встречать. Мы боремся с теми, кто з а ч и н а е т в о й н ы, а это нелегко для людей, которые, подобно вам, предпочитают жить в мире. Если вы убьете меня, то, значит, одним бойцом против зверей будет меньше. А если победят о н и, то не думайте, что со временем они не доберутся и до вас. Ведь я же все-таки попал к вам!.. Вы делаете ошибку, считая равно дикарями и тех, кто развязывает войны, и тех, кто с ними борется. Между ними большая разница, и люди готовы умереть во имя этого различия. Это люди доброй воли, их миллионы, и они сражаются сейчас в местах в такой же степени ужасных, в какой прекрасен ваш остров. Сражаются за то, чтобы их жизнь стала в какой-то мере подобна вашей. Или вы отрицаете право других на такую же благословенную жизнь? И неужели вы хотите только брать, ничего никому не отдавая? Вы взяли то, что предложил вам Томас. И это настолько пришлось вам по душе, что вы сделали из него святого. Что ж, могу вам сказать, что таких людей, как Томас, много — и в настоящем и в будущем. И они могут принести вам бесчисленные блага и чудеснейшие вещи, и, я думаю, принесут после того, как мы покончим с фашистами. До этой войны все наши страны были островами, подобно вашему. Каждая духовно обособлялась от остального мира, как вы обособлены на деле. Но сейчас мы вместе, наши руководители встречаются, одна страна помогает другой, как у вас один человек помогает другому. Вот за что боремся мы. Ну а вы — вы можете сидеть в одиночестве, коли вам так нравится, и хранить свои богатства, как скупец — золото. Но есть и другой путь. Вы можете помочь н а м в нашей борьбе. Вы можете немного помочь уже тем, что позволите мне вернуться в ряды бойцов. Но что бы вы ни решили в отношении меня, как вы поступите с Арой?

Ее обвиняют в измене. За что? Она примчалась, чтобы предупредить человека, которого любит. Но это же не измена! Измена творится преднамеренно и со злым умыслом. А это был девичий страх за безопасность своего любимого. Или вы сами неведомо, что такое любовь? Прошу вас, отпустите нас. И меня и ее. Клянусь, я никому не скажу, где искать ваш остров. По крайней мере не раньше того времени, когда наша цивилизация станет достойной того, чтобы вы с ней познакомились. Это все, что я хотел вам сказать.

Музыка. Поскольку решение суда очевидно, эта сцена опускается. Мелодия передает лишь страстность речи пилота и его любовь к Аре. Постепенно стихает с началом разговора.

Ара. Прощай, мой любимый. Береги себя. А моя любовь будет всегда с тобой.

Пилот. Прощай, любимая, любимая Ара.

Ара. Пусть найдется дорога к твоим людям, и пусть твои люди найдут дорогу к миру.

Пилот. Я вернусь к тебе, Ара. И если сам уже не смогу этого сделать, мой мир придет к тебе, и он будет частью меня, как я — часть его.

Ара. Я все время буду думать о всех вас.

Пилот. Последний раз наполню взор тобою, затем уйду... *(Долгая пауза.)* Давай, приятель, завязывай глаза.

Туземец. Готово. Не слишком ли туго?

Пилот. Нет, в самый раз.

Туземец. Теперь держись за мою руку...

Пилот *(тише)*. Вот так, с завязанными глазами и провели меня через горный проход. Это была последняя предосторожность со стороны моих хозяев, хотя и совсем ненужная.

Пауза, долгий вздох.

(Тихо, задумчиво.) Придет день, когда жестокость и бесчеловечность в обращении с человеком будут вырваны с корнем, когда все несправедливости, порожденные неравенством, будут уничтожены на всей нашей земле и мы одержим окончательную победу, — вот тогда я снова сяду в самолет. Я полечу в известный только мне квадрат земного шара. И там я буду искать бурю, которая подхватит и понесет меня...

Заключительные аккорды.

Самсон Рафаэльсон

Генерал Шезлонг

Г о л о с. Генерал Шезлонг, или Как быть героем со всеми современными удобствами.

Музыка.

Время действия — наши дни. Место действия — царствие небесное. Перед нами типичный загруженный делами рабочий день в Департаменте Иностранных и Внутренних Дел. Мы находимся в Бюро по Американским Делах, комната № 102. В ведении этого кабинета — Тайны Человеческого Сердца, относящиеся к городам: Филадельфия, Кливленд, Балтимор, Атланта, Милвоки, Миннеаполис, Азус, Сент-Луи, Остин, Лос-Анджелес, Сизтл и Нью-Орлеан. Для Небесного Капитана, заведующего этим кабинетом, тяжелый рабочий день близится к концу.

Музыка.

Капитан. Ну и денек! Я совсем вымотался. Сколько еще остается дел?

Помощник. Только одно, ваше превосходительство, дело № 66: мистер Корнелиус Шезлонг, американский бизнесмен.

Капитан. А как он квалифицирован?

Помощник. Квалификация для рая — по высшей категории. Квалификация для ада — по высшей категории.

Капитан. Ах, один из этих сложных случаев.

Помощник. Боюсь, что так, ваше превосходительство.

Капитан. Ох, и устал же я. Ну давайте, скорее отделаемся.

Помощник. Так точно, ваше превосходительство. (Зовет.) Дело номер 66!

Второй голос. Дело номер 66!

Третий голос. Дело 66!

Четвертый голос. Дело 66!

Пятый голос. Дело 66!

На музыкальном фоне зов «Дело 66!» подхватывают другие голоса. Постепенно вступают шумы уличного движения в

типичном американском городе, и наконец мы слышим, как храпит мистер Лонг.

Анджела (*девичий голос*). Мистер Шезлонг! Проснитесь! Мистер Шезлонг!

Лонг (*сонно*). Кто... что... что такое? Кто это? (*Внезапно, пораженный*). Кто вы?

Анджела. Небесный гонец номер 391.

Лонг. Кто?

Анджела. Небесный гонец номер 391.

Лонг. Вы... то есть... я умер?

Анджела. Нет-нет! Завтра утром вы проснетесь в этой же самой постели, и даже если запомните, что произошло, все вам покажется только сном. А теперь, мистер Шезлонг...

Лонг. Лонг!

Анджела. Ах, прошу прощения. Но мне дали фамилию «Шезлонг»...

Лонг. Мне совершенно все равно, что вам дали! Говорят вам...

Анджела. Извините, но мне менять приказы не положено, так что, если вы ничего не имеете против, я буду называть вас мистер Шезлонг. Я прислана сопроводить вас на небо для очередной проверки.

Лонг (*взволнован*). Но... но я не нуждаюсь в проверке!

Анджела. Приказ есть приказ!

Музыка, символизирующая полет.

Лонг. Что это? Я не хочу! Не хочу возноситься! А мне снился такой чудесный сон! Пожалуйста, остановитесь! Вы его перебили!

Анджела (*с сочувствием*). Ах, какая жалость!

Лонг. Что хотите отдам, только бы досмотреть! Мне снилось, будто мы с моим компаньоном Джо Гримстоном летим на самолете прямо над резиденцией Гитлера. Я — пилот! Джо — пулеметчик! В небе от немецких самолетов темно! Я их пересчитал! Пять, десять, двадцать тысяч! И все валят на нас! (*Имитирует пулеметную очередь*.) Тра-та-та-та-та! Не промахнулся! Тра-та-та-та! Все небо очистили, а потом мы с моим компаньоном Джо поймали Гитлера прямо в бомбовой прицел... (*Огорченно*.) И тут-то вы меня и разбудили!

Анджела. Знаете что... Мы можем отправиться на небо окольным путем, а пока не прибудем, можете опять заснуть.

Лонг. Как это мило с вашей стороны.

Анджела. Ничего особенного. Спите, мистер Шезлонг.

Лонг вздыхает.

Другая музыкальная тема, переносящая Лонга в сновидение.

Слышен гул самолета.

Лонг (в сновидении, его голос очень энергичен). Спокойно, Джо!
Спокойно!

Джо. Да-да.

Лонг. Левее, левее.

Джо. Левее, левее.

Лонг. Спокойно... Ну, держись, Берхтесгаден! (Громко.) Ну, Джо, давай! Бомби! Так! Попадание!

Джо. Бог да благословит тебя, Корнелиус!

Вдали взрыв.

Лонг. Прямо в яблочко!

Джо. Ура!

Лонг. А теперь сядем и посмотрим, что осталось от мистера Гитлера. Посадку произведу я, Джо!

Звук пикирующего самолета, потом визг тормозов.

Джо. Чисто сработано, Корнелиус!

Гитлер. Камерад! Сдаюся! Корнелиус Лонг, вы победили! Сдаюся!
Война окончена!

Джо. Это Гитлер! Бог да благословит тебя, Корнелиус!

Гитлер. Сдаюся! Корнелиус Лонг, я сдаюсь вам!

Лонг. Ба-ба-ба, ефрейтор Гитлер! Давно я хотел с тобой познакомиться. Ты сволочь?

Гитлер. Я.

Лонг. Ты гад?

Гитлер. Я.

Лонг. А ну, Джо, теперь ты спроси что-нибудь.

Джо. Ты гнида?

Гитлер. Я, я, я.

Джо. Спасибо, Корнелиус.

Лонг. Ну-с, ефрейтор Гитлер, что еще скажешь?

Гитлер. Хайль Корнелиус Лонг!

Лонг. Но-но, нечего, нечего! Я честный демократ или республиканец, смотря за кого голосую!

На музыкальном фоне слышны голоса, повторяющие: «Дело 66!», «Дело 66!»

Анджела. Проснитесь, мистер Шезлонг, мы на небе.

Лонг что-то бормочет.

Сюда, сэр.

Слышно, как поворачивается дверная ручка, потом дверь закрывается.

Дело номер 66, ваше превосходительство, — мистер Корнелиус Шезлонг.

Лонг. Лонг!

Капитан. Прошу прощения, но я получил приказ от начальства, а там приводится фамилия Шезлонг. Уж постарайтесь не обращать на это внимания, мистер Шезлонг, хорошо? Я капитан Ореол.

Лонг (*неохотно*). Очень приятно.

Анджела. Прошу прощения, ваше превосходительство, но если я сегодня вам больше не нужна, то я воспарю.

Капитан. Воспаряйте, Анджела!

Анджела. Спасибо, ваше превосходительство. Доброй вечности.

Капитан. И вам доброй вечности.

Дверь открывается и закрывается.

Итак, мистер Шезлонг, мы находимся в Отделе Расследования Тайн Человеческого Сердца. Во времена, подобные нынешним, мы периодически всех обследуем, чтобы, так сказать, определить, насколько у каждого сердце на месте. Самая заурядная процедура, если вы ничего не имеете против.

Лонг. Ни в малейшей степени, ваше превосходительство. Я всегда готов ответить на любой справедливый вопрос. Я не боюсь ни одного человека.

Капитан. А бога?

Лонг (*после небольшой паузы, твердо*). И бога.

Капитан. А дьявола? Впрочем, это несправедливый вопрос. Дьявол, видите ли, гораздо умнее всех нас.

Лонг. Тогда почему же он не побеждает?

Капитан. Ну, сейчас, знаете ли, мы почти сравняли счет.... Но к делу. Видимо, вы считаете, что в эти дни сердце у вас на месте.

Лонг. Я в этом уверен.

Капитан. Да-да, вероятно. Однако — просто для формальности — вы не могли бы выбрать какой-нибудь обычный день вашей жизни и рассказать о нем?

Лонг. И все? Это очень просто!

Капитан. Мм, предположим... Кстати, расскажите не только, что вы делали, но также, что думали и чувствовали. Как, сможете?

Лонг. Разумеется! Я не боюсь ни людей, ни бога, ни...

Капитан (*громовым голосом*). Осторожнее!

Лонг (*напуган*). Извините, ваше превосходительство.

Капитан. Ну, спускайтесь на землю и начинайте! Возьмем, к примеру, вчерашний день. Что вы ели на обед?

Лонг. Ах, на обед? Ну, как вам сказать... Обычный скромный стол занятого человека: суп, картофельный салат, мясо, поджаренные булочки с маслом, горошек, морковь, кукуруза, хороший кусочек домашнего яблочного пирога с мороженым, немного сыру, чашечки две кофе, наперсток-другой коньяку, ну и, разумеется, сигара.

Капитан. Стало быть, вы на диете?

Лонг (*запинаясь*). Мне... мне нужно усиленное питание, ваше превосходительство, ведь на мне лежит ответственность за пять магазинов скобяного товара... А в такое время...

Капитан. А какое мясо вы ели?

Лонг (*увидевшая*). Ах, не помню... Дайте-ка подумать...

Капитан. Мистер Шезлонг, вы на небесах!

Лонг (*после паузы*). Бифштекс.

Капитан. Ну и что тут такого?

Лонг. А я и не говорил, что тут что-то такое!

Капитан. Тогда почему такой виноватый тон?

Лонг. Ну ладно, бифштекс куплен на черном рынке. Подумаешь! Не я, так кто-нибудь другой все равно бы его купил, так ведь? Мяснику тоже надо жить, правда? Над ним висит этот проклятый потолок цен, как, впрочем, и надо мной...

Капитан (*кротко*). Но ведь я ничего не сказал.

Лонг (*приятно удивлен*). Вы на меня не сердитесь?

Капитан. Не сержусь. Пожалуйста, продолжайте, мистер Шезлонг.

Лонг (*заискивая*). Может быть, вы будете называть меня просто Корнелиус?

Капитан. Итак, вы пообедали и вернулись к себе в контору — сытый, довольный жизнью, набитый бифштексом, сыром, салатом, — о чем же вы думали?

Лонг (*тянет*). Думал?

Капитан. Да, пока ехали назад в контору. Я хотел бы знать.

Лонг. Ну... Я... Я всегда делаю небольшой крюк, чтобы проехаться вдоль пляжа. Я люблю морской воздух, это полезно, когда тебе под пятьдесят... э-э... за сорок. Простите, нельзя ли мне промочить горло?

Капитан. Ну разумеется. Что бы вы хотели?

Лонг. Ну, что-нибудь легкое. Скажем, двойную порцию виски. Льда не надо.

Капитан (*зовет*). Двойную порцию нектара! Льда не надо.

Голоса: «Льда не надо», «Льда не надо», «Льда не надо»...

Лонг. А что, у вас недурная система, но ведь вы тут несколько отстали от века, не правда ли? А между тем у меня есть один приятель, которому принадлежит монополия в среднезападных штатах, он может установить такие автоматические таб-

ло... Если хотите, я с ним свяжусь и устрою вам по оптовой цене, — разумеется, разглашать не следует...

Снова голоса: «Двойная порция нектара...» и т. д.

Капитан. Прошу вас, мистер Шезлонг!

Лонг. Спасибо. *(Пьет.)* Ммм... напиток безалкогольный, но недурной.

Капитан. Итак, мистер Шезлонг, сколько же миль составил небольшой крюк, который вы сделали, чтобы проехаться вдоль пляжа?

Лонг *(невинно)*. Да совсем немного — миль пять-шесть... Я получаю бензин по второй категории, так что могу себе это позволить...

Капитан. Угу.

Лонг. Слушайте, неужели вы за такую чепуху ко мне придираетесь будете? Ведь так все делают.

Капитан *(деликатно)*. Дорогой мой мистер Шезлонг, я сижу на небе, а не на государственной службе Соединенных Штатов.

Лонг *(смеется с облегчением)*. Ха-ха-ха! Здорово сказано. Да, уж будь вы полицейский-регулировщик, мне бы влетело, не так ли?

Капитан. Вы наслаждаетесь морским воздухом, и...

Лонг. Ах да. Ну, знаете, я человек со странностями. Я, знаете ли, люблю... Ну, словом, помечтать. Вы понимаете?

Капитан. Каждый человек любит помечтать.

Лонг *(удивлен)*. Серьезно? Ишь ты! А я никому об этом не говорил, во всяком случае, ни людям, с которыми вожусь, ни людям вроде моего компаньона Джо Гримстона. Да ведь он бы подумал, что я для дела человек опасный! Слушайте-ка, а Джо Гримстон тоже мечтает?

Капитан. Строго между нами говоря, он тут у нас на прошлой неделе проходил проверку... Да, мечтает.

Лонг *(с большим любопытством)*. А о чем? Честное слово, я не выдам.

Капитан. Он в мечтах считает деньги.

Лонг. Не может быть!

Капитан. Считает и считает! Он дошел до пятисот миллиардов семисот восьмидесяти миллионов четырехсот тридцати трех тысяч шестисот девяноста одного доллара и восьмидесяти семи центов.

Лонг *(поражен)*. Скажите пожалуйста! А крупными масштабами мыслит Джо, правда?

Капитан. Прошу вас продолжать. О чем же вы мечтали?

Лонг. Ну, смотрел я на океан и вдруг вообразил себя на борту

крейсера... Да-да, американского крейсера, который направляется к неизвестному пункту назначения...

Музыка, символизирующая переход в морскую обстановку.

Командир. Молодец, Лонг, молодец! Великолепная, фантастическая работа!

Лонг. Рад стараться!

Командир. Быстрее вас я никого не видел. Поздравляю! Сколько я на флоте служу, а ни разу не видел, чтобы палубу так чисто надраили!

Лонг. Ах, что вы. Вот это мой друг Джо Гримстон, он бы мог...

Джо (*внезапно, с крайним волнением*). Смотрите! Торпеда с правого борта! Торпеда! Корнелиус! Торпеда! Что мне делать?

Лонг. Держись меня, Джо, и ничего не бойся!

Джо. Бог да благословит тебя, Корнелиус.

Взрыв торпеды. Затем фоковой шум — плеск воды.

Джо. Где... где мы?

Лонг. На плоту, Джо. Мы находимся на этом плоту двести семь суток, в дождь и под солнцем. И мы перенесли два шторма, четыре урагана и один небольшой тайфун.

Джо. Это все ты. Бог да благословит тебя, Корнелиус.

Лонг. Ах, да брось ты, Джо. Так на моем месте поступил бы каждый. Просто я очень сильный, только и всего. И естественно, что мне ничего не стоит давать тебе немного больше шоколаду и более трех четвертей всей питьевой воды, которой нам удалось запастись.

Джо (*в ужасе*). Акулы! Смотри! Ах, Корнелиус, я не выношу акул! У меня аллергия против акул! Что...

Лонг. Спокойно, Джо! Это я беру на себя.

Джо (*в тревоге*). Что... что ты собираешься делать?

Лонг. Нырну к ним.

Джо. Да они тебя разорвут!

Лонг. Между нами говоря, Джо, я умею говорить по-акулы.

Джо. Говорить по-акулы? С каких это пор?

Лонг. Да у меня вообще способность к языкам. А по-акулы я как-то научился в аквариуме. Ну, я пыряю!

Всплеск.

Джо. Корнелиус! Осторожнее! Они идут к тебе, Корнелиус! Корнелиус! Мать честная, он с ними разговаривает, и они поворачивают назад. Бог да благословит тебя, Корнелиус! Бог да благословит тебя, Корнелиус!

Музыка вновь переносит нас на небо.

Капитан. Ну, мистер Шезлонг, что же вы сказали акулам?
Лонг (*немного стесняется*). Да так, рассказал им анекдот, они посмеялись и уплыли.

Капитан. И что же это за анекдот?

Лонг. Ну... Знаете, мы в царствии небесном... Обязательно рассказывать?

Капитан. Ах, вот что это был за анекдот!

Лонг. Сами понимаете — шайка невежественных акул... Надо же было что-то предпринять.

Капитан. Ну хорошо, об этом довольно. Стало быть, вы помечтали, а потом...

Лонг. Приехали к себе в контору.

Капитан. И чем вы там занимались?

Лонг. Да так, текущими делами. Нанял двух шоферов для наших грузовиков.

Капитан. Вероятно, за хорошую плату.

Лонг. Еще бы! Слушайте, мы с вами в царствии небесном, так что я могу говорить свободно. Эти ребята на заводе получали полсотни в неделю, а мне пришлось заплатить пятьдесят пять, только чтобы заставить их обернуться да посмотреть на меня. (*Торопливо.*) А потом я начал просматривать дневную почту.

Капитан. А вы не слишком торопитесь, мистер Шезлонг?

Лонг (*вызывающе*). Ну хорошо, хорошо, они работали на военном заводе. Но слушайте, у нас много постоянных клиентов, которые долгие годы покупают по безналичному расчету. Они привыкли к тому, чтобы товар им доставляли. Человеческую природу не переделаешь! (*Пытается переменить тему.*) Слушайте, а как у вас, на небе, думают на этот счет? В самом деле, можно ли переделать... Ну, знаете...

Капитан. Друг мой, здесь мы бессильны. Но на земле ваши возможности к совершенствованию беспредельны.

Лонг (*с жаром*). Ага, я сам всегда так говорю! Да возьмите вы технический прогресс... Мы еще увидим, когда у каждого будет собственный самолет и гараж с раздвижной крышей.

Капитан. Я не совсем это имел в виду, но...

Анджела. Прошу прощения, ваше превосходительство...

Капитан. Да, Анджела?

Анджела. Снаружи вас ожидают пять человек.

Капитан. Ах, Анджела, отложите на завтра. Я очень устал и сегодня больше не могу никого допрашивать.

Анджела. Да нет, сэр! Это они вас будут допрашивать!

Капитан. То есть как...

Анджела. Это Сенатская Комиссия!

Лонг. Ах, капитан! Вполне вас понимаю и сочувствую вам. Сколько лет они меня преследуют. Да вы их пошлите...

Капитан. Осторожнее!

Лонг. Ах, да-да... Извините...

Капитан. Анджела, мы еще не дошли до Вашингтона. Объясните им, пожалуйста.

Анджела (*удаляясь*). Хорошо, ваше превосходительство...

Капитан. Ну, мистер Шезлонг, так на чем же мы остановились? Ах да, если не ошибаюсь, вы начали просматривать дневную почту.

Лонг. Совершенно верно. Ну, сначала я выбросил обычный вздор — знаете, просьбы о том да о сем, — такие приходят к каждому бизнесмену и неизменно отправляются в корзину.

Капитан. К примеру, какие просьбы?

Лонг. Скажу вам прямо, не побоюсь. Ну, например, вопрос о военном займе. Десять процентов моего дохода — в облигациях военного займа. Я вложил в войну мой капитал, не говоря уж о налогах.

Капитан. А еще деньги в банке у вас есть?

Лонг. А у кого нет? Дурак я, по-вашему?

Капитан. Небо никогда не выносит решения по подобным вопросам, мистер Шезлонг... А о чем были другие письма?

Лонг. Да в точности не припомню... Одно, по-моему, из комитета с просьбой послать денег в помощь беженцам из Европы... И, знаете ли, если вы думаете, будто эти беженцы — ангелы, то подумайте-ка еще. Я одного-двух встречал — трудная это публика. Того они не могут, этого не могут и еще артачатся!

Капитан. Вы хотите сказать, что, избежав опасности, они ведут себя так же по-человечески непоследовательно, как, скажем, ваши друзья?

Лонг (*наивно*). Ну да! Просто можно подумать, что они — американцы!

Капитан (*с иронией*). Понятно. Ну, дочитали вы почту — так?

Лонг. Правильно. Потом взял вечерние газеты и закурил вторую сигару. Прочитал военные известия и... Ах да! Вы хотите знать, о чем я думал, так ведь?

Капитан. То есть, вы опять помечтали?

Лонг (*почти застенчиво*). Да.

Капитан. Ну так говорите, говорите.

Лонг. А вы смеяться не будете?

Капитан. Мы на небе никогда не смеемся — мы слишком счастливы.

Лонг. Так вот, было в газете сообщение о боях в джунглях, и я вообразил...

Музыкальная тема сновидения, переходящая в тему джунглей.

Полковник (*громко*). Солдаты батальона! Мы собрались в полном составе здесь, на Гвадалканале, чтобы воздать почести нашему первейшему герою!

Фанфары.

Для вас и для всего мира, который слушает нас на короткой волне, я перечислю его подвиги. Вот они. Три тысячи японцев, тысяча танков, пятьсот орудий переваливали через гребень вон того холма. И встал против них только один человек — избранник судьбы — Корнелиус Лонг!

Восторженный рев.

Рядовой Корнелиус Лонг, шаг вперед!

Барабанная дробь.

Лонг. Есть рядовой Лонг.

Полковник. Рядовой Лонг, награждаю вас орденами Синего Креста, Алого Сердца, Пурпурного Сердца, Багряного Сердца и двадцатипятидолларовой облигацией военного займа!

Лонг (*застенчиво*). Ах, полковник, это ведь не я один, мой дружок Джо Гримстон помогал...

Джо. Да что ты, Корнелиус, ты ведь сам знаешь, что это все ты, а я только...

Лонг. Заткнись, Джо! Извините, полковник, что я так грубо с моим дружком разговариваю, но ведь он тоже исполнил свой долг, и он сам об этом знает. А наград на двоих хватит.

Полковник. Еще как! Рядовой Лонг, произвожу вас в капралы!

Лонг. Благодарю вас, полковник!

Полковник. Капрал Лонг, произвожу вас в сержанты!

Лонг. Благодарю вас, полковник!

Полковник. Сержант Лонг, произвожу вас в лейтенанты!

Лонг. Благодарю вас, полковник!

Полковник. Лейтенант Лонг, произвожу вас... Э, да к чему время тратить! Лейтенант Лонг, произвожу вас в генералы!

Лонг. А как же... Как же мой дружок Джо Гримстон?

Полковник. Ну что ж, произвожу его в белобилетники!

Джо. Бог да благословит тебя, Корнелиус!

Музыка возвращает нас на небо.

Капитан. Так вот о чем вы мечтали, Лонг. А дальше?

Лонг. Тут мою работу прервали — пришел массажист. Видите ли, при моем сидячем образе жизни у меня сдают нервы, а гимнастикой я заниматься не могу — какая уж при моей полноте гимнастика, правда? Поэтому ко мне каждый день приходит массажист — это дает мне известную разрядку.

Капитан. Очевидно, вы ему хорошо платите.

Лонг. Я рад, что вы об этом заговорили. Ведь у вас щедрость как бы записывается человеку в актив, не правда ли?

Капитан. Да, некоторым образом.

Лонг (*внушительно*). Так вот, моему массажисту я плачу двойную плату, и это факт. А мог бы и не платить. Он бы и на полуторную согласился.

Капитан. А почему не просто обычную?

Лонг. Видите ли, он работает в военном госпитале... ему не положено... Ну, сами знаете...

Капитан. Знаю. Ну, а между чтением газет и приходом массажиста чем вы занимались?

Лонг (*после краткой паузы*). Обязательно про это рассказывать?

Капитан. Здесь мы хотим знать все.

Лонг. Ну, так слушайте, я этого не стыжусь. Джо Гримстон — бизнесмен, я тоже. Мы с ним двадцать лет компаньоны, это так. Но дело есть дело, и на моем месте он поступил бы точно так же. Кроме того, я ведь ничего не сделал. Просто прикидывал на клочке бумаги, понимаете? Джо накопил недвижимости... Он рассчитывал купить земельный участок и перепродать правительству под казармы. Но правительство купило другой участок, и Джо сел на мель. Ему нужны наличные. Ну, я и подумал, что могу купить его пай в нашем деле за полцены. Имейте в виду — только подумал. Но я не стыжусь! Мог бы стыдиться... Знаете, как бывает, когда начнутся всякие разговоры... Если бы я это сделал... Но послушайте, никто бы не мог обвинить меня впрямую. (*Медленно.*) Нет, уж тут я стою на своем.

Капитан (*сухо*). Продолжайте, генерал.

Лонг (*ему приятно*). Генерал. Ха-ха-ха! Ну, знаете как бывает, когда размечаешься. В этом-то человек по-настоящему и называется. Или тут у вас с этим несогласны?

Капитан. Мы верим в мечты, хотя это иногда и нелегко... Ну, массажист окончил свой сеанс...

Лонг. Да. Я великолепно себя чувствовал. И начал заниматься картой.

Капитан. Картой?

Лонг. Ну да. У меня в конторе висит карта — знаете, красные флажки для русских, желтые — для япошек и так далее. Я изучал газетные заголовки, изучал карту...

Капитан. И выпили еще один коктейль?

Лонг. А вы откуда знаете?

Капитан. И затем...

Лонг. Ну, и затем я рассердился. Враг на Тихом Океане, и если бы мы собрали воедино флот, взяли бы миллион солдат и обо-

рудование, которое попусту пропадает в Европе, да ударили бы по Японии, пока она слаба, то месяца через два мы бы от нее камня на камне не оставили. У Англии есть свой флот, своя армия да вдобавок все, что мы ей по ленд-лизу посылаем. Гитлера они могут взять на себя. Да и какое нам дело до Гитлера? Что он, собирается сюда приехать и провозгласить себя мэром Чикаго?

Капитан. Вижу, что вы стратег.

Лонг. Нет, но здравого смысла у меня не отнимешь. Уж насчет войны я кое-что понимаю, будьте уверены! Если бы эти важные шишки только послушали здравомыслящих людей вроде меня.

Капитан. Между прочим, вы голосовали на последних выборах?

Лонг. Э-э-э... Говорите, на последних выборах? Да по правде говоря, я в тот день был немного занят. Приехали родственники, ну, и соорудили пикничок на пляже. Бывает, знаете.

Капитан. Знаю.

Лонг. Ну, так продолжаю про «Мой день» *. (*Посмеивается.*) Да, а потом я отправил письмо моему конгрессмену, в котором прямо сказал ему, что я думаю насчет всей этой белиберды с толком цен. В конце концов, его все нарушают, и это каждому известно. Так зачем вообще огород городить?

Капитан. Не могу вам сказать... И затем вы выпили еще один коктейль?

Лонг. Совершенно верно. И уснул... Ну вот, пожалуй, и все.

Капитан. Очень интересно.

Лонг. Как вы это невесело сказали.

Капитан. А мне невесело. Мне очень грустно. Может быть, вы еще о чем-нибудь мечтали? Это бы помогло.

Лонг. Да если вспомнить... Я наполовину проснулся... Так, обрывок сна — знаете, полусон, полуявь... Будто сижу я в купальном костюме у плавательного бассейна в роскошном имении на Беверли Хиллз **. Да, это был сон...

Музыка, обозначающая перемену места и времени.

Ах, мисс Шарм, а бассейн у вас ничего себе!

Шарм. Ах, генерал, пожалуйста, зовите меня просто Глория. А я вас буду звать Корни ***. Ну, Корни, расскажите же мне, как вы взяли Токио.

* «Мой день» — дневник г-жи Рузвельт, предназначенный для печати и во время войны регулярно помещавшийся в периодике.

** Беверли Хиллз — район Лос-Анджелеса, где находятся особняки голливудских кинозвезд.

*** Корни — это уменьшительное имя на американском жаргоне еще значит «пошляк».

Лонг. Ну ладно уж, если вы такая приставала. Честное слово, это была пара пустяков. Было при мне шестьдесят моих дивизий, ну, и флот постарался не за страх, а за совесть — мне выделили эскадру-другую... Ну, и знаете, пришлось пораскинуть мозгами: например, я недурно их надул в северном направлении — из-за новых звукоустановок они подумали, будто началось землетрясение, а мы зашли с юга и захватили Японию. — Только и всего. Умеючи нетрудно.

Шарм. Ах, Корни, я тебя обожаю! Поцелуй меня.

Поцелуй.

Лонг (романтически). И ты мне нравишься, Глория.. Это был самый чудесный поцелуй в моей жизни!

Шарм. Ну, уж если это говоришь ты, Корни, то это в самом деле великолепный комплимент. Нет-нет, второго не получишь, пока не расскажешь мне, что ты сказал микадо.

Лонг. Да ничего я ему не говорил. Дернул за усы, и дело с концом... Ох, извини, я тебе не сделал больно? Я не хотел быть грубым.

Шарм. Но мне это нравится!

Пауза.

онг. Глория, я могу забыть Токио, я могу забыть американскую армию и флот, я могу даже забыть Джо, моего друга и товарища, но тебя я никогда не забуду. Может быть, я и сильный, но ты меня сделала слабым. (Страстно.) Ах, Глория, еще!

Поцелуй.

Шарм. Бог да благословит тебя, Корнелиус.

Музыка возвращает нас на небо.

Капитан. И это все?

Лонг. Все. Я встал, принял по обыкновению столовую ложку пищевой соды, разведенной в стакане воды комнатной температуры, и поехал домой.

Капитан. Большое спасибо, мистер Шезлонг.

Лонг. Может быть, вы хоть раз назовете меня Лонгом?

Капитан (чувствуя себя несчастным). Извините, но теперь я знаю, что это невозможно. Ну, большое вам спасибо, мистер Шезлонг, и всего хорошего.

Лонг (доволен собой). Спасибо. Всего, ваше превосходительство.

Капитан. В эту дверь, пожалуйста.

Открывается дверь.

Служащий (мужчина). Сюда, сэр.

На фоне тихой музыки голоса: «Дело 66, на выход». Дверь закрывается.

Капитан. Анджела, достаньте блокнот.

Анджела. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Капитан (*диктует*). Относительно дела номер 66. Корнелиус Шезлонг — заурядное, ничем не примечательное существо, вес несколько выше нормального, рыхлый, неспособный ясно мыслить, непрактичный человек, который находится в центре всемирного катаклизма и предается пустым мечтаниям, считая себя сильным, мужественным, умным, добрым, практичным... (*Прерывает диктовку, устало.*) Ах, Анджела, Анджела, прямо-таки хочется, чтобы к нам сюда попал хоть один настоящий злодей! Ведь когда наступает последний судный день для настоящего злодея, он сам ждет, что отправится в пекло, и принимает приговор соответствующим образом. Когда же наступает судный день для таких, как Корнелиус Шезлонг, они стоят передо мной такие довольные, исполненные надежд и не в силах понять, что их настоящее преступление — в том, что они растяпы. У меня нет иного выбора, как только послать их в ад!

Музыкальная концовка.

Арч Оболер

Ночной полет

Г о л о с. Место действия — американский авианосец, где-то на юге Тихого океана. Время действия — недавнее прошлое, время суток — вскоре после захода солнца.

Музыка, переходящая в шум ветра, который затем с перебоями служит фоном.

Ка п и т а н. Ну, коммодор *?

Коммодор. Ничего. Ни слова.

Ка п и т а н. А кто это?

Коммодор. Лейтенант Узбстер. Из третьей истребительной эскадрильи.

Ка п и т а н. Кто-нибудь видел, как его сбили?

Коммодор. Никак нет. Сэмюэлсон видел, как он сбил одного Зеро, а там бой распространился по такому большому участку, что он потерял контакт.

Ка п и т а н. Чертовы тучи!

Коммодор (*громко*). Есть радиосвязь, мистер Рейнолдс?

Г о л о с (*издалека*). Никак нет, сэр.

Ка п и т а н. Я... я больше не могу рисковать и задерживать здесь корабль. Не могу.

Коммодор (*сдавленно*). Понимаю, сэр.

Ка п и т а н. Если бы только знать, где эти чертовы японцы! Мы бы могли подождать до утра, а там...

Г о л о с (*вступает, взволнованно*). Есть, сэр! Связь налажена!

Щелканье, радиопомехи и т. п.

Р а д и с т (*в микрофон*). Давай, Узбстер! Давай, Узбстер! Ты меня слышишь? Давай, Узбстер!

Г о л о с. Минуту назад связь была.

Э д у а р д (*в микрофон*). Узбстер вызывает коммодора. Узбстер вызывает коммодора.

Г о л о с. Есть, сэр!

Э д у а р д. Вы меня слышите? Вы меня слышите?

* Коммодор — чин, аналогичный капитану третьего ранга.

Капитан. Дайте микрофон!

Голос. Вот, сэр!

Капитан. Алло, Уэбстер! Алло, Уэбстер! Вы меня слышите? Вы меня слышите?

Эдуард. Так точно! Так точно! Вас слышу!

Капитан. Вы нас видите? Вы нас видите?

Эдуард. Никак нет, сэр, не вижу. Вы можете сообщить приблизительно ваше положение относительно боевой зоны? У меня почти все приборы разбиты выстрелами. Вы можете сообщить приблизительно ваше положение относительно боевой зоны?

Капитан. Извините, Уэбстер, мы... мы не можем сообщить из-за противника. Не можем сообщить из-за противника.

Эдуард. Понимаю, сэр. Буду кружить. Видимость сейчас практически нулевая. Буду кружить.

Коммодор. Спросите, как у него с бензином, сэр.

Капитан. Да. Уэбстер, как с бензином? Как с бензином?

Эдуард. На вспомогательном. На вспомогательном. Буду кружить. Как дела у наших? Как дела у наших?

Капитан. Три транспорта, крейсер и пятнадцать Зеро. Мы получили подтверждение, что одного сбили вы. Все вернулись.

Эдуард. Здорово! Здорово, сэр! Сам бы хотел вернуться! Тут темно, как в преисподней, и никак не вылезешь. Буду кружить. Буду кружить.

Капитан. Коммодор.

Коммодор. Да, капитан.

Капитан. Нам больше ждать нельзя.

Коммодор. Дадим ему еще несколько минут.

Капитан. Да. Если бы только услышать мотор! Если бы только...

Голос. Сэр...

Капитан. Да?

Голос. Радиограмма с флагманского корабля.

Капитан. Спасибо.

Эдуард. Я все ищу вас. Нельзя ли просигналить из пистолета Вери? Нельзя ли просигналить из пистолета Вери?

Капитан. Не отключайтесь, Уэбстер. Не отключайтесь. Через минуту возобновим.

Эдуард. Так точно. Я все кружу... Все кружу...

Капитан. Коммодор.

Коммодор. Да, сэр.

Капитан. Тут с флагманского корабля. Адмирал приказывает идти к месту сбора.

Коммодор. О...

Капитан. Нам следует немедленно прервать всякую радиосвязь.

Коммодор (с трудом). Это приказ, сэр?

Капитан. Да.

Коммодор (*его голос замирает*). Так точно, сэр. (*Чуть громче.*)
Полный вперед.

Голос (*издалека*). Есть полный вперед.

Сигнальные звонки и т. п.: приказ передается в машинное отделение.

Капитан (*сдавленно*). Алло, Уэбстер. Алло, Уэбстер. Вы меня слышите? Вы меня слышите?

Эдуард. Да, капитан. Вас слышу. Вас слышу. Вы теперь можете просигнализировать? Как насчет ракет? Связь очень хорошая. По-видимому, я очень близко от вас. Вы теперь можете просигнализировать?

Капитан. Уэбстер, слушайте. Противник рядом. Мне приказано немедленно прервать радиосвязь. Мне приказано немедленно прервать радиосвязь. Вы слышите, Уэбстер? Вы слышите, Уэбстер?

Эдуард. Так точно. Вас понял, капитан. Вас понял.

Коммодор. Капитан, можно мне?

Капитан. Конечно... Лейтенант Уэбстер, с вами хочет говорить коммодор Герман.

Коммодор. Алло, лейтенант. Алло, лейтенант. Как у вас с бензином? Как у вас с бензином?

Эдуард. Минут на двадцать, сэр. Минут на двадцать, сэр.

Коммодор. Сейчас вы должны находиться приблизительно на четыреста шестьдесят три мили к северо-западу от Хендерсоновского аэродрома. Сейчас вы должны находиться приблизительно на четыреста шестьдесят три мили к северо-западу от Хендерсона.

Эдуард. Спасибо, сэр, я прерываю связь. Желаю всем удачи. Желаю удачи.

Щелчок — летчик выключил передатчик.

Коммодор (*с трудом*). Спасибо, Эд. Желаю удачи.

Музыкальная связка. Музыка переходит в шум авиадвигателя в полете. Потом звук переходит в шум авиадвигателя, слышимый изнутри самолета. Звук приглушается и в дальнейшем служит фоном.

Эдуард (*монотонно*). Четыреста шестьдесят три мили... Он сказал, четыреста шестьдесят три мили до Хендерсоновского аэродрома. А сколько у меня бензина? Миль на сто хватит... Четыреста шестьдесят три минус сто... (*Быстро.*) Нет... Надо забраться выше... Ага, выше, выше, выше...

Звук самолета, набирающего высоту, затем он приглушается, образуя фон.

А старик вроде плакал. Я сказал: «Желаю удачи»... «Желаю удачи»... Зачем я это сказал?

Г о л о с. Удачи, удачи, удачи.

Э д у а р д. Почему я об этом думаю?

Г о л о с. Удачи, удачи. удачи.

Э д у а р д. А что такое удача? Почему я все думаю....

Г о л о с. Удачи, удачи, удачи.

Голос продолжает говорить, пока его не перекрывает музыка, которая вытесняется голосами в офицерской кают-компании.

Т е р р и. Удача, удача, удача! Вы только взгляните, что у меня за карты! Везет мне как покойнику.

Э д у а р д. Брось трепаться и ходи!

Т е р р и. Кто еще в претензии! Эдди-акула!

Д ж о. Ага. Слушай, Эд, сколько ты вчера выиграл?

Э д у а р д. Всего или нетто?

Д ж о. То есть как?

Т е р р и. Ага, что это значит?

Э д у а р д. Всего я выиграл восемнадцать долларов и семьдесят пять центов. Нетто, после того как Терри одолжил у меня пятерку, а Дылда мне задолжал три шестьдесят, я получил десять долларов чистой прибыли.

Д ы л д а. Ладно, мистер Уэбстер, и на эту десятку держу два против одного, что у нас не будет вылетов в течение семи суток!

Э д у а р д. Идет!

Восклицания, содержащие вопросы и сомнения.

Г о л о с. Откуда у тебя такая информация, Дылда?

Т е р р и. От его койки идет прямой провод к Мацумоко!

Д ж о. Два против одного, что к госпоже Мацумоко!

Все смеются. Звонок тревоги.

Эй! Это нам!

Общий взволнованный гомон. Сквозь него мы слышим.

К о м м о д о р. Пилоты по местам! Пилоты по местам!

Т е р р и. Слушай, Эд, а ты выиграл! Везет же тебе! Что за удача!
(Тише.) Что за удача!

Г о л о с. Удача! Удача! Удача!

Голос образует фон. Так же фоном — шум мотора в самолете.

Э д у а р д. Удача! Удача! Не надо об этом думать! (Его голос резко

обрывается.) А ну-ка повыше, красавица! Как можно выше! Но легче, красавица, легче! *(Приглушает мотор.)* До Хендерсона — четыреста шестьдесят три... Надо экономить силы... *(Говорит раздельно.)* Надо — экономить — силы!

Восемь нисходящих нот на фортепьяно в такт словам: «Надо экономить силы».

Эти ноты...

Эти же ноты через фильтр.

Кой черт! Что это значит?

Те же ноты.

Почему я их вспомнил?

Те же ноты. Сначала они замирают, потом звучат на полную мощность. Они повторяются и в дальнейшем служат фоном для диалога.

М а т ь *(вступает).* Эдуард! Эдуард, не пора ли тебе на минуточку оставить рояль и что-нибудь поесть?

Э д у а р д *(явно сосредоточенный на работе).* Нет, мама, спасибо. Мне не хочется.

М а т ь. Слушай, Эдуард, ты знаешь, что я вполне сочувствую твоей деятельности, но я уверена, что сам мистер Бетховен не сидел за роялем двенадцать часов подряд, все время играя одни и те же восемь нот.

Э д у а р д. Ах, мама, я все никак не могу слепить ноктюрн, но я не на это жалуюсь.

М а т ь. А на что же? Ты плохо себя чувствуешь?

Э д у а р д. Да. У меня депрессия «но пасаран».

М а т ь *(не понимает).* Что?

Э д у а р д. Ты вчерашнюю газету читала, мама?

М а т ь. Всегда читаю, ты же знаешь.

Э д у а р д. Но пасаран, но — увы! *(Играет те же восемь нот.)*

М а т ь. Эдуард Уэбстер, не объяснишь ли ты мне толком, что значит «но пасаран» и что вообще ты хочешь сказать?

Э д у а р д. «Они не пройдут» — девиз народа в Мадриде.

М а т ь. А...

Э д у а р д. Ну а фашисты прошли, Мадрид взят, а это значит, что теперь бандитам открыты ворота во весь мир.

М а т ь *(в изумлении).* Эдуард!

Э д у а р д. Знаю, мама, знаю...

Те же восемь нот звучат очень легко — видимо, он играет небрежно.

Не к лицу деятелю искусства быть... Ну как это называется? Что тебя всегда приводит в такой трепет? Ах да, — «питать политические пристрастия»!

М а т ь. Ты композитор, при чем тут политика!

Э д у а р д. Да-да! Все на свете бrenно, и вечно только искусство, так что (*пробегаёт пальцами по клавишам*) засяду я за ноктюрн и черт с ним, с Мадридом. Но, если ты ничего не имеешь против, есть я лучше не буду.

Те же восемь нот резко звучат на фортепьяно. Вступает основная тема. Когда она замирает, мы слышим фортепьяно на фоне авиадвигателя. Снова кабина истребителя.

Довольно думать об этом, довольно...

Звуки фортепьяно резко обрываются.

Ладно, красавица, давай-ка выше, еще повыше!.. Скоро мы покатымся вниз, а пока давай-ка выше, все выше, выше!

Г о л о с. Выше! Выше! Не упускайте случая покатыться, леди и джентльмены! Садитесь и отправляйтесь — все выше! Выше! Выше!

Э д у а р д. Эти слова... Что... Ах да! Вспомнил!

Голос сквозь фильтр все еще слышен, потом его перекрывает основная тема. Когда она замирает, мы слышим фоновый шум толпы в Луна-парке.

З а з ы в а л а. Выше и выше! Самое высокое колесо обозрения по эту сторону Миссисипи! Налетайте, мальчики и девочки!

Л и н д а. Давай?

Э д у а р д. Если хочешь...

Л и н д а. Хочу. Ты не возражаешь против такой высоты?

Э д у а р д. Разумеется, нет. Два билета, пожалуйста.

З а з ы в а л а (*прерывая свой конференс*). Два? Извольте, сэр. Вот, пожалуйста. Лучшие места, специально для вас.

Э д у а р д. Помочь?

Л и н д а. Ничего, я сама.

З а з ы в а л а. Закрепите перила как следует...

Скрип перил.

Ну вот! Веселитесь да не вставайте во время движения!

Э д у а р д. Ни в коем случае!

Звук движения колеса, проходящий фоном.

Л и н д а. Ух ты!

Эдуард. Вот это да!

Линда. Выше, выше, выше! Зазывала не врал!

Эдуард. Вот уже не подумал бы, что тебе такое нравится!

Линда. Ты о себе говори.

Эдуард. То есть?

Линда. Представь себе, что через месяц в журналах будет фото Эдуарда Уэбстера: «Многообещающий молодой композитор, сочинитель этюдов, сонат, прелюдов и ноктюрнов, катается на колесе обозрения!»

Эдуард тихо смеется.

Теперь я понимаю, почему ты меня сюда затащил. Ты что, собираешься писать балет «Луна-парк»?

Эдуард. Нет, уж скорее, балет «Казарма».

Линда (*не понимая*). Ты это о чем?

Эдуард. Линда, ровно через неделю я поступаю в авиацию — в морскую авиацию.

Линда (*смеется, не верит ему*). Да брось ты!

Эдуард. Серьезно.

Линда. Я никак не могла понять, как это ты сочиняешь эти маленькие сложные вальсы. Теперь понимаю. Пьешь с утра.

Эдуард. Я тебе правду сказал. Я записался в морскую авиацию. Можешь принимать это как тебе угодно, но это так.

Линда (*внезапно понимает, что он говорит правду*). Эдуард, этого не может быть!

Эдуард. Это так.

Линда. Но ты, ты! Почему?

Эдуард. Захотелось.

Линда. Но мы не воюем!

Эдуард. Пока.

Линда. Но мы не воюем! А если бы и воевали, ты-то при чем? Ты — музыкант, композитор, а не моряк!

Эдуард. Летчик!

Линда. Ты в самом деле записался?

Эдуард. Да.

Линда. В таком случае ты дурак, чувствительный дурак! Уж кого-кого, а тебя, кроме музыки, ничто не должно касаться! Эдуард, ты этого не сделаешь!

Эдуард. Ровно через неделю.

Линда. А твоя мать?

Эдуард. Сегодня вечером мы увидимся на концерте, и я ей скажу.

Линда. Ну, тогда все в порядке! Уж твоя-то мать прочно стоит на земле. Она тебе этого не позволит, я уверена.

Зазывала. Выше! Выше! И еще выше! Наше колесо обозрения — лучший аттракцион века! Выше! Выше!

Его голос перекрывает «тема мыслей». Затем она замирает, и снова слышен авиадвигатель. Кабина.

Выше! Выше! Еще выше! Выше! Выше! Еще...

(Его голос резко обрывается.)

Эдуард. Нет! Да что это со мной? К чему об этом вспоминать? Думать надо об одном — до аэродрома четыреста шестьдесят три... *(Сдавленно.)* Нет! Нужно думать — о чем? Ни о чем, совсем ни о чем! Просто лететь, и все...

Несколько секунд мы слышим только рев мотора, потом Эдуард ахает.

Что? Свет! Кто? *(Глубокий, трепетный вздох.)* Луна... просто луна... тучи уходят... *(Бесстрастно)* Немного поздно... Здравствуй, луна...

Бергман *(сквозь фильтр)*. Лунный композитор...

Эдуард *(не понимает)*. Кто это сказал?

Бергман. Лунный композитор...

Эдуард. Ах да! Бергман! Старик Бергман! Вспомнил!

Бергман. Лунный композитор! Лунный композитор!

Слова продолжают, затем их перекрывает музыка, постепенно она замирает.

(В полный голос.) Лунный композитор — и на большее, мой юный друг, можете не рассчитывать!

Эдуард. Боюсь, что не понимаю вас, сэр.

Бергман. В этом университете я преподавал все что угодно — от основ музыкальной грамоты до контрапункта и усложненных курсов хроматической гармонии, модуляции, фигурации, композиции... Мои лекции слушало столько юношей и девиц, что и подумать страшно! Хорошо! И какие я из этого сделал выводы? А вот какие. Слушателей моих лекций можно разделить на четыре категории. Во-первых, спортсмены, которые ходят на мои лекции, чтобы как следует выспаться. Во-вторых, студенты, которые ходят на мои лекции, потому что надо же куда-то ходить. В-третьих, те, кто в самом деле интересуется музыкой ради самой музыки, и, в-четвертых, последняя категория — немногие, обладающие настоящими музыкальными способностями. Вы относитесь к последним.

Эдуард. Спасибо...

Бергман. Нет-нет, постойте, благодарить еще рано! У последней категории тоже есть свои подразделения. Во-первых, гении, — к несчастью, за все долгие годы моей преподавательской деятельности я не имел чести обучать подобного человека. Во-вторых, те, кого я называю абсолютно одаренными. Такие

пишут музыку, пусть не гениальную, но значительную, очень высококачественную музыку. Но среди абсолютно одаренных есть и такие, как вы, пишущие то, что я ранее назвал «музыкой лунных лучей», «лунной музыкой». Она может быть очень милой, приятной, но никогда не возвысит душу человека в час испытания, не пробудит в нем более полного и сильного чувства бытия. На такую музыку поэты могут писать стихи, очаровательные полногрудые дамы будут петь ее с эстрады в сопровождении арфы. Вы мне симпатичны, мистер Уэбстер, но боюсь, что вы — только лунный композитор... *(Тише.)* Лунный композитор...

Его слова перекрывает основная тема. Она замирает. Авиамотор. Кабина.

Эдуард. Ага... И вот я теперь скольжу по лунному лучу, профессор... *(Сдавленно.)* И скоро буду играть на арфе в царствии небесном...

Рев мотора убыстряется.

Эй, эй, легче, легче, красавица! У нас еще есть время — не много, но есть... *(С нарастающим напряжением.)* Минут десять. Мы самую малость не долетим до аэродрома, правда, красавица? Какие-нибудь триста пятьдесят миль. А что тебе триста пятьдесят миль? Ты ведь океаны перелетала! Но Хендерсоновский аэродром теперь слишком далеко даже для тебя...

Внезапно мотор замолкает.

Нет! Нет...

Мотор снова начинает работать.

А я... я подумал... Слушай, красавица, не надо так... есть еще бензин... немного... гони, гони, красавица, а я тебе спою. Помнишь, как нас познакомили? Я тогда тебя боялся. У тебя было больше лошадиных сил, чем у кого-либо из моих знакомых. И помнишь, как во время наших тренировочных полетов я всегда тебе что-нибудь пел? Спою и сейчас. Что бы спеть? Что я помню? *(Начинает петь без слов «тему любви» из «Ромео и Джульетты», на которую наплывает «тема мыслей». На нее наплывают звуки оркестра, играющего заключительные аккорды увертюры «Ромео и Джульетта» в концертном зале.)*

Мать *(шепотом)*. Эдуард...

Эдуард. Да, мама?

Мать. Ты болен?

Эдуард. Почему ты так думаешь?

М а т ь. Мне все кажется...

Г о л о с (*сзади*). Тише!

Э д у а р д. Потом, мама, — сейчас последний номер перед антрактом...

Музыка идет на коду. Аплодисменты. Гомон голосов публики в антракте.

М а т ь. Мне казалось, что никогда не кончится!

Э д у а р д. Мама, я хочу с тобой поговорить.

М а т ь. Смотри, вон миссис Джеймисон.

Э д у а р д. Мама, я хочу сказать тебе что-то важное.

М а т ь. Ты заболел! Говорила я...

Э д у а р д. Нет, мама, я совершенно здоров. Врач на приемной комиссии даже удивился, что я такой здоровый.

М а т ь. Врач на приемной комиссии?

Э д у а р д. Да.

М а т ь. Куда же это тебя принимали?

Э д у а р д. В морскую авиацию.

М а т ь. Ты серьезно?

Э д у а р д. Серьезно. Я несколько дней хотел тебе сказать. И вот почему-то здесь, сейчас, я в силах это сказать. Дело в том, что ровно через неделю я еду на побережье.

М а т ь (*сдавленным, напряженным голосом*). Почему, Эдуард? Почему ты со мной это делаешь?

Э д у а р д. Нет. Не с тобой. С самим собой. Я все обдумал. И делаю.

М а т ь. Но ведь мы еще не воюем!

Э д у а р д. Сегодня мне это уже говорили.

М а т ь. Мы не воюем...

Э д у а р д. Воюем, мама! Воюем с того самого момента, когда первый японец вошел в Маньчжурию! Воюем с тех пор, как Муссолини начал навязывать свободным людям свой образ жизни при помощи резиновых дубинок и касторки! Мы воюем с тех пор, как первая немецкая пуля убила какую-то жену рабочего в Мадриде!

М а т ь. Так ты все о том же!

Э д у а р д. Да. Рано или поздно нам придется воевать. Я хочу быть готовым.

М а т ь. Ну... Здесь не место... Дома поговорим...

Э д у а р д. Нет, мама! Давай здесь и сейчас.. Больше нельзя уклоняться!

М а т ь (*напряженно*). Ну хорошо! Тогда слушай! Я не позволю тебе делать глупости! Ты — композитор, художник, а не солдат! Если ты не чувствуешь себя ничем обязанным мне, то оставайся верен хотя бы своему искусству. Эдуард, твой чудесный талант... ведь он гораздо важнее для мира, чем все другое, что ты можешь сделать. Даже если будет война, ты все равно

будешь важнее и нужнее как композитор, а не как военный! Эдуард, ружье носить могут тысячи, но кто заменит тебя как музыканта?

Шум публики, которая возвращается в зал.

Эдуард (*в нарастающем темпе*). Хорошо. Ты все очень ясно сказала. Сейчас начнется второе отделение, и я постараюсь все сказать как можно быстрее, потому что, если я раз это скажу, говорить больше будет не о чем.

Мать. Эдуард, ты...

Эдуард (*перебивая*). Нет! Ты все очень ясно сказала, мама. Я — композитор, художник, и мой первый долг — быть верным моему искусству. В чем же состоит мое искусство? В сочинении музыки! Но какой музыки? Разве моя музыка (*цитирует слова профессора*) возвысит душу человека в час испытания, пробудит более полное чувство бытия? Нет! В мире, где свободолюбивые люди нуждаются друг в друге, я писал милую музыку — мелкие, легковесные, приятные пьески, рассчитанные на людей, пребывающих в довольстве. Мама, для жизни в наше время я не гожусь как художник! Я не имею права на существование как художник! Как мое искусство может остановить... остановить бандитов? Никак! Абсолютно никак! Ну, хорошо! Тогда мне следует бросить искусство и сделать что-то, что-нибудь для победы! Ну вот, мама, я все сказал — как мог, ясно, все, о чем я думал столько недель! В нашей жизни и в наше время право на существование каждого из нас определяется тем, что он делает в войне, в войне, которая в одинаковой мере касается и художника, и делового человека, и ученого, и домашней хозяйки — не меньше, чем военного! Пойми это, мама... попробуй понять... (*Тише.*) Попробуй понять!

Звучит основная тема, которая вытесняется звуком мотора. Кабина.

Да, мама, пойми...

Мотор дает перебои.

(*В тревоге.*) Красавица!

Мотор замолкает. Фон — звук падения самолета.

Красавица! (*И — спокойно, твердо.*) Да, ты права. Пора...

Звук падения самолета переходит в визг и рев. Его подхватывает оркестр. Внезапно — оглушительный, грохочущий аккорд. Пауза. И тихо, медленно нарастает полнозвучная, триумфальная музыкальная концовка.

В то необычное утро

Звучит духовой оркестр — громко, победно, немного вразнобой. Постепенно его звуки становятся тише, образуя еле слышимый фон. Одновременно нарастает шум радостного оживления в палате госпиталя: восклицания, разговоры, десяток мужских голосов нестройно, но весело запекает «Все заботы — в вещмешок, костыли — под мышку...». Песня прерывается смехом. Постепенно шум становится несколько тише, также образуя фон, но более близкий.

Медицинская сестра. Как все это здорово, не правда ли, доктор?

Доктор. Да, мисс Стюарт.

Несколько секунд они слушают пение раненых.

Сестра. Ужасно не хочется мерить им сейчас температуру... Они столько времени ждали этого дня — Дня Победы... Доктор, может быть... *(Останавливается.)* Простите, я сказала что-нибудь не так?

Доктор. Нет-нет... Я вот только думаю... Те, изолированные, на третьем этаже... Они еще ничего не знают...

Сестра *(после паузы тихо повторяет)*. Они... не знают...

Доктор. Как бы это сделать?.. Войти к каждому в палату и просто объявить, что войне конец?.. Нет, только не так...

Сестра. Можно, я...

Доктор *(не слушая ее)*. Эти-то знают, что скоро они будут дома...

А те, на третьем этаже...

Сестра. Доктор, я спрашиваю, можно мне это сделать?..

Доктор. Вам?

Сестра. Да. Прошу вас.

Доктор *(после паузы)*. Хорошо. Хорошо, мисс Стюарт. Спасибо...

Снова громко звучит: «Дни веселые к нам возвратились...» Затем пение становится тише, удаляется и прерывается звуком легких шагов. Слышно, как медленно открывается и прикрывается дверь.

Фредди (*тихий, совсем еще юношеский голос, ослабленный долгим пребыванием в госпитале*). Кто... Кто это?..

Сестра (*мягко*). Это я, Фредди. Мисс Стюарт. Как ты себя чувствуешь?

Фредди. Я... мне... хорошо...

Сестра. Можно мне посидеть с тобой?

Фредди. Конечно... Садитесь... Я так рад...

Сестра. Спасибо. Хорошо сегодня спал?

Фредди. Да... Я так ждал... когда вы придете...

Сестра. Прости, я не могла раньше. Сегодня столько всяких событий...

Фредди (*очень тихо*). Событий?

Сестра. Да, Фредди. Видишь ли, наконец это случилось. Германия капитулировала... (*Так как Фредди молчит, голос ее несколько меняется.*) Фредди, ты меня слышишь?..

Фредди. Да...

Сестра (*после паузы*). Я думала, тебя это обрадует...

Фредди. Да... Спасибо...

Сестра. Может быть, что-нибудь еще рассказать тебе... об этом?

Фредди. Нет, ничего не надо... (*Чуть быстрее и громче.*) А дождь сегодня ночью был?

Сестра (*несколько озадачена его вопросом*). Дождь?.. Да... Да, был.

Фредди. Мне казалось, что я слышу дождь... Неужели их опять затопило водой?..

Сестра (*не совсем понимая*). Кого, Фредди?

Фредди. Наши сорок акров... те, что у самой реки... Сколько я себя помню, отец все время пытался их осушить... Там было полно лягушек... Одна здоровенная такая — как галоша... Я так и звал ее — «Поющая галоша»... Слышно ее было от самого дома... Мама говорила, что у нее получается лучше, чем у церковного органа...

Сестра тихо смеется.

Да... А мы на Сайпане... за три дня... осушили болото и поставили орудия... За три дня... А мой старик целых двадцать лет старался... А земля на Сайпане до чего хорошая!.. Бросишь семя — и наутро уже всходы... Мы там завели небольшое хозяйство, акров пять... Помидоры... даже хлеб сеяли... Я этим занимался... И ведь что странно...

Сестра (*после паузы*). Что, Фредди?

Фредди. Лежу здесь и думаю... Все время об одном и том же... Черная земля... Свежая зелень... Странно... Дома я этого вроде и не замечал... Делал свое дело — и все... А сейчас только об этом и вспоминаю... Что как растет... Не знаю, отчего это... Но не думать об этом не могу... Может быть... может быть,

это потому... что теперь так... (*колеблется мгновение*) так темно все время... Мне и хочется думать обо всем, что растет в солнечном свете... Мне кажется, это было самое... самое чудесное из всего, что я видел... Даже на том острове в океане земля была такой хорошей... Вы сказали — победа?..

Сестра. Да.

Фредди. Если я выберусь отсюда, я еще смогу помогать отцу... Я покажу ему, как осушать землю... Теперь я знаю, как это делается... Сорок акров... А народу ведь сейчас поприбавится... И всех кормить надо...

Снова громко звучит: «Дни веселые к нам возвратились...» И вновь песня вдруг прерывается где-то посередине теми же звуками — открываемой и прикрываемой двери, шагами сестры, которая подходит к койке.

Сестра. Сэм...

Сэм (*негр, у него низкий звучный голос*). Да, мэм?

Сестра. Пришла сообщить тебе новость.

Сэм. Я знаю ее, мэм.

Сестра. Знаешь?

Сэм. Да, мэм.

Сестра (*удивленно*). Но откуда?

Сэм. Я слышал, как поют внизу, за окном. А это может означать только одно. Или я опять ошибаюсь?

Сестра. Нет. Пришло сообщение.

Сэм (*как-то вяло*). Это хорошо...

Сестра. Да.

Сэм. Доктор не разрешает мне поворачивать голову. Вы все еще стоите?

Сестра. Ты хочешь, чтобы я села?

Сэм. Если у вас есть время...

Сестра. Конечно.

Сэм. Ради такого дня вы ответите мне на один вопрос?

Сестра. Конечно. На любой...

Сэм. Долго я пробуду здесь?

Сестра. Этого я не знаю.

Сэм. Честно?

Сестра. Да, Сэм, честно.

Сэм. Но я... я спросил с другой целью... не как другие... Я хочу знать — долго ли еще... смогу оставаться здесь...

Сестра. Оставаться?.. Здесь?..

Сэм. Да, мэм.

Сестра. Но... разве ты не хочешь вернуться домой?

Сэм. Нет, мэм.

Сестра. Но почему? Когда мы тебя выпишем, ты будешь совершенно здоров! Останется лишь небольшой шрам...

Сэм (вяло). Да, мэм.

Сестра (после долгой паузы). Скажи мне, Сэм...

Сэм. Лучше не надо, мэм.

Сестра. Но я не понимаю... Мы с тобой так редко разговаривали... Это из-за твоей семьи, да?

Сэм. Нет, мэм. Мне бы хотелось быть с ними.

Сестра. Сэм, ради сегодняшнего дня, скажи мне, прошу тебя.

Сэм (тихо, но с напряжением). Когда я родился, мне казалось, что весь мир принадлежит мне... Да!.. Маленький черный малыш — полноправный хозяин земли... Но это быстро прошло... «Прочь отсюда, черномазый!..», «Негров на работу не принимаем!..» Да вы сами знаете все это... Хозяин земли быстро превратился в ее изгоя... А затем — армия... В какой-то безумный час мне даже показалось, что я снова стал частью мира... (С горечью.) Но... Да разве нужно об этом рассказывать вам?.. А потом случилось это... Я вел цистерну с горючим по дороге. Появился немецкий самолет. Спикировал. И я услышал пулеметную очередь... И на этом все оборвалось... А потом вдруг все появилось снова... Понимаете?.. Все появилось снова... Я лежал на кровати, а вокруг меня были люди, и никто не сказал: «Убирайся, черномазый!..» Кто-то склонился надо мной со словами: «Ничего, приятель, теперь поправишься!..» А другой поднес к самым губам сигарету, а третий зажег ее... И я снова возвратился в мир... Понимаете? И с тех пор я нахожусь в нем... Все время, начиная с того самого пробуждения... Потом был паром, потом санитарный поезд и наконец эта палата... И все это время со мной разговаривали, как с человеком... «Сэм, а что ты скажешь об этом?..», «Сэм, а как насчет того...», «Послушай, Сэм...», «Расскажи-ка нам, Сэм». Здесь я снова стал собою, Сэмом... Понимаете?.. Поэтому я радуюсь, что этот день настал, но сам я хочу остаться здесь!.. Я хочу остаться здесь!

Снова звучит музыка, и вновь она как-то внезапно обрывается звуком прикрываемой двери. И снова шаги сестры, подходящей к койке.

Сестра. Том... Слышишь, Том?.. Можно с тобой поговорить?..

Том (еле слышно). Что?.. Кто там?..

Сестра. Это я, мисс Стюарт.

Том. Дороти?..

Сестра. Нет, Том, это я, мисс Стюарт.

Том. Где ты так долго была?

Сестра. Я... Послушай, Том, я пришла сказать тебе чудесную новость...

Том (*как-то странно усмехнувшись*). Послушай, что я тебе скажу... Я хотел на тебя рассердиться, но я не сержусь... Совсем не сержусь...

Сестра (*озадаченно*). Не сердись?

Том. Только, пожалуйста, Дороти, никогда больше не заставляй меня так долго ждать...

Сестра, осознавая, что ее все еще принимают за другую, издает неопределенное: «О-о...»

Ты все взяла, что нужно?

Сестра (*после секундного колебания*). Ну конечно!

Том. У нас будет прекрасный день! Я все предусмотрел!..

Сестра. Все ли?

Том. О Марианне как раз можешь не беспокоиться, с нею будет все хорошо!

Сестра. Ну конечно!

Том. Уж моя-то мать умеет следить за детьми!.. Посмотри хотя бы на меня!.. Нет-нет, давай скорее посмотрим расписание!.. Так, где же наш?.. А, вон: одиннадцать десять... Ну вот, еще три-четыре минуты — и мы с тобой отправляемся... Но почему ты все время молчишь, Дот?

Сестра. Я... я очень рада, что мы едем...

Том (*очень тихо*). Нет-нет, ты сказала не это... (*Громко*). Ты сказала не это!.. Ты сказала тогда что-то другое!.. Дот, скажи то, что ты сказала тогда!.. Скажи то, что ты сказала тогда!

Сестра. Я... я не помню...

Том. Я тебя вижу... Я знаю, что ты здесь... Но твой голос так далеко...

Сестра. Я здесь.

Том. А наш поезд не идет?

Сестра. Еще нет.

Том. О Дот, я так тебя люблю!.. И хорошо бы на этом месте установить бронзовую табличку: «Здесь 6 июня 1940 года мужчина признался в любви своей жене»... (*С трудом*.) Но как я могу шутить над этим?.. Ведь все у нас было так хорошо!.. Подойди ко мне ближе, Дот... Не бойся, здесь никого нет... О любимая моя, каждый день у нас все лучше и лучше... Разве не так? Разве это не так?..

Сестра (*почти шепотом*). Да, Том...

Том. Подними свое лицо, посмотри на меня...

Сестра. Да...

Том. Если бы ты не была рядом, Дот, я бы этого не перенес... Это

ужасно, Дот!.. Мое лицо!.. Мое лицо!.. Я все время думаю: чем мы не красивая пара?.. В самом деле, ну чем мы не красивая пара?.. Только... почему я все время думаю об этом?.. Что-нибудь случилось с моим лицом?..

Сестра. Постарайся уснуть, Том...

Том. Я еле слышу тебя... Но ты здесь... Ты здесь... И твое лицо — так близко... Я тебя чувствую... теплую... любимая...

Сестра. Спи, Том...

Том (*быстро*). Такая красивая пара... Такая красивая пара... Такая... краси...ва... (*Истерически*). Нет, нет, Дот! Не подходи так близко!.. Не касайся моего лица!.. Не касайся моего лица!..

Сестра. С ним все в порядке, Том...

Том (*умоляюще*). Все в порядке?.. Все в порядке?..

Сестра. Да, Том...

Том. И мы самая красивая пара?..

Сестра (*почти плача*). Да, Том...

Том (*облегченно вздыхая*). О-о-о... Где твои губы?.. Поцелуй меня.

Сестра (*близко, со слезами*). Да, Том...

Громко, раздражающе громко и дольше обычного звучит музыка... Обрывается, как и прежде, звуком закрываемой двери и шагами медсестры.

Лэрри (*полный энергии, несмотря на то, что лежит на кровати пластом*). Привет, Скотти! Давай заходи!

Сестра. Доброе утро, Лэрри.

Лэрри. «Лэрри — голубчик». Скотти!.. Всегда надо говорить «Лэрри — голубчик»!..

Сестра (*смеясь*). Тебя надо поостудить, Лэрри!

Лэрри. Что мне надо, так это поговорить с тобой, Скотти! Посидишь немного?

Сестра. Но я за этим и пришла.

Лэрри. Я ведь знал, как только открыл глаза, что сегодняшний день будет у меня счастливым. Держу пари, даже ваш гоголь-моголь будет сегодня не таким противным!

Сестра. Но сегодня, Лэрри, действительно случилось нечто необыкновенное.

Лэрри (*нетерпеливо*). Случилось? Что?

Сестра. Германия капитулировала.

Лэрри. Безоговорочно?

Сестра. Безоговорочно!

Лэрри. Вот это да!..

Сестра. Здорово, да?

Лэрри. Здорово!.. И ребята колотят все в пух и прах?

Сестра. Вроде того.

Лэрри. Ну надо же! Представляю, что творится дома — суматоха и танцы, танцы до упа... *(Внезапно останавливается.)*

Сестра *(думая, что он вспомнил о своих ампутированных ногах)*. Не думай об этом, Лэрри...

Лэрри. Нет-нет, ты не так меня поняла! Я подумал совсем о другом!.. Все о'кэй! Даже больше того! Все давно обдумано и спланировано! Не веришь?.. Что у меня осталось? Одна правая рука. Одна правая рука — но это все, что мне нужно!.. Да-да!.. Правая рука — чтобы обнимать девчонку и выписывать чеки! Нет, Скотти, не надо смотреть на меня так... Уверяю тебя, я действительно чувствую себя прекрасно!.. А то, о чем ты подумала, ничуть не помешает делу! Скорее, наоборот!.. Ведь я буду выписывать чеки, только и всего! Разве я тебе об этом не говорил?

Сестра *(улыбаясь)*. Нет, еще не говорил.

Лэрри. Так послушай!.. Я почти не тратил своих солдатских чеков, так что деньги у меня будут. И вот, как только я выйду отсюда, я займусь бизнесом — открою свое собственное дело!

Сестра. Просто великолепно!

Лэрри *(ухмыляясь)*. Да, я еще себя покажу!.. Дам объявление в газетах: «Лэрри Эдманс — срочный ремонт автомобилей! Бывший специалист по танкам-амфибиям».

Сестра *(улыбаясь)*. Значит, ремонт автомобилей?

Лэрри. И заправочные станции тоже! Причем, заметь, я сказал «станции»!.. Их у меня будет много!.. Кое-что я узнал по секрету, а уж остальное все сам обмозговал... Понимаешь, как только начнется свободная продажа бензина, вся Америка бросится к автомобилям и пойдет колесить!.. И так будет продолжаться, пока не поутихнет этот зуд, что завелся у всех от долгого пребывания на одном месте, понимаешь?

Сестра *(улыбаясь)*. Конечно.

Лэрри. Словом, каждому давно уже хочется куда-нибудь съездить. А сам-то я!.. Лежу здесь, а мысленно целыми днями брожу по улицам, где проходил хотя бы раз, снова бываю в местах, куда хоть раз заглядывал... Да ты это и сама знаешь!

Сестра. Да-да, знаю.

Лэрри. Так вот я уже выбрал то место на углу, где я собираюсь поставить свою первую станцию обслуживания. И подумал о ребятах, которые будут у меня работать с насосами и гаечными ключами... И если дела на этой первой станции пойдут хорошо — а они пойдут хорошо, — я открою вторую станцию, затем третью, и черт меня побери, если я не заделаюсь хозяйчиком что надо!

Сестра. Конечно, ты им станешь. И мне бы даже хотелось быть пайщицей этого дела.

Лэрри. Кроме шуток?

Сестра. Кроме шуток!

Лэрри (*тихо, убежденно*). Я.. у меня есть шансы, не правда ли? Я еще добьюсь чего-нибудь!.. (*Быстро*.) Да-да, у меня еще есть шансы!.. Я буду сидеть за конторкой и работать мозгами, которые у меня есть, а не думать без конца о ногах, которых у меня нет... И я придумаю что-нибудь новенькое для ускоренного обслуживания автомобилей, как я придумывал это и для танков... И мало-помалу я создам настоящий большой бизнес, который будет все расти и расти... Нет, я не прогорю на этом деле, ни за что не должен прогореть!.. Разве может такое со мной случиться, мисс Стюарт?..

Нарастает музыка и вновь обрывается звуком закрываемой двери и шагами медсестры, которая снова подходит к койке.

Сестра. Здравствуйте, капитан!

Капитан (*с усилием*). Убирайтесь отсюда!

Сестра. Но я хотела...

Капитан (*не повышая голоса, но с большим напряжением*). Я, кажется, просил, чтобы никто, кроме доктора, сюда не входил! Неужели надо повторять?

Сестра. Извините, капитан, я только...

Капитан. Ради бога, оставьте меня одного! Неужели я не заслужил хотя бы этого? Неужели нет? Неужели нет? Ну что же вы не уходите?.. Что вам...

Сестра (*слишком много для одного утра; не выдерживает и, уже не слушая*). Нет!.. Нет!.. Пожалуйста!.. Остановитесь!.. Ну стойте же!.. (*Громко плачет.*)

Капитан (*тихо*). Что?.. Что случилось?

Сестра (*успокаиваясь*). Извините меня...

Капитан. Говорите! Что случилось? Я хочу знать!

Сестра (*глотая слезы*). Сегодня... такое... необычное утро...

Капитан. Почему?

Сестра. Я и пришла, чтобы сказать вам... эту новость...

Капитан. Новость?

Сестра. С Германией... покончено...

Капитан (*совсем тихо*). Когда?

Сестра. Сегодня... совсем недавно!..

Капитан (*медленно*). И вы ходите по палатам нашего этажа... И каждому говорите...

Сестра. Да...

Капитан. Простите меня за...

Сестра. Ничего, все в порядке...

Капитан. А что на улице? Массовые шествия?

Сестра. Я еще не выходила из госпиталя.

Капитан. Значит, он все-таки настал, этот день...

Сестра. Да...

Капитан *(после паузы, тихо, почти про себя)*. Дуг! Вот бы кому дожить до сегодняшнего дня!.. Он бы пролетел над самыми домами вдоль Унтер-ден-Линден!.. Это день Дуга... *(тяжело)* а не мой!..

Сестра *(тихо)*. И ваш тоже!

Капитан *(быстро)*. Нет!.. Для Дуга война была игрой, где финиш был обозначен Берлином. *(Тихо.)* Может, если бы и мне, как ему, перерезали горло под Ахеном, тогда бы это был и мой день тоже!..

Сестра *(на выдохе)*. О-о...

Капитан *(тихо, с горечью)*. Но я уцелел тогда, правда ненадолго, и все-таки мне хватило времени, чтобы увидеть гору из обуви — сотни тысяч пар, — и каждая из них означала, что человеческое существо было брошено в печь за одно лишь преступление — оно осмелилось жить!.. Мне хватило времени, чтобы увидеть штабеля из мертвых детей, которых не успели бросить в топку... Мне хватило времени, чтобы увидеть и самого Дуга — со скрученными за спиной руками и перерезанным горлом... *(Еще тише, холодно.)* Я ненавижу этот день!.. Потому что теперь мы перестанем их убивать!.. И начнутся всякие сантименты, и хлынут слова о милосердии, о сострадании, о жалости... И порастут травой могилы, понемногу отстроятся города, а перерезанные горла, исхлестанные спины, предсмертные вопли, кровь на стенах — все забудется!.. Да, забудется, потому что мало кто из нас, американцев, видел все это своими собственными глазами!.. Забудется, потому что в крови нашего народа нет той ненависти, которая рождается при гибели жен и детей... Да, я ненавижу этот день, потому что отныне начнется а б в е н и е.

Музыка нарастает, а затем обрывается. Медсестра тихо плачет.

Доктор *(приближаясь)*. Мисс Стюарт, я вас повсюду ищу. Мне... *(Останавливается, увидев ее в слезах.)*

Сестра *(пытаясь успокоиться)*. Слушаю вас, доктор...

Доктор. Вы им всем сказали?

Сестра. Да...

Доктор *(помедлив)*. Лучше бы я сделал это сам!..

Снова нарастает музыка.

Рэй Брэдбери

Луг

Музыка. Рушатся стены домов: одна, вторая, третья. Глухой грохот — город превращается в груды развалин.

Г о л о с. Полмира в руинах.

Днем разрушили Лондон.

Снесли Порт-Саид.

Вытащили все гвозди из Сан-Франциско.

Нет Глазго; все исчезло —

И как они сказали —

Навсегда.

Музыка прекращается. Взрыв: рухнула еще одна стена, шорох сыплющегося песка, приглушенный стук падающих досок. Шаги — медленные, неуверенные. Скрип гравия под ногами.

А вот и старик.

Он медленно бредет к развалинам.

Он — ночной сторож.

Он отпирает калитку в заборе, опутанном колючей проволокой,

И заглядывает внутрь.

Музыка. Скрежет замка, калитка отпирается; легкое дуновение ветра.

Перед ним в лунном свете — поверженные Лондон, Москва и Нью-Йорк.

Перед ним в лунном свете — развалины Порт-Саида,

Иоганнесбурга, Дублина,

И Стокгольма, и Провинстауна,

И Клирвотера, штат Канзас.

Порыв ветра.

Это произошло днем.

Старик видел, как это случилось,

Он присутствовал при этом.

Подъезжает автомобиль, останавливается.

Он видел, как подъехала машина и остановилась
По ту сторону проволочного ограждения.
В машине он увидел мужчин —
Жирных, лысых, с толстыми сигарами,
В ярких спортивных куртках и новых бриджах,
С хлыстами в руках.

Открывается и захлопывается дверца автомобиля.

Дуглас. Смотрите, джентльмены, ну и вид!

Первый мужчина. Да, мистер Дуглас, жалкое зрелище.

Второй мужчина. Да, сэр.

Дуглас. Это все нужно снести. Решительно все.

Первый мужчина. Вы правы, мистер Дуглас, решительно все.

Дуглас. На что это может пригодиться? Ни на что. Посмотрите,
как все пострадало от погоды.

Первый мужчина. Хуже не придумаешь.

Дуглас (*в сомнении*). Мы могли бы, конечно, сохранить Париж,
как вы думаете?

Первый мужчина. Пожалуй. Он лучше других, мистер Дуглас.

Второй мужчина. Точно!

Дуглас. А вместе с тем... Посмотрите, что сделали с ним дожди.
Уж этот ваш Голливуд — никакой долговечности!

Первый мужчина. Да, уж этот ваш Голливуд, мистер Дуглас.

Дуглас. Снести это. Снести все прочь. Очистить участок. Он еще
пригодится, сейчас он стоит денег. Пришлите бригаду демон-
тажников. Пусть начинают сегодня же.

Первый мужчина. Слушаю, мистер Дуглас.

Второй мужчина. Хорошо, мистер Дуглас.

Музыка.

Голос. Ночь.

Старик стоит внутри ограды.

Тихо. Только ветер шумит.

Он вспоминает, как укатила машина,

Сверкая в лучах полуденного солнца.

Он вспоминает, что произошло потом,

Когда пришли рабочие...

*Стук молотков, треск отрываемых досок, грохот падающих
стен.*

Как пал Лондон!

То же, что и прежде, но сильнее.

И Нью-Йорк превратился в груды развалин!

То же, еще сильнее.

И с каждым разрушенным городом
Мир содрогался заново.

Последняя, все сотрясающая волна взрыва. Вой ветра.

Старик сторож стоит внутри проволочного заграждения.
В одной старой сморщенной руке
Он держит ящик с инструментом,
В другой — корзинку с завтраком.

Музыка.

Он медленно бредет по улицам разрушенных городов.
И вот он — в Багдаде.
И нищие роются в куче мусора,
И женщины с сапфировыми глазами,
Прячась в глубине длинных стрельчатых окон,
Шлют ему из-под чадры свои улыбки.

Музыка. Ветер.

Но все это — бутафория, папье-маше, раскрашенный холст,
Театральный реквизит со штампом студии.
И за фасадами зданий —
Пустота.

Шаги. Стук доски о доску.

Старик ставит на землю свой ящик с инструментом
Рядом с корзинкой с едой,
Вынимает из ящика молоток и гвозди.

Пауза.

Он стоит посреди руин Лондона.
Кто-то поднимает доски, ставит их вертикально.
Он что-то ищет среди развалин,
- Пока не находит несколько крепких досок и кусок холста.
Своими подагрическими пальцами
Он берет несколько гвоздей — это речные гвозди —
И начинает заново строить Лондон,
И заколачивает, и пригоняет
Доску за доской, стенку за стенкой.

*Стук молотка размеренный, упорный. Шелест холстяных стен.
Настойчивое заколачивание гвоздей — все громче и громче.
Музыка повторяет ритм строительства.*

Я н г (издалека). Эй вы! Кто там?

С м и т (наш старик). А?

После короткой паузы стук молотка возобновляется с той же непреклонной настойчивостью.

Я н г. Эй, сторож! Как вас там? (Приближаясь.) Эй, папаша, как ваше имя?

С м и т. Смит. Меня зовут Смит.

Я н г. Смит? Прекрасно! Что это вы задумали?

С м и т. А вы кто такой?

Я н г. Янг, бригадир демонtajнников.

С м и т. Тех, кто снес все это? Для одного дня не мало. Почему же вы не сидите дома и не хвастаетесь своими успехами?

Я н г. Я пришел проверить таран, который мы оставили на ночь у Сингапура. А вы что тут делаете, Смит?

С м и т. А как по-вашему, что я тут делаю?

На всем протяжении сцены неуклонное, упорное постукивание молотка.

Я н г. Не надо нервничать, папаша. Мне и без слов ясно, что вы тут творите. Положите-ка молоток, что за блажь пришла вам в голову?

С м и т. Уходите отсюда, молодой человек. Оставьте меня в покое. Это мое дело, что я тут творю.

Я н г. Мы это сносили, а вы все ставите на место. Да вы что, совсем спятили?

С м и т. Быть может. Кому-то ведь надо восстанавливать разрушенное.

Я н г. Как, вы сказали, вас зовут?

С м и т. Томас М. Смит.

Я н г (записывая). Смит... Томас... Мм... Так, отлично!

С м и т. Записываете мое имя? Да?

Я н г. Послушай, старик. Я не хочу неприятностей. Я делаю свое дело, ты — свое. Но не могу же я позволить, чтобы мне все вверх дном здесь перевернули. Слышишь? Я сообщу мистеру Дугласу.

С м и т (продолжая заколачивать). Пошлите его сюда. Пусть приходит, мне нужно с ним поговорить. Это он — сумасшедший. Пошлите его сюда, скажите, что я хочу его видеть.

Я н г. Ты что, смеешься? Дуглас никого не принимает, н и к о г о! (Смеется.) Позвать его, как же! (Внезапно что-то заметил.) Эй! Какие это гвозди ты вколачиваешь? Реечные?! Сейчас же перестань! Это же адская работа вытаскивать их завтра утром.

С м и т. Простыми гвоздями не сколотишь мир. Они слишком легко вытаскиваются. Тут требуются реечные гвозди, и вколачивать их следует глубоко — вот так! (Заколачивает гвозди.)

Ему нет пути, кроме,
кроме, кроме как

С м и т. Ничего вы не понимаете! *(Пауза.)* Послушайте *(прерывисто дышит)*, вы хотите, чтобы я спустился? Хотите?

Пауза.

Первый мужчина. Да. А что для этого нужно?

С м и т. Приведите сюда мистера Дугласа.

Первый мужчина. Что?

С м и т. Вы же слышали. Приведите сюда мистера Дугласа, и я спущусь.

Первый мужчина. Мы не можем. Мистер Дуглас — человек занятой.

С м и т. Приведите его сюда, иначе, прежде чем вы успеете мне помешать, я сожгу все, что здесь осталось. Я проберусь во все закоулки: уж что-что, а это место я знаю как свои пять пальцев! Вам лучше пригласить сюда мистера Дугласа.

Второй мужчина. Не спорьте с ним. Он невменяем. Притащите сюда Дугласа, pronto *. Если ему нужен Дуглас, он его получит.

С м и т *(тихо смеется, говорит про себя)*. Я знал, как заставить их повернуться. А сейчас я просто зажгу спичку *(чиркает спичкой)* и закурю сигару. *(Затягивается.)*

Музыка.

Первый мужчина. Вот он, мистер Дуглас. На самой верхотуре Нотр-Дам, вон там, видите?

Дуглас. Что ему от меня нужно? *(Зовет.)* Эй, там, наверху, что вам от меня нужно?

С м и т *(кричит вниз с большой высоты)*. Подымитесь наверх, мистер Дуглас, мне необходимо поговорить с вами!

Первый мужчина. Не надо, мистер Дуглас. Он сумасшедший.

С м и т. Можете захватить револьвер, если хотите. Я просто хочу побеседовать с вами.

Первый мужчина. Не делайте этого, мистер Дуглас.

Дуглас. Не учите меня, что мне нужно и что не нужно делать. Я иду.

Первый мужчина. Возьмите по крайней мере мой револьвер.

Дуглас. Ладно, давайте. Нужно поскорее покончить с этим, через час я должен быть в гостях. Подымусь до середины и не буду выставляться. Держите оружие наготове. Не хватало, чтобы он устроил здесь пожар. Материалы теперь в цене, и достать их почти невозможно. Это все надо разобрать и отправить на другую площадку. О'кэй. Прикрывайте меня, я полез. *(Взбирается вверх по лестнице, тяжело дышит.)* Я иду, Смит. Но не

Pronto — быстро (итал.).

вздумайте шутки шутить — мои люди держат нас обоих на мушке.

С м и т (*кричит сверху*). А я и не собираюсь шутить! Зачем мне это? Вы подымайтесь, не бойтесь.

Дуглас лезет все выше и выше. Легкий ветерок.

Д у г л а с (*перебрасывает ногу через паранет; предварительно отдышавшись*). Ну вот, я здесь, Смит. Не двигайтесь — у меня револьвер.

С м и т. Я его не боюсь. Я не буду двигаться. И вы меня не бойтесь. Я ведь не сумасшедший.

Д у г л а с. Не поручусь за это.

С м и т. Мистер Дуглас, вы когда-нибудь читали рассказ о человеке, который отправился в будущее — на двести лет вперед? Он обнаружил, что все люди в этом будущем сошли с ума. Да-да, все до единого. Но так как все они были сумасшедшими, то ни один из них об этом не догадывался. Они все вели себя одинаково, поэтому и считали себя нормальными. И так как наш герой был среди них единственным здоровым, то ненормальным казался он, во всяком случае в их глазах. Да, мистер Дуглас, сумасшествие — вещь относительная. Она зависит от того, кто именно заперт в какой клетке.

Д у г л а с. Знаете, я взобрался сюда не для того, чтобы всю ночь болтать с вами. Ближе к делу: чего вы хотите?

С м и т. Я хотел поговорить с господом богом. С вами, мистер Дуглас.

Д у г л а с. Со мной?

С м и т. Да, с вами. Ведь вы — почти что бог. Вы сотворили все это. Однажды вы пришли сюда, коснулись земли вашей магической чековой книжкой, хлопнули в ладоши и возгласили: «Да будет здесь Париж!» И стал здесь Париж: улицы, быстро, цветы — все. Вы были богом, творцом мира. И вы снова хлопнули в ладоши и снова возгласили: «Да будет здесь Константинополь!» И он стал. Вы хлопали в ладоши тысячи раз, и всякий раз вы творили что-то новое. А теперь вы решили, что стоит вам хлопнуть в ладоши еще разок — и все это превратится в руины? Но, мистер Дуглас, это не так просто.

Д у г л а с. Мне принадлежат пятьдесят восемь процентов акций этой студии.

С м и т. А вам никогда не приходило в голову прийти сюда как-нибудь ночью, подняться наверх и обозреть удивительный мир, который вы создали? Не приходило в голову прийти сюда и посидеть со мной и моими друзьями и распить бутылочку амонтиллядо шерри? Пусть этот амонтиллядо пахнет и выглядит, как кофе, — подумашь! Фантазия, мистер творец, все дело в фантазии! Но нет, вам это в голову не приходило.

Вы не взбирались наверх. У вас не было времени. Вас всегда где-то ждали. А сейчас уже поздно, сейчас вы хотите, не спрашивая нас, уничтожить все это. Может быть, вы и владеете пятьюдесятью восемью процентами всех акций студии, но вы не владеете всеми ими.

Дуглас. «Всеми ими»! Кто это — они?

Смит. Они? Это трудно объяснить словами — люди, живущие здесь.

Дуглас. Здесь нет никаких людей.

Музыка.

Смит. Есть тут люди. За эти годы тут было снято множество фильмов. Статисты заполняли улицы. В костюмах. Они говорили на множестве наречий. Они курили папиросы, трубки, даже персидский кальян. Танцевали танцовщицы. Все на них сверкало. Женщины под чадрой улыбались из стрельчатых окон. Маршировали солдаты. Играли дети. Сражались рыцари в доспехах. Здесь были маленькие чайные. Люди попивали в них чай и говорили, не заботясь о правилах грамматики. На судах отбивали склянки. Корабли викингов бороздили моря.

Дуглас. Здесь что-то холодно.

Смит (*не слушая*). И вот не знаю уж почему, но когда исчезли статисты и операторы с их камерами, техникой и микрофонами, после того как все ушли, и закрылись ворота, и все укатили в своих роскошных лимузинах, что-то от этих людей осталось. То, чем они были или хотели казаться, — это не ушло. Чужеродные языки, костюмы, то, что они делали, о чем думали, их манеры, их религия. Все эти маленькие детали остались. Образ далеких городов. Их запах. Соленый ветер. Море. Все это с нами, сейчас, если вы прислушаетесь хорошенько.

Свист.

Дуглас. Ммм, ветер!

Смит. Вы слышали! Вы слышали, ведь правда? Черт побери, вы слышали, я вижу это по вашему лицу.

Дуглас. Ну, если я сознаюсь в этом, значит, у меня богатое воображение. Но вам следовало быть писателем. Ну-с, а теперь готовы ли вы спуститься?

Смит. А вы стали вежливее.

Дуглас. Разве? С чего бы это? Вы испортили мне отличный вечер.

Смит. Разве? Этот также был неплох, а? Не такой, как все. Я бы сказал, даже стимулирующий.

Пауза.

Дуглас. Вы забавный старик. Не могу вас понять, правда. Но очень бы хотелось.

Смит. Не хотите ли вы сказать, что я заставил вас задуматься? Вы как-то поутихли.

Дуглас. Кого только не встретишь, живя в Голливуде. А я тут пожил достаточно. К тому же мне никогда раньше не приходилось бывать на этой площадке. Но вас-то почему волнует весь этот мусор? Что он вам, хотел бы я знать?

Смит. Я покажу вам, что он мне. Как я уже говорил, вы пришли сюда много лет назад, хлопнули в ладоши — и появились города. Двадцать, пятьдесят, сотня. Вы добавили сюда с сотню различных наций, полтысячи разных людей, и религий, и политических систем и все обнесли колючим забором.

Дуглас (*механически*). И начались беспорядки.

Смит. Вот именно. Нельзя заставить столько людей ютиться в такой тесноте — обязательно начнутся беспорядки. Но они вдруг прекратились. Знаете почему?

Дуглас. Если бы я знал, я не торчал бы здесь и не мерз на ветру.

Музыка.

Смит. А потому, что Бостон вы присоединили к Тринидаду, да так, что часть Тринидада высунулась из Лиссабона, а часть Лиссабона уперлась в Александрию, Александрию же вы подперли Шанхаем и между ними насовали всякую мелочишку, вроде Чатануги, Оги-Когги, Осло, Суит Уотера, Свасока, Бейрута, Бомбея и Порт Артура. В человека стреляют в Нью-Йорке, и он, качнувшись, падает мертвым в Афинах. В Чикаго берут политическую взятку, а кто-то в Лондоне идет за это в тюрьму. Вы вешаете негра в Алабаме, а венгры должны его хоронить. Мертвые польские евреи переполняют улицы Сиднея, Портланда и Токио. Вы всадили нож в брюхо человеку в Берлине, а его рукоятка торчит из спины другого в Мемфисе. Все так тесно переплелось, так невероятно тесно... Вот почему у нас здесь мир. Нас так много, мир просто необходим, иначе ничего не останется. Один пожар погубит всех нас, независимо от того, кто поджег и по каким причинам. Вот почему все люди или их тени, если уж вам так хочется, спокойно живут здесь, в этом мире, и это хороший мир! А завтра вы его разрушите.

Музыка прекращается. Ветер ласково обвеивает декорации.

Дуглас (*откашливается*). Хм... Понимаю. (*Смущенно.*) Э-э, может, мы спустимся теперь?

Смит. Да, я готов идти, если вы желаете. Спускайтесь первым,

мистер Дуглас. Вы мне не доверяете, я понимаю. Но я вас не знаю. Ступайте, я за вами.

Шаги спускающихся людей.

(Задыхаясь.) Ну, вот мы и спустились. (Пауза.) Что же вы намерены делать сейчас?

Дуглас. Я? Право, не знаю. Пойду на вечер, я полагаю.

Смит. Там будет весело?

Дуглас (неуверенно). Да. (Несколько раздраженно.) Да! Конечно, там будет весело. (Пауза.) Неужели вы так и не бросили свой молоток?

Смит. Нет, не бросил.

Дуглас. И вы снова начнете строить?

Смит. Да. Кому от этого вред? Это же не опасно, не так ли?

Дуглас. Пожалуй, у меня нет оснований запретить вам строить. А вы не сдаетесь, правда?

Смит. А вы бы сдались, если бы оказались последним строителем, а вокруг вас — одни разрушители?

Дуглас. Мне кажется, я вас понимаю. Ну что ж, может, мы еще увидимся, Смит.

Смит. Нет, меня здесь больше не будет. И этого всего больше не будет. Когда вы вернетесь сюда снова, будет слишком поздно.

Дуглас (смущенно). Ах да, я забыл. Ой, уже полдесятого. Не могу же я стоять тут и болтать всю ночь.

Смит. Конечно, не можете.

Дуглас. Не смотрите на меня так. Ну, что вы хотите, чтобы я сделал?

Смит. Простую вещь.

Дуглас. Какую?

Смит. Оставьте все как есть. Пусть эти города остаются.

Дуглас. Я не могу.

Смит. Почему?

Дуглас. О черт, не могу, и все. По деловым соображениям. Их необходимо снести.

Смит. Человек с деловым соображением мог бы оставить их стоять и еще извлечь из этого прибыль.

Дуглас. Слушая вас, можно подумать, что я негодяй.

Смит. А это уж вам решать.

Дуглас. Меня ждет машина. Куда тут идти?

Грохот падающих досок.

Смит. Осторожней! Дом рушится.

Дуглас вскрикивает. Чудовищный грохот, как от падающего здания.

Прыгайте! Сюда!

Здание обвалилось. Тишина.

(Прерывисто дышит.) Вы не ушиблись?

Дуглас. Нет. *(Тяжело переводит дыхание.)* Нет. Спасибо. Спасибо. Вы, кажется, спасли мне жизнь.

Смит. Ну, едва ли. Камни же из папье-маше. Вас бы поцарапало немножко.

Дуглас. Все равно спасибо. Какое это здание упало?

Смит. Это была норманнская башня, построенная в 1925 году. Не приближайтесь, могут рухнуть и остальные стены.

Дуглас. Я буду осторожен. *(Проверяет устойчивость декораций.)* Господи, да я одной рукой могу свернуть всю эту машину.

Смит. Вы этого не сделаете.

Дуглас. Не сделаю? Почему? Что мне может помешать? Одним французским домом больше или меньше — какая разница?

Смит. А вот я сейчас покажу вам, какая разница. Обойдите этот дом кругом.

Дуглас ворчливо повинуется. Шаги по строительному мусору.

Вот. Читайте вывеску на другой стороне.

Дуглас *(читает)*. Первый национальный банк. Мельвин Таун. *(Пауза.)* Иллинойс.

Молчание. Порыв ветра.

С одной стороны — французская башня. С другой *(бродит по руинам)* — первый национальный банк. Банк — башня — банк — башня. Хм...

мит. Ну что, вы по-прежнему хотите снести французскую башню, мистер Дуглас?

Дуглас. А?

Смит. Я сказал, вы по-прежнему хотите...

Дуглас. Не мешайте мне, я думаю.

Музыка.

Э... Что это там?

Смит. Китайская пагода.

Дуглас. А внутри?

Смит. Бревенчатая хижина, в которой родился Линкольн.

Свист ветра. И их шаги — все быстрее и быстрее.

Дуглас. А это?

Смит. Церковь св. Патрика в Нью-Йорке.

Дуглас. А внутри?

Смит. Русская православная церковь в Ростове.

Дуглас. А это что?

Смит. Это? Не так быстро, мистер Дуглас. Это? Это — дверь замка на Рейне.

Дуглас. А внутри?

Смит. Питьевой фонтан в Канзас Сити.

Дуглас (*под аккомпанемент музыки, которая в конце концов переключает его слова*). А здесь? А здесь? А там? Это что? А это? А это? Это?

Музыка затихает.

(*Курит.*) Пожалуйста. (*Пауза.*) Возьмите сигарету.

Смит. Спасибо.

Щелкает зажигалка. Медленные затяжки.

Дуглас. Молоток при вас?

Смит. (*Пауза.*) Да, сэр.

Дуглас. Гвозди?

Смит. Да, сэр.

Дуглас (*курит, затем медленно*). Составьте все это заново.

Смит. Что вы сказали?

Дуглас. Вы же слышали. (*Громче.*) Приколотите все на место. Подкрасьте, где понадобится. Соберите все, как было. (*Курит.*) Мне кажется, я понял, что вы имели в виду, когда говорили, что человек с настоящим воображением может придумать, как оставить все это на месте и к тому же извлечь из этого выгоду. Я и придумал.

Смит (*пораженный, молчит, затем недоверчиво*). Вы... вы ведь не обманываете старика?

Дуглас. Когда речь идет о трехмиллионном вложении, тут уж не до обмана. (*Молчание. Курит.*) Я сделаю прекрасный фильм. Прекрасный. Мы заснимем его здесь — внутри ограды — целиком. Мы покажем все, что здесь есть. В десяти ракурсах. Сюжет у нас имеется, подсказали его вы. Это ваша идея. Мы засадим за нее писателей — самых лучших. Нам понадобится заголовок — что-то вроде «Единый мир». А когда мы отснимем его, мы заберем его отсюда и покажем всем людям, живущим на земле. Он им понравится, он должен им понравиться. Люди не смогут пройти мимо такого фильма — слишком уж важно то, о чем он будет говорить! (*Пауза.*) Смит, вы раздобыли себе новую работу, да и я, кажется, тоже. Вы будете техническим директором картины. А пока — беритесь за молоток! (*Деловым тоном.*) Итак, увидимся завтра. Нам придется обсудить кое-какие вопросы. И... Уф! Какой собачий холод!

Смит. Хотите выпить, мистер Дуглас?

Д у г л а с. Не откажусь. Капельку вашего... как оно называется?

С м и т. Амонтиллядо шерри 1876 года.

Д у г л а с. Амонтиллядо — вот так имечко. Налейте немножко.

Отвинчивается крышка термоса. Льется жидкость.

С м и т. Прошу.

Д у г л а с. Благодарю. За ваше здоровье. *(Пьет.)* Уф, хорошо!

С м и т. Конечно, оно, возможно, отдает кофе, но, уверяю вас, это один из лучших сортов амонтиллядо, когда-либо разлитых по бутылкам.

Д у г л а с. Могу подтвердить где угодно! Ну-с, мне пора, старина. И поосторожней с сигаретой.

С м и т. С сигаретой?

Д у г л а с. Вы что? Хотите спалить весь этот чертов мир?

С м и т *(смеется)*. Я буду осторожен.

Д у г л а с. Пока, Смит. *(Удаляясь.)* Ох, я опаздываю же я.

С м и т. Пока, мистер Дуглас. Пока.

Быстрые, уверенные шаги. Останавливаются. Калитка открывается. Снова затворяется. Шаги. Ветер.

Ну же, дочка, ну!

Музыка безудержная, шальная.

Диктор. Каждое воскресенье в утреннем выпуске «Нью-Йорк Таймс» вы можете увидеть целую галерею фотографий обворожительно улыбающихся молодых женщин. Под каждой — короткая заметка с заголовком типа «Свадьба Этель Глазгоу», «Сью Поттер строит планы будущего», «Помолвка мисс де ля Визи», а иногда просто «Джонс тире Смит». Чаще всего хорошенькие новобрачные попадают на обертку сэндвичей или же их расстилают на полу кухни под веревками с развешенным бельем, и водяные струйки медленно стекают по их газетному декольте.

Музыка — стон медных инструментов.

Но в доме Пегги Маркс эти газетные странички сохранялись самым тщательным образом.

Музыка — стон медяшек на целую октаву ниже.

Каждый вечер сразу после ужина мать Пегги расстилает их на обеденном столе. Миссис Маркс обожает свадьбы.

Миссис Маркс (*прищелкивая языком*). Тц, тц, ты только посмотри на эту, Пегги, Пегги.

Пегги. А?

Миссис Маркс. Я ведь к тебе обращаюсь.

Пегги. Ну?

Миссис Маркс. Ты читала вот это? «Саутхемптон. Мистер и миссис Алистер Аллен...

Пегги (*в ее голосе предупреждение*). Ма...

Миссис Маркс (*ничего не слышит*). ...из Саутхемптона, штат Нью-Йорк, объявляют о помолвке...

Пегги. Ма! Мы же с тобой договорились!

Миссис Маркс. ...выпускницы колледжа Маунт Холлоук!..» Как интересно!

Пегги. Сногсшибательно! А там не сказано, какая у нее отметка по-английскому?

Миссис Маркс. Нет. Но, может быть, ниже...

Пегги. Ладно, ма, не важно.

Миссис Маркс. Здесь сказано, что она прекрасно ездит верхом. Пегги. Дорогая, держу пари, что у бегемота и то больше такта, чем у тебя.

Миссис Маркс. Хм, ты обратила внимание, что богатым девушкам всегда достаются богатые парни? Странно, правда?

Пегги. Поразительно!

Миссис Маркс. Что это с тобой сегодня, Пегги? Плохо себя чувствуешь?

Пегги. Почему ты не можешь оставить меня в покое?

Миссис Маркс. Да что случилось, хотела бы я знать? Что я такого сделала — просто читаю газету.

Пегги. И, как всегда, объявления о свадьбах. Почему бы тебе не просмотреть новости кино, например, или спортивную хронику?

Миссис Маркс. Так уж получилось, чистая случайность.

Пегги. О, конечно, конечно.

Миссис Маркс. Они такие счастливые на этих фотографиях.

Пегги. Тебе не надоело есть меня поедом?

Миссис Маркс. Тебя, поедом? Я мать, и я имею право беспокоиться. Время не стоит на месте.

Пегги. Но, мама, добро бы я засиделась в девках, была бы перестарком, — мне ведь только двадцать шесть! А может, я вообще не выйду замуж?

Миссис Маркс *(в ужасе)*. Упаси господь! Сейчас же скажи: «Сухо дерево». *(Стучит по дереву.)*

Пегги *(мягче)*. Послушай, ма. Я понимаю, ты хочешь мне добра, но так же нельзя — ты просто не даешь мне покоя. Еще немного — и я начну гадать на бобах, лить воск и бог знает что еще вытворять.

Миссис Маркс. Я хочу, чтобы моя дочь была счастлива.

Пегги. Я знаю, ма, и я люблю тебя за это. Но дела мои вовсе не так плохи, — когда я хожу на танцы, мне не приходится подпирать стенку.

Миссис Маркс. Как это?

Пегги. Я хочу сказать, что у меня есть несколько знакомых парней, которые нравятся мне, и несколько таких, которым нравлюсь я. Все образуется.

Миссис Маркс. Поскорее бы.

Пегги *(сдаваясь)*. Ну вот опять! Мама, милая, я так устаю на работе: с девяти до пяти я гляжу в разинутые рты, пока доктор пломбирует гнилые зубы. Неужели ты не можешь дать мне спокойно отдохнуть, когда я возвращаюсь домой?

Миссис Маркс. Вот видишь, если бы у тебя был муж, тебе не пришлось бы так много работать.

Пегги. Тебя не переспоришь, пора бы мне это знать!

Миссис Маркс (*осторожно*). Говорят, зубные врачи неплохо зарабатывают.

Пегги. Можешь не продолжать. Доктору Прентису сорок пять, у него жена, трое детей и плоскостопие. К тому же, насколько мне известно, я ему не нравлюсь.

Миссис Маркс. Я вовсе не о нем, я имела в виду другого дантиста.

Пегги. Другого?

Миссис Маркс. Молодого человека, который живет над нами. Он в этом месяце заканчивает зубоврачебную школу. Я познакомилась с его матерью внизу, в подвале, у стиральной машины. У нее крутоновые занавески.

Пегги. И они не крошатся?

Миссис Маркс. Что?

Пегги. Кретоновые, ма, кретоновые, крутон — это хлеб.

Миссис Маркс. Не все ли равно — кретон, крутон, лишь бы они окна закрывали. О чем это я говорила?

Пегги. Меня это мало интересует.

Миссис Маркс. Ах да, о другом дантисте. Он милый молодой человек. Я встретила его в лифте.

Пегги. Такой кудрявый, сходит на шестом?

Миссис Маркс. Да, квартира 5 «Б». Значит, ты обратила на него внимание?

Пегги (*сурово*). Мама, сейчас же прекрати это — я за версту чую сватовство.

Миссис Маркс. Но я же ничего не сказала.

Пегги. Вот и отлично.

Миссис Маркс (*печально прищелкивает языком*). Тц-тц-тц.

Пегги (*смеясь*). О'кэй, ма, сдаюсь. Надень пальто, мы идем в кино, а потом выпьем содовой. Сегодня фильм с участием Хемфри Богарта. Что ни кадр, то новое убийство. Надеюсь, что это хоть ненадолго отвлечет тебя от мыслей о флердоранже.

Музыка — свадебный марш, который переходит в песенку «Чисто стираем мы наше белье...».

Гул стиральной машины.

Миссис Каллат (*входя*). Хелло, миссис Маркс. Опять стирка?

Миссис Маркс. О, хелло, миссис Каллат.

Миссис Каллат. Какое это облегчение, когда в подвале имеется стиральная машина. А помните раньше?

Миссис Маркс. Еще бы — до сих пор спина болит от корыта.

Гул машины стихает.

Ну вот, еще минута — и готово.

Миссис Каллат. Не спешите, миссис Маркс, отдохните. Мой мальчик всегда говорит мне: «Куда торопиться, ма, отдохни!»

Миссис Маркс (*невинно*). Ваш сын учится в колледже?

Миссис Каллат. Он через месяц оканчивает зубо врачебную школу.

Миссис Маркс. Неужели? Как мило. Хорошо иметь врача в семье. Я всегда говорю моей дочери Пегги: ничего нет лучше, когда у тебя в семье свой собственный врач.

Миссис Каллат. Зубной!

Миссис Маркс. Не все ли равно. Но, подумать только, какое совпадение!

Миссис Каллат. Она у вас тоже дантист?

Миссис Маркс. Нет, моя Пегги работает у дантиста.

Миссис Каллат. Подумайте!

Миссис Маркс. Доктор Прентис. Но он женат.

Миссис Каллат. Что вы сказали?

Миссис Маркс. О, я говорю, она не очень довольна своим местом. Моей Пегги хотелось бы иметь работу с... с перспективой.

Миссис Каллат. Вы знаете, миссис Маркс, мой мальчик Аллен, он кончает через месяц... и... Но нет...

Миссис Маркс. Что «нет», миссис Каллат?

Миссис Каллат. Ах, все это глупости.

Миссис Маркс. Да не томите вы, ради бога!

Миссис Каллат. Вот было бы забавно, если б...

Миссис Маркс. Если б?

Миссис Каллат. Он ведь сразу открывает кабинет...

Миссис Маркс. Да?

Миссис Каллат. И ему понадобится сестра.

Миссис Маркс (*ее озарило*). О, теперь я понимаю, что вы имели в виду.

Миссис Каллат. Вы не думайте, у него девушек хоть отбавляй, зубной врач — такая партия!

Миссис Маркс. Конечно!

Миссис Каллат. Но я уверена, он будет просто счастлив пригласить вашу Пегги.

Миссис Маркс. Вы понимаете, миссис Каллат, моя Пегги пользуется таким успехом. Я знаю троих, нет, четверых, которые за честь почли бы, стоит ей сделать так... (*Щелкает пальцами.*)

Миссис Каллат. Само собой, миссис Маркс, иначе и быть не может. Но вдруг у нее окажется свободный вечер?

Миссис Маркс. Хм, это будет не так-то просто устроить, миссис Каллат; я же говорила — моя Пегги такая независимая, просто ужас.

Миссис Каллат. Признаться по чести, мой Аллен упрям как мул.

Миссис Маркс. Когда выпускной бал?

Миссис Каллат. Через месяц.

Миссис Маркс. Месяц? Пожалуй, тогда у нас есть время, как вы думаете, миссис Каллат?

Миссис Каллат. О, предостаточно.

Стиральная машина заработала вновь.

Музыка — быстрая, надоедливая.

Миссис Маркс. Стой спокойно. Не хочешь же ты, чтобы платье висело на тебе мешком?

Пегги. Мешком? Ты так меня затащила, что мне придется танцевать боком.

Миссис Маркс. Я хочу, чтобы ты хорошо выглядела. Не каждый же вечер удастся попасть на выпускной бал.

Пегги. Если бы это зависело от меня, я бы не пошла и на этот.

Миссис Маркс. Пегги!

Пегги. Я просто хочу, чтобы ты знала — все это ни к чему!

Миссис Маркс (*невинно*). Ты это о чем? Подними руки.

Пегги. Я ведь все вижу, мама, — вот уж целый месяц, как ты мне расставляешь ловушку.

Миссис Маркс. Тц, тц, и тебе не стыдно так говорить?

Пегги. Вдруг ни с того ни с сего: «Пегги, почему бы тебе не сделать новое платье? Пегги, сходила бы ты в парикмахерскую волосы уложить».

Миссис Маркс. Разве тебе не хочется быть красивой?

Пегги. Я попалась как муха в паутину. Как крыса в мышеловку.

Миссис Маркс. Ты могла бы сказать «нет».

Пегги. После того как ты объявила ему по телефону, что я умираю от желания пойти?

Миссис Маркс. Я передала ему твои слова.

Пегги. Ма, ты прекрасно знаешь, что мои слова были: «Лучше умру, чем пойду».

Миссис Маркс. Это одно и то же. Ты в это время принимала душ — я ничего толком не могла разобрать.

Пегги. Ладно, ма. Тебе удалось втиснуть меня в эту кишку, которую ты называешь платьем. И ты добила своего — я тащусь на этот бал.

Миссис Маркс. Опустите руки!

Пегги. Но имею я право сказать, что мне это не нравится?

Миссис Маркс. Нравится, не нравится... Выдохни!

Пегги. Если ты застегнешь молнию, мне не вздохнуть.

Миссис Маркс. Не говори глупостей. (*Затягивает длинную застежку-молнию.*) Ну вот!

Пегги. Тебе еще не надоело охотиться за мужьями для меня? Я ведь тебе не выдавала доверенности, ма. Хоть бы я знала, кто он такой, этот доктор.

Миссис Маркс. Я же тебе говорила — живет над нами, очень милый юноша, кончает зубо врачебную школу.

Пегги. Какие исчерпывающие сведения! Он, наверно, весь вечер будет развлекать меня трогательными историями об амальгамах и воспалениях надкостницы.

Миссис Маркс. Готово! Гм, ты такая хорошенькая — настоящая Золушка!

Пегги. В полночь я превращусь в зуб мудрости. Ну-с, где же наш молодой врачеватель челюстей?

Миссис Маркс. Сейчас придет. Ты что, волнуешься?

Пегги. Скорей бы уж эта операция закончилась. Как, ты говоришь, зовут это будущее светило?

Миссис Маркс (с гордостью). Аллен Каллат. Доктор Аллен Каллат.

Звонок в дверь.

Пегги. Срежиссировано гениально. Ма, у тебя вид кошки, проглотившей канарейку.

Миссис Маркс. Иди же, не заставляй его ждать.

Пегги. Открой ты, мне нужно нос попудрить.

Миссис Маркс. О господи...

Пегги (удаляясь). И прошу запомнить, ма...

Миссис Маркс. Что еще?

Пегги. Я уж так и быть попляшу сегодня во славу Америки и ее здоровых челюстей, но на этом точка. — Понимаешь? Точка!

Звонок в дверь.

Миссис Маркс. Иду, иду... (Открывает дверь.) Входите, прошу вас.

Аллен. Миссис Маркс? Я пришел за Пегги.

Миссис Маркс. Проходите. Садитесь, пожалуйста, она сейчас — только напудрит нос. О, фрак... Да вы настоящий джентльмен.

Аллен. Я вам признаюсь, я взял его напрокат.

Миссис Маркс. Но он сидит как влитой.

Аллен. Боюсь, что на этот раз немножко перелили.

Миссис Маркс. Садитесь же. Ой!

Аллен. Что такое?

Миссис Маркс. Вы сомнете фалды.

Аллен. А! Спасибо! (Пауза.)

Миссис Маркс. Угощайтесь. Хотите мандарин?

Аллен. Нет, спасибо. Я только что отужинал.

Миссис Маркс. Я знаю. Кольраби. Запах был слышен по всему дому.

Аллен. Мама делает кисло-сладкую — очень вкусно.

Миссис Маркс. Очень. Чем она окисляет — уксусом?

Аллен. Лимоном.

Миссис Маркс. О, лимон тоже неплохо. Моя мама говорила...

Пегги (*входит*). Что тут, кулинарные курсы?

Миссис Маркс. Ага, Пегги. Это — доктор Каллат. Доктор Каллат, это моя Пегги. Надеюсь, вы хорошо повеселитесь.

Музыка — переключение на танцевальный ритм — унылый мотив, играют главным образом ударные инструменты. Танцует большая толпа.

Пегги. Ну?

Аллен. Что?

Пегги. Я сказала «ну».

Аллен. Что — ну?

Пегги. Просто ну.

Аллен. О! (*Пауза.*) Пегги?

Пегги. Да?

Аллен. Хотите... хотите танцевать?

Пегги. Да, конечно. (*Скрип стула.*) Э...

Аллен. Что-нибудь случилось?

Пегги. Вы стоите на моем платье.

Аллен. Простите, ради бога.

Пегги. Пустяки.

Аллен. Право же, я...

Пегги. О господи, давайте танцевать.

Аллен. Давайте. (*Пауза.*) Ох, простите.

Пауза.

Пегги приглушенно охает.

О, я такой неловкий.

Пегги. Все в порядке.

Аллен. Наверно, нужно было прийти раньше.

Пегги. Вы думаете? Мне и так вечер кажется бесконечным.

Аллен. Ох, простите!

Пегги. Пустяки.

Музыка спотыкающаяся, усталая. Намек на песню «Три часа утра».

Миссис Маркс (*в глубине*). Пегги. (*Пауза.*) Пегги!

Пегги. Да, ма.

Миссис Маркс (*в глубине*). Ну, как все было?

Пегги. Завтра утром, ма.

Миссис Маркс. Завтра? Я всю ночь не сомкнула глаз, дожидаясь...

Пегги. Но послушай, ма, я устала, я...

Миссис Маркс. Я прислушивалась к каждому шагу на лестнице.

Пегги (*вздых*). Ну хорошо.

Миссис Маркс. Иди сюда, зажги свет.

Пегги. Погоди, дай снять пальто. Ну, что ты хочешь?

Миссис Маркс. Сядь ко мне на постель.

Скрип пружин.

Пегги. Уф, бедные мои ноги.

Стук сброшенного с ноги башмака.

Мне казалось, что их придется оттирать клещами.

Миссис Маркс. Скинь другой.

Еще удар.

Пегги (*устало*). Ну-с...

Миссис Маркс. Ты танцевала?

Пегги. Я танцевала.

Миссис Маркс. Пластинки или настоящий оркестр?

Пегги. Пять инструментов, но слышен был только барабан.

Миссис Маркс. Ха, значит, это был настоящий бал. Назад выехали в такси?

Пегги. Угу. Молодой доктор Каллат вздрагивал каждый раз, когда стрелка счетчика перескакивала на новую цифру.

Миссис Маркс (*доверительно*). Ну и как он тебе понравился?

Пегги. По каждой статье в отдельности или можно сразу вместе?

Миссис Маркс. Ну, знаешь, Пегги, иногда ты просто выводишь меня из себя.

Пегги. Я вывожу тебя?

Миссис Маркс. Пегги, еще слово, и я... Пожалуйста, ответь на самый последний вопрос, больше я не буду, — ты хорошо провела время?

Пегги. Нет.

Миссис Маркс. Я хотела сказать — он тебе понравился?

Пегги. Я ведь уже предупреждала тебя, ма. Когда ты наконец повзрослеешь? Ты не должна выбирать мне мужа — сейчас не средние века.

Миссис Маркс. Моя мама позаботилась о том, чтобы я встретила твоего отца, упокой господи его душу. Что, ты лучше меня?

Пегги. Совсем не в том дело, ты же знаешь, мама.

Миссис Маркс. А что тебе еще нужно? Этот Аллен, он очень милый.

Пегги (*предупреждает*). Ма!

Миссис Маркс. И приятной наружности. Подумаешь, очки! Доктору они только придают солидность.

Пегги (*устало*). Я не собираюсь сидеть с тобой всю ночь и слушать эту чепуху.

Миссис Маркс. А кто тебя держит? Такой парены!

Пегги. Послушай, ма. У меня опухли ноги, молния въелась мне в спину, завтра мне вставать чуть свет. Неужели тебе не надоело есть меня поедом? «Пегги, выходи замуж!» «Пегги, выходи замуж!» Другого я от тебя не слышу.

Миссис Маркс. А что я такого сказала?

Пегги. Действительно, что?

Миссис Маркс. Я только и делаю, что молчу, мне и слово сказать не дают.

Пегги. Бедняжка!

Миссис Маркс. Я сойду в могилу, и никто не узнает, что моя дочь не дала мне рта раскрыть.

Пегги. Мама, пожалуйста...

Миссис Маркс. Зубной врач ей не подходит! Ты, может быть, миллионера ждешь?

Пегги. Я дам тебе знать утром.

Скрип пружин.

Спокойной ночи, мама.

Миссис Маркс. Пегги!..

Пегги. Что еще?

Миссис Маркс. А он тебе совсем не понравился?

Музыка готова взорваться от злости.

Уличный шум: гудки машин, автобусов.

Миссис Каллат. Хелло, миссис Маркс, ходили за покупками?

Миссис Маркс. Хелло, миссис Каллат, я качу эту тележку с самого Бродвея.

Миссис Каллат. Вы покупаете продукты в магазине самообслуживания?

Миссис Маркс. С тех пор как приобрела эту тележку. Замечательное изобретение. Покупать продукты теперь — одно удовольствие.

Миссис Каллат. Ну и нагрузили вы ее! Что я вижу — малиновый мусс!

Миссис Маркс. Сама не знаю, что это такое, честное слово. Я просто не могу удержаться, чтобы не попробовать все, что выставлено на полках.

Миссис Каллат. Я тоже. Стоит мне зайти в магазин самообслуживания, и я начинаю хватать все подряд, как если бы я отправлялась на необитаемый остров.

Миссис Маркс. Ждете кого-нибудь?

Миссис Каллат. Нет, просто стою — так хорошо на улице. У нас в квартире солнце — редкий гость, оно заглядывает к нам между пятью и половиной шестого.

Миссис Маркс. А у нас в гостиной окна выходят на юг.

Миссис Каллат. Вам повезло.

Миссис Маркс. Повезло? Что вы, миссис Каллат, летом там так жарко, что на ковре можно изжарить яичницу.

Миссис Каллат. Я всегда говорю, что нельзя иметь все сразу.

Миссис Маркс. Вы совершенно правы, миссис Каллат.

Миссис Каллат. Взять хоть, к примеру, миссис Винтер.

Миссис Маркс. Вы слышали?

Миссис Каллат. Ужасно! Ей мало, что ее дочь с мужем живут с ней в одной квартире, так она не разрешает им даже в кино сходить вдвоем.

Миссис Маркс. Подумать только! Мамаша всегда рядом! Да этого не вынесет ни одна молодая пара!

Миссис Каллат. Так вмешиваться в жизнь дочери! Бывают же люди!

Миссис Маркс. Мы бы с вами так не смогли, миссис Каллат.

Миссис Каллат. Нам бы это в голову не пришло. *(Пауза.)* Простите меня, миссис Маркс...

Миссис Маркс. Да, миссис Каллат?

Миссис Каллат. Конечно, мне не следовало спрашивать...

Миссис Маркс. Не церемоньтесь, миссис Каллат.

Миссис Каллат. Ваша Пегги... ей было весело вчера?

Миссис Маркс. Весело? И вы еще спрашиваете, миссис Каллат.

Миссис Каллат. Неужели?

Миссис Маркс. Она разбудила меня, как только вернулась. Поверите, я решила, что она сошла с ума, — она смеялась, пела, как будто это был ее первый бал.

Миссис Каллат. Правда?

Миссис Маркс. О, я не должна была вам говорить, я поклялась, что не скажу.

Миссис Каллат. Миссис Маркс, мы с вами старые друзья, мы можем доверять друг другу.

Миссис Маркс. А разве я говорю нет?

Миссис Каллат. Так что же она сказала?

Миссис Маркс. Моя Пегги сказала мне... Но вы же понимаете...

Миссис Каллат. Могила.

Миссис Маркс. Она сказала... *(смущенно)* ох, не могу...

Миссис Каллат. Но, миссис Маркс...

Миссис Маркс. Она сказала... э... ей никогда не приходилось встречать такого юношу, как ваш Аллен.

Миссис Каллат. Не может быть!

Миссис Маркс (*ее мучает совесть*). То есть... она дала мне это понять.

Миссис Каллат. Любопытно, миссис Маркс, очень любопытно.

Миссис Маркс. А ваш Аллен, как он... э... как ему понравились танцы?

Миссис Каллат. Он...

Миссис Маркс. Он ведь поделился с вами?

Миссис Каллат. О, он мне все рассказывает.

Миссис Маркс. Я так и думала.

Миссис Каллат. Конечно, такой парень, как Аллен, должен быть осторожен — девчонки просто вешаются на шею парням с дипломами. О, я не имею в виду Пегги, миссис Маркс.

Миссис Маркс. Я понимаю, миссис Каллат.

Миссис Каллат. Вот почему... э... о чем это мы говорили?

Миссис Маркс. О вашем Аллене.

Миссис Каллат. Ах да, так вот я и говорю: я не удивлюсь, если... Правда, все это несколько поспешно, но я не удивлюсь, если...

Миссис Маркс. Боюсь, что...

Миссис Каллат (*загорпилась*). Ох, мне пора подняться наверх.

Миссис Маркс. А лифт уже починили?

Миссис Каллат. Как, разве он не работал?

Миссис Маркс. Мне пришлось спуститься по лестнице. Уж эти автоматы, никогда не знаешь, какую штуку они выкинут!

Миссис Каллат. Вы знаете, у меня буквально мурашки выступают на коже, стоит только двери кабины захлопнуться. Чувствуешь себя как в стоячем гробу.

Миссис Маркс. Помяните мое слово, миссис Каллат, в один прекрасный день кто-нибудь уж непременно застрянет между этажами.

Миссис Каллат. «Сухо дерево» — только, чтобы это были не мы!

Они стучат по дереву.

Музыка.

Аллен (*снизу*). Эй, погодите, мне тоже наверх!

Пегги (*из лифта*). Поторопливайтесь, у меня куча пакетов.

Аллен (*у лифта*). А-а, это вы!... Дайте мне ваши свертки.

Пегги. Спасибо.

Дверь лифта захлопывается.

Мне на пятый.

А л л е н. Пятый и шестой.

Лифт медленно ползет вверх.

Хорошая погода, не правда ли?

Пегги. Неплохая.

Лифт внезапно останавливается.

А л л е н. Что случилось?

Пегги. Мы застряли.

А л л е н. Не может быть. Эй, эй! *(Барабанит в дверь.)*

Пегги. Бесполезно.

А л л е н. Но что-то надо делать!

Пегги. Нажать аварийную кнопку. Красную.

А л л е н. Ах да, простите.

Внизу звонит звонок.

А дальше что?

Пегги. А дальше придется ждать, пока мистер Гектор закончит свою партию в кегли и вызовет нас отсюда.

А л л е н. Но я не могу ждать — у меня прием.

Пегги. Вашим коронкам придется подождать.

А л л е н. Не могу вас понять.

Пегги. А разве это так важно?

А л л е н. Вначале вы из кожи вон лезете, чтобы я пригласил вас на бал, а потом весь вечер язвите.

Пегги. Это я из кожи вон лезла?

А л л е н. Так мне сказала моя мама.

Пегги. Теперь мне все ясно.

А л л е н. Что вы имеете в виду?

Пегги. Запахло фокусами наших мамочек.

А л л е н. Ничего не понимаю.

Пегги. Ваша мама сказала вам, что я умираю от желания пойти на этот бал.

А л л е н. Она заявила, что, пригласив вас, я сделаю доброе дело.

Пегги. Так-так, а вы бы послушали мою маму: «Он такой застенчивый, такой робкий, ты должна ему помочь!»

А л л е н. Это я застенчивый?

Пегги. Как красная девица, по словам моей мамы.

А л л е н. Ну, знаете...

Пегги. Вот-вот.

А л л е н. Но зачем им это понадобилось?

Пегги. Я не знаю, зачем это понадобилось вашей маме, но моя готова носом землю рыть, только бы я... э-э... поскорее вышла замуж.

А л л е н. О!

Пегги. Эй, что случилось, почему вы так позеленели.

Аллен. Да потому, что стоит мне хоть раз пригласить в кино какую-нибудь девушку, как моей маме необходимо узнать ее родословную до десятого колена.

Пегги. Бедненький Аллен! Я чувствую, что гончие настигают нас.

Аллен. Теперь понятно, почему вы вчера так злились.

Пегги. Ну, с таким партнером, как вы, это не удивительно.

Аллен. Ой, я просто медведь.

Пегги. Ну, бывают танцоры и хуже.

Аллен. Знаете, я сам был зол как черт. До вас моя драгоценная родительница подсунула мне девицу фунтов на пятьдесят тяжелее меня.

Пегги. Последний номер моей матушки был женатик, который весь вечер ныл, что жена его не понимает, и норовил облапить меня.

Аллен. Ну и как?

Пегги. Пришлось мне на своих двоих добираться с самой Тремонт авеню.

Аллен. Ого!.. Как вы думаете, долго мы здесь проторчим?

Пегги. Зависит от счета.

Аллен. От чего?

Пегги. От того, сколько очков набрал мистер Гектор, играя в кегли.

Аллен. Ну что ж, тогда я сажусь на пол. Советую и вам последовать моему примеру, Пегги.

Пегги. Пожалуй.

Аллен. Дайте руку.

Пегги. О, черт!

Аллен. Что случилось?

Пегги. Чулки, моя лучшая пара.

Аллен. Могу я чем-нибудь помочь?

Пегги. Если у вас есть при себе бесцветный лак для ногтей...

Аллен. Увы!

Пегги. Весьма необдуманно с вашей стороны.

Аллен. Могу взамен предложить собственную слюну.

Пегги. Вы очень великодушны, но я обойдусь своей. (Пауза.) Читали что-нибудь интересное недавно?

Аллен. Что вы сказали?

Пегги. Не важно.

Аллен. Смешно, правда? То есть... я хочу сказать... после стольких неудачных попыток свести нас вместе мы вдруг совершенно неожиданно застряли в лифте.

Пегги. Моей маме это показалось бы весьма романтичным.

Аллен. А ведь так оно и есть!

Музыка — веселая, задорная.

Пегги. Я на это не пойду, ма. Ни за что.

Миссис Маркс. Опять лезешь в бутылку.

Пегги. Но ведь это просто нелепо.

Миссис Маркс. Не вижу ничего нелепого. Ты работаешь у зубного врача. Тебе предлагают такую же работу у другого.

Пегги. Но...

Миссис Маркс. Я только и слышу от тебя «но», «но», «но». Доктор Прентис живет на другом конце города.

Пегги. Все это глупости.

Миссис Маркс. Глупости? Те же деньги, и один квартал отсюда. Да и сам он такой приятный юноша.

Пегги. В этом-то все и дело.

Миссис Маркс. Ну, знаешь, с меня достаточно. У меня это вот тут сидит. Два часа вы сидите между этажами в лифте, в результате он просит тебя работать у него в кабинете, и что я слышу?

Пегги. Заявляю тебе решительно — нет, нет и нет!

Миссис Маркс. О господи, чем я согрешила перед тобой, что ты послал мне такую дочь?

Пегги. Не понимаю, о чем ты сокрушаешься?

Миссис Маркс. Пегги, прошу тебя, давай поговорим без сцен.

Пегги. Я-то совершенно спокойна. Это ты устраиваешь сцены.

Миссис Маркс. Но послушай, человек предложил тебе работать у него, так?

Пегги. Допустим.

Миссис Маркс. Это те же деньги, и это сохранит тебе целый час в день на дорогу, ведь так?

Пегги. Допустим.

Миссис Маркс. Тогда в чем дело?

Пегги. Нет!

Миссис Маркс. Нет?

Пегги. Нет, нет и нет, и ты сама знаешь, почему.

Миссис Маркс (*сама невинность*). Почему? Разве есть какая-нибудь причина?

Пегги. Как будто ты не знаешь. Вы с миссис Каллат загнали меня в угол, заставили пойти с Алленом на бал. Сейчас вы чуть ли не силком готовы затащить меня в его кабинет. Не удивлюсь, если узнаю, что авария с лифтом — ваших рук дело.

Миссис Маркс. Ну, знаешь...

Пегги. Ма, милая, все твои хитрости шиты белыми нитками — у тебя столько же ловкости, что и у бульдозера.

Миссис Маркс. Как у кого?

Пегги. Не важно, но меня ты не проведешь. Держу пари, что у тебя продумано все, вплоть до фасона моей фаты. Право же, ма, ты ведешь себя так, как будто мы в Китае.

Миссис Маркс. Ну и пусть, и прекрасно. Я больше не скажу ни слова. Давись в своей подземке, возвращайся домой в синяках от чьих-то локтей...

Пегги. Ма, прошу тебя...

Миссис Маркс. Выдерживай характер, мне-то что, я и рта больше не раскрою.

Пегги. Ма, я не буду работать у Аллена, понимаешь — никогда!

Миссис Маркс. Я молчу.

Пегги. Вот и отлично. Что сегодня на обед?

Музыка.

Миссис Маркс. Еще кусочек кекса, миссис Каллат?

Миссис Каллат. Нет, спасибо, миссис Маркс, я уже съела два.

Миссис Маркс. Два? Вы съели четыре, но это не важно, возьмите еще один.

Миссис Каллат. Не решаюсь, я просто вылезаю из своих платьев.

Миссис Маркс. А я считаю, что если пьешь чай с сахарином, то кекса можно есть сколько хочешь. Угощайтесь, он такой вкусный, я брала его у Ханека.

Миссис Каллат. Я раньше сама пекла.

Миссис Маркс. Я тоже. Но у Ханека совсем не плохое тесто.

Миссис Каллат. Мой Аллен все меня спрашивает, почему я больше не пеку.

Миссис Маркс. Да, когда мужчина в доме, всегда хочется приготовить что-нибудь вкусенькое.

Миссис Каллат. Ну, не скажите. Моему Аллену только и нужно, что тушеная говядина с картошкой да время от времени жареный цыпленок.

Миссис Маркс. Значит, и у вас не все гладко? Моя Пегги чуть не каждый день меняет диету. Понедельник — творог, во вторник — орехи, в среду — ломтик поджаренного хлеба. Готовить ей ленч — одно мучение.

Миссис Каллат. Значит, Пегги приходит к ленчу домой?

Миссис Маркс. Вот уж две недели — с тех пор как стала работать у вашего Аллена.

Миссис Каллат. А у него, бедняжки, нет даже обеденного перерыва — такой труженик!

Миссис Маркс. Миссис Каллат, сказать вам, что моя Пегги говорит о вашем Аллене?

Миссис Каллат. Пожалуйста, миссис Маркс.

Миссис Маркс. Она говорит, что ваш Аллен лучше всех вставляет верхние зубы — просто загляденье.

Миссис Каллат (*скромно*). Он у меня хороший мальчик. Он говорит, что Пегги — очень добросовестный работник.

Миссис Маркс. Они так мило выглядят вместе, правда, миссис Каллат?

Миссис Каллат. О да, миссис Маркс.

Миссис Маркс. И было бы неплохо...

Миссис Каллат. Да, было бы неплохо...

Музыка — марш из «Лоэнгрина», исполняемый, как полька Шостаковича.

Миссис Маркс. Слава богу, я уж думала, что никогда не доживу до этого дня!

Пегги. Не волнуйся, ма.

Миссис Маркс. Ты все уложила, Пегги? А твои новые туфли?

Пегги. Все, мама, все.

Миссис Маркс. А шляпка?

Пегги. Все уложено, перестань суетиться, ма.

Миссис Маркс. А когда же мне суетиться, как не сегодня?

Ведь дочери выходят замуж не каждый день.

Пегги. Твоя, например, могла и вовсе никогда не выйти.

Миссис Маркс (*в ужасе*). Что ты говоришь!

Пегги. Сказать тебе по правде, ма, я только из-за вас три раза отказывала Аллену — вы следили за мной, как шакалы за своей добычей.

Миссис Маркс. И тебе не стыдно собственную мать называть шакалом?

Пегги. Я ведь не шучу. Я чуть вообще все не порвала, когда увидела, как ты довольно ухмыляешься, но потом пожалела парня, ведь я люблю его.

Миссис Маркс. Ну конечно, я всегда знала, что моя Пегги плохого парня не выберет. Ты была такая хорошенькая, когда выступала с речью на выпускном вечере...

Пегги. Прекрати это, ма, у тебя будет масса времени поплакать, когда мы уедем.

Миссис Маркс. Свадьба... Если бы твой папа дожил до этого дня!

Пегги. Да, дорогая.

Миссис Маркс. Я всегда говорила, что хорошо иметь в семье доктора.

Пегги. Дантиста.

Миссис Маркс. Дантист, доктор... оба носят белые халаты.

Пегги (*смеется*). И парикмахер тоже. Но запомни, ма, я выхожу замуж вопреки, а не благодаря тебе.

Миссис Маркс. Ну да, ну да. Лишь бы ты вышла, меня это вполне устраивает.

Пегги. Прими мои поздравления, ма, ты их вполне заслужила.

Миссис Маркс. Я?

Пегги. А кто же еще? И, слава богу, теперь ты сможешь отдохнуть наконец.

Музыка — свадебный марш Мендельсона, больше похожий на популярную песенку.

Миссис Каллат (*шмыгая носом*). Прекрасная свадьба, миссис Маркс.

Миссис Маркс. Прелестная, миссис Каллат.

Миссис Каллат. Какое счастье, когда видишь, как порядочный юноша женится на такой милой девушке, как папа Пегги.

Миссис Маркс. Да, они хорошая пара, миссис Каллат. Ваш Аллен далеко пойдет. У меня как гора с плеч свалилась. Теперь я могу признаться вам, миссис Каллат...

Миссис Каллат. Тайна?

Миссис Маркс. Я никогда не вмешивалась в личную жизнь Пегги, нет, я бы себе это никогда не позволила.

Миссис Каллат. И я с Алленом... Он жил своей собственной жизнью.

Миссис Маркс. Но вы знаете, миссис Каллат, иногда мне казалось, что она останется старой девой — такая она упрямая, просто ужас!

Миссис Каллат. А вы думаете мне было легко с моим Алленом? Иногда меня так и подмывало оттащить за волосы этого блестящего доктора.

Миссис Маркс. Ох, как мне знакомо это чувство! Но мы добились своего.

Миссис Каллат (*с тяжелым вздохом*). Увы, теперь все позади.

Миссис Маркс (*быстро*). Позади? Да все только начинается.

И вместо занавеса — разухабистый мотив.

Простите, не тот номер

Набирается номер телефона. Короткие гудки.

Миссис Стивенсон *(раздражительная, занятая только собой невропатка)*. О господи. *(Хлопнула трубкой. Набрала номер телефонной подстанции.)*

Телефонистка. Ваш номер, пожалуйста?

Миссис Стивенсон. Станция? Целых четверть часа я пытаюсь дозвониться до Муррей Хилл 4-00-98, но номер все время занят. Не понимаю, что там случилось. Не поможете ли вы мне?

Телефонистка. Муррей Хилл 4-00-98? Минутку.

Миссис Стивенсон. Там не может быть так долго занято. Это контора моего мужа. Он задерживается сегодня — срочные дела, а я одна в доме. Я инвалид и весь день почему-то нервничаю...

Телефонистка. Соединяю, Муррей Хилл 4-00-98.

Набирается номер. Телефонный звонок — три гудка, трубка снимается.

Мужчина. Хэлло?

Миссис Стивенсон. Хэлло? *(Неуверенно.)* Хэлло? Можно попросить мистера Стивенсона?

Мужчина *(в трубку, как будто не слыша ее слов)*. Хэлло? *(Громче.)* Хэлло!

Второй мужчина *(медлительно, тяжеловесно, со слабым иностранным акцентом)*. Хэлло!

Первый мужчина. Хэлло, Джордж!

Второй мужчина. Слушаю, сэр.

Миссис Стивенсон *(громче, на этот раз с ноткой нетерпения)*. Хэлло! Кто это? Какой это номер?

Первый мужчина. Мы получили сообщение от нашего клиента. Путь свободен.

Джордж. Ясно, сэр.

Первый мужчина. Откуда вы говорите?

Джордж. Из телефонной будки.

Первый мужчина. О'кэй. Адрес вам известен. В одиннадцать частный патрульный уходит в бар выпить кружку пива. Проследите, чтобы все огни внизу были погашены. С улицы должно быть освещено только одно окно. В одиннадцать пятнадцать поезд подземки пересекает мост. В случае если ее окно открыто, шум поезда заглушит крики.

Миссис Стивенсон (*ошарашенно*). О! Хэлло! Какой это номер?

Джордж. О' кэй, понял.

Первый мужчина. Постарайся не копаться — и как можно меньше крови. Наш клиент не желает, чтобы она долго мучилась.

Джордж. Нож подойдет?

Первый мужчина. Да, нож будет о' кэй. И помни, необходимо снять все кольца и браслеты и захватить все драгоценности из ящика бюро. Наш клиент желает, чтобы это было похоже на простое ограбление.

Джордж. Ладно, я усек.

Длинные гудки телефона.

Миссис Стивенсон (*стучит по рычагу аппарата*). О!

Гудки.

(*Вешает трубку.*) Какой ужас! Какое чудовищное...

Набирается номер. Гудок.

Телефонистка (*каждый раз это новая телефонистка*). Ваш номер, пожалуйста?

Миссис Стивенсон (*нервно, задыхаясь*). Станция, меня, меня развели!

Телефонистка. Простите, мадам. Какой номер вы вызывали?

Миссис Стивенсон. Я... мне нужен был Муррей Хилл 4-00-98, но мне дали не тот номер. Наверно, какие-то провода перепутались, я не туда попала! И.. О! Я услышала чудовищные вещи — убийство — и... (*Повелительно.*) Девушка, вы должны немедленно узнать, какой это был номер.

Телефонистка. Простите, я не совсем...

Миссис Стивенсон. Да-да, я знаю, я не должна была подслушивать чужой разговор, но эти двое — эти хладнокровные негодяи, — они собираются убить кого-то, бедную невинную женщину, совершенно одинокую, в доме у моста. Необходимо принять меры, предупредить...

Телефонистка (*терпеливо*). Какой номер вы вызывали?

Миссис Стивенсон. Это не имеет значения. Ведь это был не

тот номер, вы же меня не с ним соединили. Мы должны выяснить, кто эти негодяи. Немедленно.

Телефонистка. Но, мадам...

Миссис Стивенсон. О господи, почему вы такая глупая? Пожалуйста, все так просто — задали не ту цифру. Я попросила вас соединить меня с Муррей Хилл 4-00-98, вы набрали номер, но у вас соскочил палец, наверно, и меня соединили с кем-то другим. Я их слышала, а они меня — нет. Бог мой, я не понимаю, почему вы не хотите повторить свою ошибку — теперь уже намеренно — и набрать Муррей Хилл 4-00-98 так же небрежно, как в прошлый раз?

Телефонистка (*быстро*). Муррей Хилл 4-00-98? Я попытаюсь соединить вас, мадам.

Миссис Стивенсон (*саркастически*). Благодарю вас.

Звук набираемых цифр. Короткие гудки.

Телефонистка. Простите, Муррей Хилл 4-00-98 занят.

Миссис Стивенсон (*отчаянно колотит по рычагу*). Станция, станция...

Телефонистка. Да, мадам?

Миссис Стивенсон (*сердито*). Вы даже и не пытались соединить меня неправильно. Я же объяснила вам, а вы дали правильный номер.

Телефонистка. Простите, какой номер вам нужен?

Миссис Стивенсон. Неужели вы не способны хоть на один раз забыть свое дурацкое «Какой номер вам нужен?» и сделать что-то необычное? Мне нужно проследить тот звонок. Это мой общественный долг, ваш общественный долг, наконец. Мы должны узнать, кто эти убийцы, и если вы не хотите...

Телефонистка. Соединяю вас со старшей.

Миссис Стивенсон. Прошу вас!

Старшая (*холодно, бесстрастно*). Старшая телефонистка слушает.

Миссис Стивенсон. Старшая? Я хочу, чтобы вы проследили один разговор. Немедленно. Я не знаю, кто звонил и откуда, но проследить его необходимо, так как речь шла об убийстве. Чудовищном хладнокровном убийстве невинной женщины сегодня вечером в одиннадцать пятнадцать.

Старшая. Да-да, понимаю.

Миссис Стивенсон (*душераздирающая мольба*). Можете ли вы установить номер, узнать, кто эти люди?

Старшая. При одном условии.

Миссис Стивенсон. При каком?

Старшая. При условии, что разговор продолжается. Если аппараты включены, номер узнать не трудно, если же произошло разъединение...

Миссис Стивенсон. Разъединение?

Телефонистка. Если абоненты прекратили разговор.

Миссис Стивенсон. Но, но теперь-то они явно перестали разговаривать — прошло не меньше пяти минут, а они не из тех, кто висит на телефоне.

Старшая. Я попробую выяснить. Как, вы сказали, ваше имя?

Миссис Стивенсон. Миссис Стивенсон. Миссис Элберт Стивенсон. Но послушайте...

Старшая (*записывает*). И ваш номер?

Миссис Стивенсон (*раздражаясь*). Плата 4-22-95. Если вы будете столько времени тратить на...

Старшая (*профессиональным тоном*). Причина, по которой вы хотите, чтобы мы проследили звонок?

Миссис Стивенсон. Причина? О господи, разве это не ясно? Я случайно подслушала разговор двух мужчин — это убийцы, они готовятся убить женщину, об этом нужно сообщить в полицию!

Старшая. Вы уже сообщили?

Миссис Стивенсон. Нет, как я могла?

Старшая. И вы, частное лицо, хотите проверить разговор двух других частных лиц?

Миссис Стивенсон. Да, но за это время...

Старшая. Боюсь, миссис Стивенсон, что... Мы не имеем права проверять частные разговоры по устному заявлению другого частного лица. Нам для этого понадобилось бы нечто более официальное.

Миссис Стивенсон. О, ради бога! Неужели невозможно сообщить об убийстве, не запутавшись предварительно во всей этой бюрократической чепухе? Какая нелепость! Ну ладно, я позвоню в полицию. (*Грохнув трубкой.*) Смешно!

Набирается номер телефона.

Телефонистка. Ваш номер, пожалуйста?

Миссис Стивенсон (*раздраженно*). Отделение полиции, пожалуйста.

Телефонистка. Соединяю с отделением полиции.

Два гудка. Снимается трубка.

Сержант Даффи. Отделение полиции. Пресинкт 43. Даффи слушает.

Миссис Стивенсон. Полиция? С вами говорит миссис Стивенсон, миссис Элберт Смит Стивенсон, Норд Саттон Плейс, 53. Я хочу сделать заявление об убийстве.

Даффи. Простите?

Миссис Стивенсон. То есть оно еще не произошло. Я только

подслушала по телефону, что оно готовится — по неправильному номеру, с которым меня соединила телефонистка. Я пыталась проследить разговор, но там сидят такие идиоты; и в конце концов мне кажется, вы — единственные люди, способные это выяснить.

Да ф ф и *(не очень убежденно)*. Да, мэм.

Миссис Стивенсон *(пытаясь убедить его)*. Это явное убийство. Я ясно слышала их планы. Разговаривали двое мужчин, они собирались убить какую-то женщину сегодня ночью в одиннадцать пятнадцать, она живет у моста.

Да ф ф и. Да, мэм.

Миссис Стивенсон. Там еще есть частный патрульный, он собирался заглянуть в бар на Второй авеню и выпить пива. И еще там есть третий — клиент, который заплатил им, чтобы они убили бедняжку. Они собираются снять с нее кольца и браслеты, а потом зарезать ножом! Меня это так взволновало — я плохо себя чувствую...

Да ф ф и. Ясно. Когда это случилось, мэм?

Миссис Стивенсон. Минут восемь тому назад. О! *(С облегчением.)* Значит, вы сможете что-то сделать?

Да ф ф и. Ваше имя, мэм?

Миссис Стивенсон *(нетерпеливо)*. Миссис Стивенсон, миссис Элберт Стивенсон.

Да ф ф и. Ваш адрес?

Миссис Стивенсон. Норд Саттон Плейс, 53. Это тоже около моста. Мост Квинсборо знаете? И мы тоже нанимаем частного патрульного, он стоит на углу нашей улицы и Второй авеню.

Да ф ф и. Какой номер вы вызывали?

Миссис Стивенсон. Муррей Хилл 4-00-98. Но меня соединили не с тем номером. Я хочу сказать, что Муррей Хилл — это контора моего мужа. Он сегодня вечером задерживается на работе. Я хотела попросить его прийти домой — я инвалид, а сегодня — выходной день нашей служанки. Я же ненавижу оставаться одна в доме, хотя он уверяет, что со мной ничего не может случиться, так как телефон у меня под рукой.

Да ф ф и *(уверенно)*. Мы этим займемся, миссис Стивенсон, постараемся убедить телефонную компанию проверить звонок.

Миссис Стивенсон *(с нетерпением)*. Но они сказали, что не смогут ничего сделать, если произошло разъединение. Я уже говорила с ними.

Да ф ф и. Ах вот как.

Миссис Стивенсон *(возбужденно)*. Лично я считаю, что необходимо принять какие-то более решительные меры. Какой

смысл проверять, кто звонил, если они перестали разговаривать. К тому времени, пока вы проверите, они успеют совершить убийство.

Да ф ф и. Ну-ну, леди, не волнуйтесь. Мы примем меры.

Миссис Стивенсон. Я считаю, что нужно обыскать весь город самым тщательным образом. Я сама живу около моста и совсем недалеко от Второй авеню. Я бы чувствовала себя гораздо спокойнее, если бы вы послали в этот район полицейскую машину с радиоустановкой.

Да ф ф и. А что заставляет вас думать, что убийство должно произойти именно в вашем районе?

Миссис Стивенсон. Сама не знаю — такое разительное совпадение: Вторая авеню, мост, патрульный — просто ужас!

Да ф ф и. Вторая авеню такая длинная! А мост — знаете ли вы, мэм, сколько мостов в Нью-Йорке? А в пригородах? И вообще, почему вы так уверены, что речь шла о Нью-Йорке? Мало ли Вторых авеню в пригородах?

Миссис Стивенсон. Но я слышала разговор по городской телефонной сети.

Да ф ф и. А откуда вы знаете, что это был не междугородный звонок? Телефон — штука забавная. Послушайте, леди, почему бы вам не рассмотреть все с другой точки зрения? Предположим, вы бы не натолкнулись на этот разговор. Или ваш муж находился бы дома. Очень взволновало бы вас это убийство?

Миссис Стивенсон. Пожалуй, не очень. Но ведь все это так бесчеловечно, так хладнокровно, бессердечно...

Да ф ф и. В этом городе каждый день совершается множество убийств, мэм. Если бы мы были в состоянии что-то сделать, мы бы приняли меры. Но ваши показания так неопределенны, что для нас это все равно, как если бы их и не было.

Миссис Стивенсон. Но...

Да ф ф и. Конечно, если у вас есть основания считать, что этот разговор подстроен и кто-то намерен убить вас...

Миссис Стивенсон. Меня? О нет, едва ли. То есть я хочу сказать — кому это нужно? Я днем и ночью одна — никого не вижу, кроме своей горничной Элоизы, в ней больше двухсот фунтов веса, и она так ленива, что даже принести мне утром поднос с завтраком для нее мука. Мой муж Элберт обожает меня, не дает ветру на меня дунуть, не отходит от меня ни на шаг с тех пор, как я заболела двенадцать лет тому назад...

Да ф ф и. Вот и прекрасно, и у вас нет никаких оснований беспокоиться. Не так ли? А теперь положитесь на нас, мы примем все...

Миссис Стивенсон. Но что вы намерены предпринять?

Да ф ф и (твердо). Мы займемся этим, леди!

подслушала по телефону, что оно готовится — по неправильному номеру, с которым меня соединила телефонистка. Я пыталась проследить разговор, но там сидят такие идиоты; и в конце концов мне кажется, вы — единственные люди, способные это выяснить.

Да ф ф и *(не очень убежденно)*. Да, мэм.

Миссис Стивенсон *(пытаясь убедить его)*. Это явное убийство. Я ясно слышала их планы. Разговаривали двое мужчин, они собирались убить какую-то женщину сегодня ночью в одиннадцать пятнадцать, она живет у моста.

Да ф ф и. Да, мэм.

Миссис Стивенсон. Там еще есть частный патрульный, он собирался заглянуть в бар на Второй авеню и выпить пива. И еще там есть третий — клиент, который заплатил им, чтобы они убили бедняжку. Они собираются снять с нее кольца и браслеты, а потом зарезать ножом! Меня это так взволновало — я плохо себя чувствую...

Да ф ф и. Ясно. Когда это случилось, мэм?

Миссис Стивенсон. Минут восемь тому назад. О! *(С облегчением.)* Значит, вы сможете что-то сделать?

Да ф ф и. Ваше имя, мэм?

Миссис Стивенсон *(нетерпеливо)*. Миссис Стивенсон, миссис Элберт Стивенсон.

Да ф ф и. Ваш адрес?

Миссис Стивенсон. Норд Саттон Плейс, 53. Это тоже около моста. Мост Квинсборо знаете? И мы тоже нанимаем частного патрульного, он стоит на углу нашей улицы и Второй авеню.

Да ф ф и. Какой номер вы вызывали?

Миссис Стивенсон. Муррей Хилл 4-00-98. Но меня соединили не с тем номером. Я хочу сказать, что Муррей Хилл — это контора моего мужа. Он сегодня вечером задерживается на работе. Я хотела попросить его прийти домой — я инвалид, а сегодня — выходной день нашей служанки. Я же ненавижу оставаться одна в доме, хотя он уверяет, что со мной ничего не может случиться, так как телефон у меня под рукой.

Да ф ф и *(уверенно)*. Мы этим займемся, миссис Стивенсон, постараемся убедить телефонную компанию проверить звонок.

Миссис Стивенсон *(с нетерпением)*. Но они сказали, что не смогут ничего сделать, если произошло разъединение. Я уже говорила с ними.

Да ф ф и. Ах вот как.

Миссис Стивенсон *(возбужденно)*. Лично я считаю, что необходимо принять какие-то более решительные меры. Какой

смысл проверять, кто звонил, если они перестали разговаривать. К тому времени, пока вы проверите, они успеют совершить убийство.

Да ф ф и. Ну-ну, леди, не волнуйтесь. Мы примем меры.

Миссис Стивенсон. Я считаю, что нужно обыскать весь город самым тщательным образом. Я сама живу около моста и совсем недалеко от Второй авеню. Я бы чувствовала себя гораздо спокойнее, если бы вы послали в этот район полицейскую машину с радиоустановкой.

Да ф ф и. А что заставляет вас думать, что убийство должно произойти именно в вашем районе?

Миссис Стивенсон. Сама не знаю — такое разительное совпадение: Вторая авеню, мост, патрульный — просто ужас!

Да ф ф и. Вторая авеню такая длинная! А мост — знаете ли вы, мэм, сколько мостов в Нью-Йорке? А в пригородах? И вообще, почему вы так уверены, что речь шла о Нью-Йорке? Мало ли Вторых авеню в пригородах?

Миссис Стивенсон. Но я слышала разговор по городской телефонной сети.

Да ф ф и. А откуда вы знаете, что это был не междугородный звонок? Телефон — штука забавная. Послушайте, леди, почему бы вам не рассмотреть все с другой точки зрения? Предположим, вы бы не натолкнулись на этот разговор. Или ваш муж находился бы дома. Очень взволновало бы вас это убийство?

Миссис Стивенсон. Пожалуй, не очень. Но ведь все это так бесчеловечно, так хладнокровно, бессердечно...

Да ф ф и. В этом городе каждый день совершается множество убийств, мэм. Если бы мы были в состоянии что-то сделать, мы бы приняли меры. Но ваши показания так неопределенны, что для нас это все равно, как если бы их и не было.

Миссис Стивенсон. Но...

Да ф ф и. Конечно, если у вас есть основания считать, что этот разговор подстроен и кто-то намерен убить вас...

Миссис Стивенсон. Меня? О нет, едва ли. То есть я хочу сказать — кому это нужно? Я днем и ночью одна — никого не вижу, кроме своей горничной Элоизы, в ней больше двухсот фунтов веса, и она так ленива, что даже принести мне утром поднос с завтраком для нее мука. Мой муж Элберт обожает меня, не дает ветру на меня дунуть, не отходит от меня ни на шаг с тех пор, как я заболела двенадцать лет тому назад...

Да ф ф и. Вот и прекрасно, и у вас нет никаких оснований беспокоиться. Не так ли? А теперь положитесь на нас, мы примем все...

Миссис Стивенсон. Но что вы намерены предпринять?

Да ф ф и (твердо). Мы займемся этим, леди!

Миссис Стивенсон. Вы объявите по радио? Вышлете охрану? Предупредите свои патрульные машины, чтобы они следили за всеми подозрительными районами, вроде моего?

Даффи (*еще более твердым тоном*). Леди, я же сказал вам, что мы займемся этим. Сейчас же у меня есть несколько дел, не терпящих отлагательств, и...

Миссис Стивенсон (*хлопает трубкой*). О! Идиот! (*Нервно*.) Зачем я это сделала? Теперь он подумает, что я психопатка. И почему это Элберт не приходит? Почему?

Звук набираемого телефона.

Телефонистка. Ваш номер, пожалуйста?

Миссис Стивенсон. Ради бога, станция, попробуйте еще раз дозвониться до Муррей Хилл 4-00-98. Не могу понять, почему он там задерживается так поздно.

Телефонистка. Соединяю Муррей Хилл 4-00-98.

Звонит. Частые гудки.

Номер занят. Может быть...

Миссис Стивенсон (*ядовито*). Сама слышу. Мне не нужно объяснять, что номер занят. (*Хлопает трубкой*.) Если бы я смогла хоть на минутку встать с постели! Если б я могла подышать свежим воздухом — просто высунуться из окна и увидеть улицу...

Звонит телефон.

(*Сразу же снимает трубку*.) Хэлло! Элберт? Хэлло! Хэлло! Хэлло! О, что творится с этим телефоном! (*Хлопает трубкой*.)

Телефон звонит снова.

(*Снимает трубку*.) Хэлло! О господи, кто это? Хэлло, хэлло! Хэлло! (*Бросает трубку, набирает номер коммутатора*.)

Телефонистка. Ваш номер, пожалуйста?

Миссис Стивенсон (*очень взволнована, повелительным тоном*). Хэлло, станция. Я не знаю, что творится с моим телефоном, но он меня буквально с ума сведет сегодня. Никогда еще меня так скверно и неумело не обслуживали. Послушайте, я инвалид, человек нервный, меня нельзя беспокоить, но если это будет продолжаться...

Телефонистка (*молодой, нежный голосок*). Что вас беспокоит, мадам?

Миссис Стивенсон. Все! Тут весь мир могут прирезать, а вам и дела нет. Мой телефон звонит, не переставая.

Телефонистка. Да, мадам.

Миссис Стивенсон. Звонит и звонит. Каждые пять секунд звонок, а когда я снимаю трубку — молчат.

Телефонистка. Простите, мадам. Если вы повесите трубку, я проверю, в чем тут дело.

Миссис Стивенсон. Я не хочу, чтобы проверяли, я хочу, чтобы вы соединили меня с ним — кто бы он ни был — и немедленно.

Телефонистка (*мягко*). Боюсь, что это невозможно, мадам.

Миссис Стивенсон (*бушует*). Невозможно? А почему, хотела бы я знать?

Телефонистка. Наша система автоматическая. Если кто-то пытается набрать ваш номер, мы не имеем возможности проверить, по какому каналу осуществляется вызов, до тех пор, пока тот, кто вас вызывает, не обратится к обслуживающей его телефонистке...

Миссис Стивенсон. Более идиотской, бессмысленной системы... А я между тем должна сидеть тут, прикованная к постели, и вздрагивать всякий раз, как этот телефон зазвонит, воображать бог знает что.

Телефонистка. Я попытаюсь проверить, мадам.

Миссис Стивенсон. «Проверить», «проверить»! Вы ни на что больше не способны! Идиотизм! Тупость! (*Вешает трубку.*) Какой смысл...

И в это же мгновение звонит телефон.

(*Хватает трубку, и отчаянно.*) Хэлло! Хэлло! Прекратите свои звонки! Вы слышите меня? Отвечайте! Что вам нужно? Вы понимаете, что доводите меня до сумасшествия?! Отвечайте!

Мужчина (*монотонно*). Хэлло! Это Плаца 4-22-95?

Миссис Стивенсон (*с трудом переводя дыхание*). Да-да, это Плаца 4-22-95.

Мужчина. Говорит Уэстерн Юнион. Телеграмма для миссис Стивенсон. Кто получит сообщение?

Миссис Стивенсон (*пытаясь успокоиться*). Я — миссис Стивенсон.

Уэстерн Юнион (*читает монотонно*). Телеграмма гласит: «Миссис Элберт Стивенсон. Норд Саттон Плейс, 53. Нью-Йорк. Дорогая. Ужасно огорчен. Пытался дозвониться, но телефон был занят около часа. Уезжаю Бостон одиннадцать ноль-ноль по срочному делу. Вернусь завтра полдень. Будь счастлива. Целую». Подпись: Элберт.

Миссис Стивенсон (*хрипло, в ужасе*). О! Нет!

Уэстерн Юнион. Это все, мадам. Прислать вам письменный текст?

Миссис Стивенсон. Н-нет, нет, спасибо.

Уэстерн Юнион. Спасибо вам, мадам. Спокойной ночи. *(Вешает трубку.)*

Миссис Стивенсон *(механически, в трубку)*. Спокойной ночи.

★ *(Медленно опускает трубку, внезапно раздражается слезами.)*

Нет, нет, это неправда. Он не мог так поступить, ведь он же знает, что я совсем одна. Это, это какой-то дьявольский трюк... *(Набирает коммутатор.)*

Телефонистка *(спокойно)*. Ваш номер, пожалуйста?

Миссис Стивенсон. Станция, попытайтесь еще раз соединить меня с Муррей Хилл 4-00-98, прошу вас.

Телефонистка. Соединяю Муррей Хилл 4-00-98.

Мы слышим звонок телефона на другом конце провода — звонок за звонком.

Миссис Стивенсон. Он уехал. О, Элберт, как ты мог? Как ты мог? *(Вешает трубку. Рыдает. Ерзает в постели.)* Но я не могу остаться одна сегодня ночью. Не могу. Если я останусь одна хоть на секунду дольше... Мне наплевать, что он скажет, мне наплевать на расходы — я больна, я имею право... *(Набирает номер справочного бюро.)*

Справочное. Справочное слушает.

Миссис Стивенсон. Дайте мне, пожалуйста, номер телефона больницы Хенчли.

Справочное. Больница Хенчли? Вы знаете адрес, мадам?

Миссис Стивенсон. Нет, это где-то в районе семидесятых улиц. Это маленькая частная очень дорогая больница. Два года тому назад мне там вырезали аппендикс. Хенчли — Х-е-н-ч...

Справочное. Минутку, мадам.

Миссис Стивенсон. Пожалуйста, поторопитесь. И — который час, пожалуйста?

Справочное. Не знаю, мадам. Вы можете узнать время, позвонив Меридиан 7-12-12.

Миссис Стивенсон *(раздраженно)*. Господи! Неужели так трудно?

Справочное. Номер больницы Хенчли Батерфилд 7-01-05, мадам.

Миссис Стивенсон. Баттерфилд 7-01-05? *(Вешает трубку, не договорив фразы, и тут же снова набирает номер.)*

Звонит телефон.

Женщина *(средних лет, уверенная, практичная)*. Больница Хенчли, добрый вечер.

Миссис Стивенсон. Регистратуру, пожалуйста.

Женщина. С кем бы вы желали говорить, мадам?

Миссис Стивенсон *(на грани истерики)*. Мне нужна регистрату-

ра, сейчас же. Мне нужна квалифицированная сестра. Я хочу нанять ее, немедленно.

Женщина. А каков характер заболевания, мадам?

Миссис Стивенсон. Нервы. Я ужасно нервничаю. Я нуждаюсь в успокаивающем и сиделке. Мой муж уехал, и я...

Женщина. Вам рекомендовал нас какой-нибудь доктор, мадам?

Миссис Стивенсон. Нет. Но почему меня подвергают такому допросу? Мне нужна квалифицированная сестра. Два года тому назад я лежала у вас. И я намерена оплатить услуги...

Женщина. Мы понимаем, мадам. Но сейчас у нас не хватает сестер, и заведующая велела посылать их лишь в тех случаях, когда лечащий врач считает это совершенно необходимым.

Миссис Стивенсон (*истерически*). Но мне это совершенно необходимо! Я инвалид. Я... я очень взволнована. Очень. Я одна в доме, и я не могу двигаться, сегодня вечером я подслушала телефонный разговор, который чуть не свел меня с ума. По поводу женщины, бедной женщины, которую должны убить в одиннадцать пятнадцать сегодня, и если кто-нибудь не придет ко мне сейчас же, я за себя не ручаюсь! (*Почти вне себя.*)

Женщина (*спокойно*). Понимаю. Ну что ж, я поговорю с мисс Филипс, как только она вернется. Как ваше имя, мадам?

Миссис Стивенсон. Мисс Филипс? А когда она должна прийти?

Женщина. Право, не знаю, мадам. Она вышла поужинать в одиннадцать часов.

Миссис Стивенсон. Одиннадцать? Но ведь еще нет одиннадцати. (*Вскрикивает.*) О, мои часы остановились. Я думала, они отстают. Сколько сейчас?

Женщина. Ровно четырнадцать минут двенадцатого.

Звук поднятой трубки парного телефона в доме миссис Стивенсон. Щелканье.

Миссис Стивенсон (*вскрикивает*). Что это?

Женщина. Что именно?

Миссис Стивенсон. Это, это щелканье — в моем телефоне.

Как будто бы кто-то поднял трубку парного телефона вниз.

Женщина. Я не слышала, мадам. Так по поводу...

Миссис Стивенсон (*испуганно*). Но я слышала. В дом кто-то проник. Они внизу, на кухне. И они подслушивают. Они... (*Вешает трубку. Задышавшись.*) Я не сниму ее. Я не разрешу им подслушивать. Я буду лежать тихо, и они подумают... (*С нарастающим ужасом.*) Но если я не позову на помощь, пока они еще внизу, будет поздно. (*Снимает трубку — долгие гудки. Набирает станцию — два гудка.*)

Телефонистка *(толстая, ленивая)*. Ваш номер, пожалуйста?
Миссис Стивенсон *(отчаянно, шепотом)*. Станция, я в беде, ужасной беде...

Телефонистка. Не слышу вас, мадам. Говорите погромче, пожалуйста.

Миссис Стивенсон *(по-прежнему шепотом)*. Я не смею. Меня кто-то подслушивает. Вы меня слышите?

Телефонистка. Ваш номер, пожалуйста. Какой номер вам нужен, мадам?

Миссис Стивенсон *(отчаянно)*. Вы должны услышать меня! Пожалуйста. Вы должны помочь мне. Кто-то проник в дом. Кто-то, кто должен убить меня. Вы должны связаться с...
Щелканье, — трубка парного телефона кладется на место.

(Дико кричит.) О, он здесь! Он положил трубку, трубку парного телефона, он идет сюда! *(Визжит.)* Он подымается по лестнице! *(Хрипло.)* Дайте мне отделение полиции. *(Визжит.)* Полицию!

Телефонистка. Соединяю с отделением полиции.

Звонит телефон. Мы слышим звук приближающегося поезда. Второй звонок. Второй вопль миссис Стивенсон, но его заглушает грохот поезда. Несколько секунд слышится только громыханье вагонов по рельсам. Когда шум затихает, в полицейском участке раздается третий звонок телефона.

Даффи. Отделение полиции Пресинкт 43. Даффи слушает. *(Пауза.)*
Отделение полиции. Даффи слушает.

Джордж. Простите, не тот номер. *(Вешает трубку.)*

Превратности судьбы

Диктор. Обри Уисберг — «Превратности судьбы...».

Громкая музыка, которая постепенно затихает, так что на ее фоне слышны слова диктора.

Кабинет начальника центральной тюрьмы штата. Музыка смолкает. Шум открываемых и закрываемых дверей.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Номер 1424. Джон Вард. 15 лет. Кажется, нам представляется возможность хорошо узнать друг друга.

В а р д. Вас это радует, очевидно, больше, чем меня.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Сожалею, что вы нашли возможным совершить то, что привело вас сюда, Вард, но я надеюсь, что здесь вы сможете обрести самого себя.

В а р д. Я никогда не считал себя потерянным.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Ну, это на чей взгляд. Я много читал о вас в газетах. Жаль, что человек ваших способностей нашел им такое недостойное применение. У вас, должно быть, есть какая-то своя философия? Не поделитесь ли вы ею со мной!

В а р д. Охотно дам ее вам взаймы — на время вынужденного отдыха от активной жизни, при условии, конечно, что вы не забудете вернуть свой долг.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Видя перед собой вас как образец того, что ожидает должников в случае забывчивости, я не премину вернуть ее назад.

В а р д. Лучшим другом человека является он сам.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Что вы сказали?

В а р д. Философия, о которой вы спрашивали: лучший друг человека — он сам.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Так просто?

В а р д. Жизнь достаточно сложна и без громоздких философских теорий. Хотите небольшую побочную тему к основному лейтмотиву? Будь готов к любым неудачам в жизни — и их у тебя почти не будет.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Понимаю, и вы были готовы?

В а р д. Самому себе я это доказал.

Начальник тюрьмы. А вы и впрямь исключительный человек. Вард. Вам, конечно, кажется, что это неудача, но я был готов к этому.

Начальник тюрьмы. Хотел бы я знать...

Вард. Он хотел бы знать... Им всем хотелось бы знать, что я сделал с деньгами. Пускай жаждут, иссыхают от желания, ломают головы, обзывают вором, мошенником, парией — кем угодно, они и их газеты. Любой из этих писак не отказался бы поменяться со мной местами на пятнадцать лет, зная, что по выходе у него будет состояние, — отбою не было бы от леди и джентльменов. Но здесь нужен ум, а этот продукт, к счастью, распределяется не поровну, иначе нам пришлось бы голодать.

Фло. Голодаты! Джон, нам придется голодать. Они засадят тебя в тюрьму, — ты выйдешь оттуда старым и больным. Прошу тебя, Джон, не бери этих денег.

Вард. Я уже взял их, Фло.

Фло (рыдая). Джон, я не понимаю тебя. У тебя есть работа, жалование. Мы счастливы — у нас есть еда, крыша над головой...

Вард. Место на кладбище, купленное в рассрочку. Фло, я не могу жить только для того, чтобы умереть. Должно же существовать еще что-то, кроме этого монотонного повторения одного и того же.

Фло. Быть счастливым и довольным, — что еще нужно человеку? Все только и стремятся к этому, а у нас это было — у тебя и у меня.

Вард. Счастье и довольство — это очень много. И все это ты нашла во мне, Фло?

Фло. О Джон, все это и еще больше.

Вард. Ты была мне хорошей женой, Фло, гораздо лучшей, чем я заслуживал, но я решил — и у меня нет пути назад, даже если бы я захотел. Деньги я не отдам, Фло, даже если...

Фло. Даже если...

Вард. Да, Фло, даже если это означает потерять тебя. Я не стою тебя. Разведись со мной и выйди за Джорджа Бейтса.

Фло. О Джон, что ты говоришь!

Вард. Отныне я остаюсь один, один, сам по себе. Выживают самые приспособленные, самые ловкие, самые быстрые; быстрее других достигает цели тот, кто путешествует в одиночку, один, оставив далеко позади остальных. Быстрота ног, быстрота ума, дерзость, хладнокровие, наглость, друг только самому себе — единственный сезам, открывающий пещеру Али-Бабы, ключ к его сокровищам, моим сокровищам, моим целям, — это стоит пятнадцати лет, нет, это стоит еще больше. Мир будет ждать меня с распростертыми

объятиями, когда я выйду, рабы поднесут на подносах свои дары: нектар, услаждающий нёбо, шелка для измученного тела, мягкое ложе, все прелести мира на выбор. Радость без конца, наслаждение без пресыщения, безмерное блаженство мое, мое, мое — и за все это жалкие пятнадцать лет. Кто посмеет остановить меня, ведь я друг одному, и этот один — я сам. Бедняжка Фло боролась за жалкие крохи, таясь, сопровождала меня в поезде, в котором меня везли сюда, все еще надеясь, веря, что я передумаю, забыв, что я раз и навсегда отказался от краж в ожидании будущей контрибуции от всего мира мне, мне одному.

Фло. Джон...

Звук паровозного гудка.

Вард. Что, Фло?

Конвоир. Леди, кто вы?

Фло. Я — миссис Вард, жена этого заключенного.

Конвоир. Простите, леди, но с заключенными, когда их везут в тюрьму, разговаривать запрещено.

Фло. Я... я... не стану ничего говорить. Я просто сяду напротив.

Конвоир. Мне жаль, леди, но с ним нельзя разговаривать.

Фло. А с вами? С вами можно?

Конвоир. Со мной? Со мной можно. В инструкции нет запрещения на этот счет.

Фло. Тогда, может быть, вы скажете заключенному, что я пришла, чтобы в последний раз умолять его вернуть деньги.

Вард. Фло, я...

Конвоир. Молчать! Заключенным запрещается разговаривать.

Фло. Скажите заключенному, что Страховая компания обещалахлопотать о выдаче его на поруки, если он скажет, где деньги. И что иначе... иначе ему придется отсидеть весь срок полностью.

Конвоир. Леди, я не могу запомнить разом столько.

Вард. Передайте моей жене, сержант, что я благодарен ей за доброту, я понимаю, что она руководствуется самыми благородными побуждениями. Но ее доводы на меня не действуют, они не могут стереть воспоминаний о нашем нищенском существовании.

Фло. Джон... то есть я хочу сказать, скажите моему мужу, что его злейший враг — он сам; меня не страшит бедность. Пока мы вместе, я готова терпеть все, что угодно. Никакие деньги не стоят лучшей поры нашей жизни.

Вард. У моей жены пессимистический взгляд на вещи, сержант. Поистине удивительно, сколько верности и всепрощения способен пробудить в сердце женщины отъявленный негодяй.

Пожалуйста, передайте моей жене, что я не стою ее душевных мук, сержант. Пусть она разведется со мной и забудет меня.

Ф л о. Прошу вас, скажите ему, чтобы он не говорил со мной так, пожалуйста, пусть он не говорит со мной так.

В а р д. Передайте моей жене, что я намерен выполнить то, что задумал, убедите ее, что я не тот человек, который ей нужен. Говоря языком нашего времени, мне ничто не было дано, у меня есть только то, что я взял сам, и я намерен сохранить и насладиться этим.

Ф л о. О, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, убедите моего мужа не растрачивать таким образом нашу жизнь, не губить нашу юность годами мучительного безнадежного ожидания.

В а р д. Обратите внимание моей жены на тот факт, что юность, проведенная в нужде, гораздо менее желанна, чем зрелость в изобилии — по крайней мере для меня.

Ф л о. Джон, о Джон!

К о н в о и р. Леди, я уже предупреждал вас; вы не должны разговаривать с заключенным.

Ф л о. Простите... Скажите моему мужу, что, даже отсидев свой срок, он не обретет покоя, за каждым его шагом будут следить, чтобы узнать, где он спрятал деньги, он не сможет наслаждаться жизнью, все его страдания будут напрасны.

В а р д. Передайте моей жене, что ее доводы не оригинальны, я все обдумал и уверен, что все не напрасно. К сожалению для нас, она не в состоянии понять, что я — один из тех редких разрушителей закона, которым суждено пробуждать в душе окружающих сожаление по поводу того, что огромный интеллект был направлен не на служение им, а, увы, на осуществление преступных замыслов. Подобное запоздалое открытие никому не приносит добра. Вы согласны со мной, сержант?

К о н в о и р. Нет, и заткнись.

В а р д. Еще одна просьба, последняя. Передайте моей жене, что единственное, о чем я сожалею, это о том, что был для нее обузой. Я надеюсь, что время и другой, более благоразумный человек исправят то зло, которое причинил ей я.

Приглушенные рыдания женщины. Паровозный гудок.

Время... время... Как много прошло времени... Сколько я здесь? Атом, песчинка в тюремном забвении, резонатор в безмолвии вакуума, где беззвучные вопли раздирают барабанные перепонки. Каждая мысль — звон набата, биение сердца, грохот канонады, тело, сотрясаемое яростью крови, кипящей в венах, бессмысленный вопль крови, сводящий с ума... Су-масшествие здесь... Нет, нельзя... Интересно, что бы произо-

шло, если бы в тюрьме вспыхнул пожар... Как странно быть частицей живого мира и находиться в таком от него отдалении... Случись землетрясение, я, наверно, остался бы гнить здесь, забытый в суматохе, никому не нужный, погребенный навечно под пеплом последнего костра, неотделимый от бесконечности... Нельзя думать об этом... И все же пожар, землетрясение — все это возможно, но ужасно бессмысленно... Это не рассуждение высокоразвитого интеллекта, ребяческие фантазии примитивного ума, воспаленного бактериями собственной истерии... Необходимо переключиться на темы более высокие, значительные.... У нас в доме была кошка, она проглотила клубок пряжи, и, когда у нее родились котята, они были одеты в свитера... Откуда это лезет в голову? Ниоткуда. Я полагаю, мозг — независимая субстанция, и он находится в постоянной борьбе с телом, как я с Бутчем, Бутчем, Бутчем...

Бутч. Эй ты, падло, куда прешься...

Свисток, шаги идущих друг за другом заключенных.

Перестань наступать мне на пятки, слышишь!

Вард. Отдавил любимую мозоль, а, Бутч?

Бутч. Ах ты, дерьмо, для тебя я весь любимая мозоль!

Вард. Значит, если давить, так целиком, да, Бутч?

Бутч. Подожди, ублюдок.

Надзиратель. Заткните глотки, вы там!..

Бутч. Я подрежу твой поганый язык!

Надзиратель. Карцера захотелось?

Бутч (*шепотом*). Я припорю тебя, Вард! В первый же раз, когда его здесь не будет. (*Кивает на надзирателя.*)

Вард. Ты пытался лизать мне зад, Бутч, но это не помогло. Убив меня, ты тоже ничего не добьешься. Неужели ты думаешь, что после стольких лет заключения я открою секрет первому же каторжнику, которому захотелось прикарманить половину моих денег?

Бутч. Тебе придется сказать, где капуста. Уж это я из тебя выколочу.

Свисток.

Надзиратель. Разойдись!

Приглушенные голоса в глубине тюремного двора.

Бутч. Ты слышал, что я сказал? Раскалывайся, пока не вышел мой срок, иначе тебя вынесут отсюда ногами вперед.

Вард. Я не боюсь ни твоих угроз, ни твоих кулаков. Эти деньги стоили мне пятнадцати лет жизни.

Бутч. Не дашь по-хорошему — заберу все.

Вард. Ты не первый, кто угрожает мне. Каждый новенький заключенный, попадающий в эту тюрьму, знает о моем деле. Не ты первый пытаешься выманить у меня мой секрет.

Бутч. Я тебе такой ад устрою, ты мне ноги целовать будешь...

Вард. Предупреждаю: держись от меня подальше, Бутч, не то я пожалуюсь начальнику.

Бутч. Ах ты, мусор! *(Тихо.)* Где часовой, Дени?

Дени. За воротами, Бутч.

Бутч. О'кэй! Ну что ж, я покажу тебе, что я не шучу.

Удар кулаком по телу.

Дени. Давай! Здорово, Бутч. А за что ты его?

Бутч. Он — мусор, легаш чертов.

Избивают человека.

Гад, падло.

Удары, ругань: «Пришей ему, Бутч! Мусор! Врежь ему». Резкие свистки, сначала в отдалении, затем все ближе и ближе.

Надзиратель. Немедленно прекратить! Прекратить! Разойдись! Кому говорят?! Кто начал драку? Кто затеял все это? Молчите, да? Ты, 1424-й, отвечай, кто начал драку?

Вард. Какая же это драка? Так, дружеская проба сил.

Надзиратель. Любовное объятие. Сотри кровь с лица и выплюнь выбитые зубы, ты!.. 1584-й, это ты ударил этого парня?

Бутч. Какого?

Надзиратель. Я знаю, как заставить вас разговаривать. Постройсь! Сейчас вы нанесете небольшой визит начальнику тюрьмы. Мне надоели ваши ежедневные драки на прогулке.

Свисток.

Вард. Марш, марш, свинцовым шагом проходящих лет, но уже близится заветный день... Какое предательство написано на лице времени, обращенном к прошлому, и как оно сияет, повернувшись к будущему, с каким упорством завтра наплывает на вчера, а вчера погружается в прошлое, историю, с какой стремительностью народившееся становится мертвым, как короток интервал между ними! Мне же достаточно времени и даже слишком, чтобы познать сущность каждого мгновения, испить сутки до дна час за часом. Но что, если мне не суждено испить чашу счастья, если меня поразит безумие, и я покину эту могилу лишь для того, чтобы сойти в другую?

Господи, спаси меня от подобной бессмыслицы, сохрани мне силы и разум, силы и разум, разум, разум, разум и силы.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. С тех пор как вы у нас, вы доставляете нам достаточно много хлопот. А ведь, казалось, давно уже пора понять, что примерное поведение принесло бы вам, Вард, больше пользы. Оно сократило бы вам срок. Вместо этого вы опять наварались на неприятность.

В а р д. Они не хотят оставить меня в покое, начальник.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Вы неисправимы, Вард. Что стряслось опять?

Б у т ч. Этот ублюдок...

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Молчать, ты! Я не тебя спрашиваю. Ответьте, Вард. Я не потерплю нарушений тюремной дисциплины. Вы, по-видимому, не извлекли уроков, Вард, а ведь именно эту цель преследовало общество, поместив вас сюда.

В а р д. Подчас цели общества бывают бессмысленны.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Вард, вы принесли в тюрьму ошибочные взгляды. Если бы вы придерживались другой философии, ваше пребывание здесь было бы гораздо приятнее для вас. Вы — постоянный источник беспорядка. Вы провели здесь десять лет, неужели же вы не поняли, что одиночка не в состоянии противостоять системе. В этих условиях легчайший путь — путь наименьшего сопротивления.

В а р д. Если я и причинял беспокойство, то только тогда, когда его причиняли мне. Эти люди рыщут вокруг меня, как ищейки, вынюхивая, куда я спрятал лучшие кости. Мое пребывание здесь — это пребывание в самых глубинных кругах ада. Они сторожат мой сон, прислушиваются к сонному бормотанию — вдруг я проговорюсь. Они угрожают мне, они избивают меня.

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Вы совершили преступление и расплачиваетесь за это.

В а р д. Но они не дождутся от меня ни слова, ни звука. Пускайте в ход все ваши грязные приемы, изобретайте любые пытки, вы ничего не узнаете, ничего, ничего!..

Н а ч а л ь н и к т ю р ь м ы. Прекратите, Вард! За драку на прогулке, которую вы затеяли, несмотря на неоднократные предупреждения, по неделе изолятора каждому.

В а р д. Пускай увещевают, издеваются, пинают, избивают до синяков, бросают в эту вонючую яму, пытаются, — я уплатил годами жизни за эти деньги, и они никогда не узнают, где они, никогда. Я здесь, внизу... Неужели они забудут об этом, обо мне. Эти стены станут гробницей, в которую меня запихали, чтобы избавиться от меня под покровом темноты. Сегодня здесь темнее, чем в предыдущий раз. Не потому ли, что тем-

нота стугилась под напором стен, надвигающихся на меня, чтобы раздавить, выжать из меня тайну? Они не останутся ни перед чем, пустят в ход любую хитрость, только бы наложить лапы на мои деньги. У меня участилось дыхание, чаще, чаще... Это стены сдвигаются, вытесняют воздух, неслышно окружают меня, чтобы вырвать признание. Они будут теснить, теснить, пока у меня не иссякнут силы терпеть и мои стоны не вырвутся наружу, а все прошедшие пятнадцать лет будут корчиться в пыли без смысла, без конца, без конца, который конец всех концов и начало бесконечности... которого все боятся и никто не знает... Хватит. Довольно... Чей это голос? Мой, конечно... Сон... Если бы я смог уснуть, усыпить свой мозг, надеть оковы на сознание, заставить подсознание задушить беззвучные голоса — сумасшедший хор, от которого готовы лопнуть барабанные перепонки...

Б у т ч (фильтр). Я тебе устрою такой ад, ты мне ноги будешь целовать.

На д з и р а т е л ь (фильтр). Вытри кровь с лица и выплюнь выбитые зубы.

Д е н и. Во! Здорово, Бутч! А за что ты его?

Х о р г о л о с о в. Пришей его, Бутч! Мусор! Врежь ему, Бутч!..

Ф л о (фильтр). О, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, убедите моего мужа не растрчивать нашу жизнь, не губить нашу юность годами мучительного безнадёжного ожидания.

В а р д. О господи, бедняжка Фло! Какая жестокость по отношению к ней! Надеюсь, теперь у нее есть все прекрасные вещи, которые она заслужила. Надеюсь, она забыла меня, забыла окончательно, как если бы я не существовал вовсе. Она ни разу не пришла навестить меня. Наверно, Джордж Бейтс запретил ей это. Он всегда недолголюбивал меня, и я рад, что он запретил ей. Пусть прошлое умрет и все пятнадцать лет канут в вечность. А я забыт, забыт и никому не нужен. Если бы это было так и для тех, кто преследует меня по пятам. Но они не оставляют меня в покое, они приходят ежегодно, приходят, вынюхивают, выспрашивают, галдят, галдят, галдят...

Р е п о р т е р. Я из «Дейли пресс», мистер Вард. Мне поручили написать о вас репортаж.

В а р д. Снова? Они приходят сюда каждый год, мужчины и женщины, и все хотят, чтобы я дал им материал. Но мне нечего сказать им, и у меня нет желания ни видеть их, ни говорить с ними.

Р е п о р т е р. Я понимаю вас, мистер Вард, и разделяю ваши чувства. Мне, право, очень неприятно надоедать вам, но сегодня юбилей вашего вступления в тюрьму, и шеф считает, что из

этого может получиться неплохой сюжетик, нечто вроде пасхального рассказа или репортажа «Десять лет после войны». Вы же знаете — всегда одно и то же, но всякий раз по-новому. Вы по-прежнему намерены воспользоваться похищенными деньгами и смыться от полиции за границу?

В а р д. Почему вы не оставляете меня в покое? Поймите, я уже расплатился за эти деньги полностью, они мои и только мои. Почему вы не хотите предоставить меня самому себе?

Р е п о р т е р. Я понимаю, жестоко преследовать вас таким образом, но это моя работа, это мой хлеб. Мне дали задание, и я должен принести материал. Значит, о добыче по-прежнему молчок? Как со здоровьем?

В а р д. Все в порядке.

Р е п о р т е р. Итак, вы держитесь в форме в предвкушении кучи денег, ожидающей вас по выходе, не так ли? Вот была бы потеха, если бы вы заболели потом и ухлопали все ваше богатство на докторов и операции, а?

В а р д. Не вижу в этом ничего забавного.

Р е п о р т е р. Как вы ладите с остальными заключенными? По-прежнему держитесь особняком? А они по-прежнему ходят за вами по пятам в надежде поделить денежки, а? Что вы собираетесь делать с деньгами при условии, что вам удастся смыться и вас не сцапают? Вино, женщины, развлечения? Маленький домик на Западе или еще где-нибудь?

В а р д. Ради бога, отцепитесь от меня, оставьте меня в покое! Покой, покой, покой, покой! Отведите меня назад в камеру! Отведите меня назад в камеру! Строчите что угодно, только оставьте меня в покое, в покое, одного, одного, одного. Почему меня не могут оставить одного? Тянутся заграбастать то, что им не принадлежит, мужчины, женщины, каторжники, стражники, честные люди, обезумевшие от всепожирающей жадности собственники, набрасывающиеся на добычу, осаждающие меня со всех сторон враги, следующие по пятам за моей тенью, огромные глаза, с алчным любопытством прикованные к каждому моему движению, слоновьи уши, напряженные в напрасной надежде, в ожидании, что я изнемогу в борьбе с однообразием и повторением, что безумие страдания заставит меня произнести желанные для них слова... Мужчины, женщины, заключенные, надзиратели...

М у ж ч и н а. Послушай, приятель, не оглядывайся, рядом охрана. Слушай, я — электрик, работаю в тюрьме по найму, живу в деревне по соседству, шепни, куда ты спрятал монету, и я тебе достану такого адвоката — в минуту вызволит тебя отсюда. Скажи только — где...

Ж е н щ и н а. Вы меня, конечно, не знаете, пришлось сказать, что я

ваша двоюродная сестра, иначе бы мне не выдали пропуск. Сегодня день свиданий. Послушайте, где вы спрятали деньги? Мой дружок изобрел такую штучку, которая обогатит нас, если... Нужно совсем немного, чтобы завершить ее. Доверьтесь нам. Несколько тысяч, а барыши мы делим пополам. Вы станете миллионером.

З а к л ю ч е н н ы й. Послушай, у меня на воле кореш, понимаешь, у него связи, они могут устроить так, что мы в любую минуту окажемся по ту сторону забора. Конечно, придется подмазать кой-кого, ты можешь сказать, где башли, и я шепну это парням, мы махнем с тобой через мексиканскую границу и проживем, как крезы. Что ты на это скажешь?

О х р а н и к. Тсс! Я из ночной охраны, сторожу ворота. Могу многое сделать, чтобы облегчить тебе жизнь. Мне твои деньги не нужны, только то, что будет причитаться за некоторые поправки. Скажи, куда ты их закопал?

В а р д. Закопал... закопал в бездонные глубины желаний, голода, тоски, тяжело взбираясь по лестнице пустых лет к вершине великого завтра, где забудутся все страдания, где меня ждут все радости и блаженство. Что это стучит мне в ухо — бух, бух, бух? Удары времени, отсчитывающие вечность, в то время как биение сердца отсчитывает предел моей жизни. Оберни ко мне свое лицо, время. Я молился тебе, как никто другой, молился, терпеливо перебирая бусину за бусиной четки длиной в пятнадцать лет, всем биением своего пульса приветствуя приближающиеся секунды конца, несмотря на удары, ушибы, синяки и ловушки, ловушки, ловушки...

К е й с. Моя фамилия Кейс. Меня прислала к вам Компания, в которой вы служили.

В а р д. Очень мило с их стороны, что после стольких долгих лет они еще помнят об мне.

К е й с. Именно поэтому и вспомнили о вас, Вард. Вы отсидели более половины срока.

В а р д. И вы приехали сюда, чтобы передать мне их поздравления?

К е й с. Я приехал, чтобы сделать вам предложение.

В а р д. Меня оно не интересует.

К е й с. Погодите, выслушайте меня.

В а р д. Меня оно не интересует.

К е й с. Компания предлагает взять вас на поруки, если вы укажете, где деньги.

В а р д. Меня не интересует это предложение.

К е й с. В таком случае я уполномочен передать вам, что вам не удастся воспользоваться этими деньгами, ваши планы окажутся химерой. Как только вы выйдете из тюрьмы, к вам

будет приставлен сыщик, который неотступно будет следить за каждым вашим шагом. Эти деньги ничего не принесут вам. Вы получите лишь новую тюрьму за пределами тюремных стен.

Вард. Вы кончили?

Кейс. Будьте же благоразумны. Еще минутку. Стража далеко?

Вард. За дверью.

Кейс. Послушайте, Вард, вас это интересует. Но об этом не должна знать ни одна душа, понимаете? Это велел мне передать сам босс Джи Эс. Он вызвал меня к себе в кабинет и... Если вы вернете деньги, десять процентов ваши. Никто об этом не будет знать. Мы объявим, что деньги были возвращены, и положим на ваш счет десять процентов суммы — компенсация за годы, проведенные здесь. Небольшое частное соглашение, касающееся только фирмы и вас. Да, Джи Эс — великий человек. Такая гуманность! Через шесть месяцев вас помилуют. Ну как, идет?

Вард. Меня это не интересует.

Кейс. Ах ты, грязный ворюга, ничтожество! Ладно, оставайся гнить тут заживо, уж мы создадим тебе все условия, можешь мне поверить. Мы тебе такую жизнь тут устроим — смерть покажется тебе избавлением, ты о ней мечтать будешь, слышишь, мечтаты!

Вард. Они сделали все, чтобы уничтожить меня, но я выстоял, несмотря на все ухищрения людей, закона, товарищей по несчастью, моя тайна оставалась при мне, я торжествую над всеми, кто думал лишить меня моего триумфа. Пусть делают что хотят, — я защищен от всего и всех, всех, всех, кроме самого себя. Только себе я был верен, себе, и я получу свою награду, она смоет усталость с моей души, отворит сверкающие двери свободы, неизведанной глупцами, миллионами глупцов, воображавших себя свободными, свободными, свободными...

Музыка, скрип отворяемых тюремных ворот, шаги, звон ключей; отворяются следующие ворота, отдаленный звук фабричного гудка, звон ключей; отворяются третьи двери, фабричный гудок слышнее; еще двери: возвращение человека из невидимых глубин в мир повседневной жизни.

Начальник тюрьмы. Ваш срок истекает сегодня в полдень, Вард.

Фабричный гудок прекращается.

Срок истек, вы свободны.

Вард. Благодарю вас, начальник.

Начальник тюрьмы. Пойдите к тюремному портному и получите костюм, который полагается по закону всем, кто отсюда выходит. Затем зайдите в кассу, получите там десять долларов. Закон выдает их вам, чтобы с их помощью вы начали новую жизнь.

Вард. Благодарю вас, начальник.

Начальник тюрьмы. Желаю удачи. Прощайте.

Вард. Прощайте.

Начальник тюрьмы. Послушайте моего совета, Вард. В одиночку невозможно победить общество и его законы. Живя бок о бок со всеми согражданами, вы должны бок о бок работать с ними, а не против них. Поступать иначе — значит поступать глупо. У вас нет никаких шансов на выигрыш. Кстати, у меня есть нечто принадлежащее вам. Я бы хотел возвратить это назад.

Вард. Да?

Начальник тюрьмы. Вашу философию, которую вы одолжили мне пятнадцать лет назад. Помните? Она немножко поистрепалась, правда, боюсь, что теперь вам от нее не много пользы. Вы были в запале, когда впервые выбрали ее. «Лучший друг человека — это он сам». Помните? Нет, Вард, «худший враг человека — это он сам». Надеюсь, теперь вы это понимаете.

Затворяются три двери: первая — вдалеке, вторая — ближе, третья — совсем близко; шаги человека, дождь.

Охранник. Ваш пропуск.

Вард. Пожалуйста.

Охранник. Проходите.

С громким скрипом открывается дверь.

Надеюсь, приятель, ты будешь держаться подальше от нас. Желаю успеха. Обидно, что в твой первый день такая паршивая погода. Какой холодище! Привет.

Двери затворяются, шум дождя усиливается.

Фло. Джон?

Вард. Кто это? Э?

Фло. Да это я, Джон.

Вард. Фло? Фло? Фло!

Фло. Да, Джон.

Вард. Но.. но что случилось с тобой? Почему ты?...

Фло. Я постарела на пятнадцать лет, Джон. Вот и все, что случилось со мной.

Вард. Ты пришла меня встретить, ты не забыла, что я сегодня должен выйти? А что с Бейтсом? Где Джордж Бейтс?

Фло. Умер, Джон, умер.

Вард. Значит, ты вдова?

Фло. Нет, нет, Джон, я жена.

Вард. Жена?

Фло. Да, Джон, жена, твоя жена.

Вард. Но...

Фло. Я не вышла замуж за Джорджа Бейтса.

Вард. И все эти годы — где?..

Фло. Я жила в деревне, поблизости, я работала служанкой в одной семье, мне хотелось быть поближе к тебе, Джон. Последние пятнадцать лет я не уезжала далеко от тюрьмы. Я знала, ты не хочешь, чтобы я навещала тебя, ты ведь сам мне сказал об этом. Поэтому... поэтому я просто... просто ждала.

Вард. Фло, бедная моя Фло, что я сделал с тобой! Но я верну тебе все сторицей, за все пятнадцать лет, и за то, что было раньше. Фло, у меня есть деньги, у нас есть деньги, Фло. Впереди у нас еще много лет, впереди у нас яркая, блестящая жизнь.

Фло. Ты не сердись, что я ждала тебя, Джон?

Вард. Сержусь? Да я благословляю бога за то, что это случилось! Фло, я больше не одинок, у меня есть друг, настоящий верный друг.

Фло. Джон?!

Вард. Фло!

Фло. Эти деньги, Джон... я нашла их...

Вард. Нашла?

Фло. Несколько дней назад. Я знала, что ты выходишь из тюрьмы, мне нужны были деньги, чтобы встретить тебя, порадовать тебя чем-нибудь, чтобы ты смог забыть как можно быстрее все, через что ты прошел. Я продала наше место на кладбище.

Вард. Наше?..

Фло. Я нашла деньги там, где ты их спрятал, — в пустом пьедестале маленького надгробия над могилой Самсона, рядом с нашей землей. Мы когда-то были друзьями. Я принесла ему букетик цветов, наклонилась, чтобы положить их на могилу, камень треснул, и я увидела... (Пауза.) Джон, вспомни, что ты сказал несколько минут тому назад. (Пауза.) О годах, которые у нас впереди, и о том, что нас ждет яркая, прекрасная жизнь. Я слушала твои слова, как музыку. Это было так красиво, Джон! И вот почему, Джон, я возвратила деньги твоей старой Компании. (Пауза.) Джон! (Пауза.) Джон! (Неуверен-

но.) У меня есть для тебя маленькая комнатка в деревне, пока... пока мы не устроимся. Я приготовила на ужин великолепный бифштекс, такой, как ты любил. *(Пытаясь скрыть охвативший ее панический страх.)* Картофель, жаренный картофель с золотистой корочкой, как тебе нравится, и тушенную в молоке кукурузу. Помнишь, ты всегда просил, чтобы я готовила ее тебе, и ореховые лепешки, которые ты приносил к обеду после работы, а на десерт — твоё любимое, любимое... *(Пауза.)* Джон, ты думаешь о деньгах, да? *(Пауза.)* Скажи мне, говори со мной, не молчи, скажи мне, ты думаешь о них? О чем ты думаешь, Джон? Джон! Джон! Ты о...

Вард. Да-да, Фло, о них.

Фло. Джон!

Вард. Я думаю, я теперь богаче, богаче, чем был когда-либо в самых несбыточных мечтах!..

Фло. Джон! *(И так как она не в состоянии иначе выразить невиданное счастье, охватившее ее, то продолжает задыхаясь.)* И твоё любимое клубничное пирожное.

Нежная музыка.

И я сохранила твою старую трубку и купила тебе новые домашние туфли, и газету, которую ты всегда читал, — все, как было прежде, как будет и дальше, всегда. Какой дождь! Ты весь промок. Пойдем домой.

Вард. Да-да, Фло, мы пойдем домой.

Музыка нарастает.

Джером Лоренс и Роберт Ли

В голове у мальчишки

Диктор. В голове у мальчишки... Эта экскурсия по мозгу десятилетнего мальчика проходила под моим личным руководством; записали ее Джером Лоренс и Роберт Ли. Дамы и господа, все готовы? Очень хорошо. Прошу вас пройти сюда, так... А теперь следуйте за гидом!

Музыка: звучит тема «В голове у мальчишки», постепенно становится тише, затем стихает. Вся следующая сцена сопровождается легким эхом. Слышно движение группы.

Гид. Мы стоим сейчас внутри мозга... э-э... Ричи Прайса. Обычно это не входит в экскурсию за пятьдесят пять центов, но... Простите, сэр! Не стойте так близко у тех нервных центров! Высокое напряжение, понимаете...

Мужчина. О, виноват.

Гид. Ричи сидит сейчас на уроке истории в своем пятом «Б» классе. Мы находимся в его продолговатом мозгу; прямо перед нами — мозжечок.

Женщина. Простите, а вот там — что это такое? Очень похоже на маленькие облака.

Гид. Это и есть облака, мадам. Мальчик только что витал в облаках. Мм... Так вот. Обратите внимание, какие здесь стены. Они покрыты серым веществом, которое поглощает любую мысль, если она сюда попадает.

«Фюйгы!.. Фюйгы!...» — что-то пролетает со свистом.

Женщина. Ах!..

Мужчина. Гид, что это было?

Гид. Это как раз была мысль, влетевшая в одно ухо и вылетевшая в другое!.. А посмотрите-ка вон туда!

Женщина. Куда?

Гид. А вон, выглядывает из-за тех мозговых клеток еле заметно... Это дата.

Мужчина. Что-что?

Гид. Дата. Правда, она настолько неясна, что и не разберешь, какой год!.. Хо, угадал! Это 1215 год нашей эры! *

«Фюйть!» — дата вылетает со свистом. Все посмеиваются.

Ну и парнишка, смышлен, ничего не скажешь!

Мужчина. А что, все даты такие же путливые, как эта?

Гид. Да нет, просто у этого мальчика, боюсь, не очень хорошая память на даты.

Женщина. Простите... А как, вы сказали, его зовут?

Гид. Ричи Прайс, мадам.

Шаги.

А сейчас мы поднимемся по этому проходу и увидим большой головной мозг. Будьте осторожны у этой впадинки! Не соскользните туда!

Женщина. Ой, как глубоко! Что это, гид?

Гид. Провал памяти — и тоже не маленький!

Гул работающего автоматического аппарата, наподобие счетной машины.

Мы входим в самую большую секцию мозга — его полушария. Справа вы видите главный пульт управления таких автоматических функций, как пульсация сердца, пищеварение, дыхание и так далее.

Первый голос (*странным звучащий*). Вдох!

Слышен шумный вдох.

Выдох!

Слышен шумный выдох.

Вдох!

Шумный вдох.

Выдох!

Шумный выдох.

Женщина. Должно быть, это механизм дыхания!

Гид. Правильно, мадам. А вот регулятор пищеварения.

Второй голос (*через разговорную трубу*). Еще четыре капли лакрицы прошли через гортань!..

* В 1215 году английский король Иоанн Безземельный, младший брат Ричарда Львиное Сердце, подчиняясь требованиям восставших баронов и горожан, подписал Великую хартию вольностей.

Третий голос (*гулко*). О'кэй. Немного прибавить желудочного сока!

Второй голос (*в трубе*). Слушаюсь, шеф!

Гул, как на коммутаторе. Щелчок.

Третий голос (*гулко*). Главное управление слушает. Говорите!

Четвертый голос (*несколько резкий*). Говорит желудок! (*Обиженно.*) Послушайте, шеф! Я совершенно расстроюсь, если не прекратится эта постоянная еда между нормальными приемами пищи! Я еще не переварил и бутербродов, поступивших во время второго завтрака! Должны же мы иметь хоть небольшую передышку!..

Третий голос (*гулко*). Хорошо, я немедленно пошлю меморандум в отделение «здорового смысла». Может, этим удастся приостановить поступление пищи. Но в последнее время от здорового смысла очень трудно добиться взаимодействия... (*Постепенно стихая.*) Делайте все, что в ваших силах.

Четвертый голос. Слушаюсь, шеф!

Щелчок выключателя.

Женщина. Как удивительно, правда?

Гид. Да, очень сложная аппаратура. А сейчас у нас есть кабина для наблюдения и на третьем этаже черепа. Прошу вверх по этим ступенькам...

Шаги.

Из этой кабины вы сможете увидеть и услышать все, что происходит в голове этого мальчика. В эту сдвоенную дверь, прошу вас...

Звук открываемой сдвоенной двери.

Женщина. Ой, как тут хорошо!..

Мужчина. Плюшевые кресла и все такое. Можно курить?

Гид. Нельзя. Отдел здравоохранения запрещает — можно вызвать нервное возбуждение... А теперь — внимание! Включаю репродуктор в сеть главной мысли...

Шум... треск.

Мисс Ладлоу (*постепенно ее голос становится все более слышен, но на некотором расстоянии*). ...И, дети, не забывайте, что вплоть до того времени король Иоанн был абсолютным монархом Англии. Каждое его слово было законом!

Гид (*в микрофон*). Это говорит учительница истории.

Мисс Ладлоу (*продолжает*). Но король Иоанн не был хорошим королем. Он плохо обращался со своими подданными, вот почему бароны заставили его подписать Великую хартию.

Появляются небольшие помехи.

А сейчас, дети, закройте ваши учебники истории (*помехи усиливаются: шум, треск*), и мы начнем урок.

Гид. Слышимость неважная. Боюсь, что этот мальчик, Ричи Прайс, не очень внимателен к тому, что говорит сейчас учительница.

Музыка. «Бом!..» — вибрирующий звук с долгим эхом.

А-а!.. Заработало воображение! Причем на той же самой волне! Что-то, а это наверняка интересно...

Ричи. А теперь послушай меня, король Иоанн! В последнее время ты стал здорово зазнаваться! И нам, баронам, это чертовски надоело!

Король Иоанн (*твердым голосом*). Что ты замышляешь, сэр Ричи? Ты не имеешь права спорить с королем Англии!

Ричи. Вот это как раз мы и обсудили между собой, ваше величество. И мы пришли к выводу, что народ должен иметь свое слово о происходящих делах! Правильно, ребята?

Первый барон. Правильно! Сэр Ричи верно говорит!

Второй барон. Мы с ним!

Третий барон. Все до одного!

Мэри Джейн (*десяти лет*). Ну, папа, пожалуйста! Почему ты не сделаешь так, как просит сэр Ричи. Он такой красивый!

Король Иоанн. Это не твое дело, принцесса Мэри Джейн! А вы, вассалы, знайте, что это измена!

Ричи. Ну-ка, слезай со своего коня, король Иоанн! Мы требуем, чтобы ты поставил свое имя на этой куче бумаг, тогда людям не придется беспокоиться насчет твоего неправильного с ними обращения! Вот, у меня под латами как раз оказалась авторучка, а здесь, на этой пунктирной линии, надо подписать...

Король Иоанн. Ни за что! Ты изменник! И все вы тоже!

Ричи (*очень спокойно*). Мы не отступимся, король Иоанн! Тебе лучше подписать, не то нам придется разговаривать иначе!

Первый барон. Правильно, подписывай!

Второй барон. Подписывайте, ваше величество!

Третий барон. Мы требуем, чтобы ты подписал хартию!

Король Иоанн (*заглушая голоса*). Неужели нет больше верных своему королю?

Ричи. Мы все верны, король Иоанн! Но нам не нравится, что всякий раз ты поступаешь по-своему. Мы хотим иметь свое слово! Это же по справедливости!

Мэри Джейн. Сэр Ричи прав! Подпиши, отец!
Первый барон. Подписывай, если хочешь удержаться на троне!
Король Иоанн. Хорошо, сэр Ричи. Дайте мне ручку.

Скрип пера.

(Надувая губы, как маленький.) Вот! Забирайте свою бумажную рухлядь!

Одобрительные возгласы.

Мэри Джейн. Сэр Ричи, вы... вы такой замечательный!
Ричи *(отмахиваясь)*. А, чего там, пустяки!.. *(Покрывая крики приветствия.)* Господа!.. *(Вдруг осененный.)* Господа! Мы назовем это Великой хартией!
Первый барон. Да здравствует сэр Ричи!
Все. Сэру Ричи — ура! Ура! Ура! Ура сэру Ричи! Ричи! Ричи!..

Голоса все более отчетливо сменяются голосом мисс Ладлоу.

Мисс Ладлоу. Ричи! Ричи! Ричи!
Ричи. А?.. Что?.. *(Приходит в себя.)* Слушаю вас, мисс Ладлоу...
Мисс Ладлоу. Может, вы прервете свои бесконечные грезы, чтобы ответить на вопрос, который я только что задала?
Ричи *(мучительно думает)*. Ну-у... Мм... Э-э... *(Робко.)* Король Иоанн?..

Смех.

Мисс Ладлоу *(после того как смех стихает)*. За четырнадцать лет моего преподавания впервые я слышу, чтобы ученик ответил, что швейную машину изобрел король Иоанн!

Смех. Звенит звонок, раздается шарканье ног.

Одну минуту, класс! К завтрашнему дню выучите главу восьмую в ваших учебниках. Класс свободен.

Торопливое шарканье ног, разноголосый шум детей.

(Зовет.) Да, Ричи!

Ричи *(с тревогой)*. Слушаю вас.

Мисс Ладлоу. Ричи, как ты думаешь, что надо делать с мальчиком, который не слушает на уроках?

Ричи. Я не знаю...

Мисс Ладлоу. А ты не считаешь нужным дать ему записку, чтобы он отнес ее домой своим родителям?

Ричи *(кротко)*. Следует ли поступать с ним так... э-э... сурово?

Мисс Ладлоу *(пока скрипит перо)*. Боюсь, что следует... Вот,

получайте. *(Складывает листок.)* Прошу вас отнести это домой, дать отцу, чтобы он подписал, и затем возвратить мне. Р и ч и *(уныло)*. Слушаюсь, мисс Ладлоу.

Медленные шаги.

Мэри Джейн!.. *(Кричит.)* Эй! Мэри Джейн!..

Топот бегущих детей... Шаги замедляются...

Мэри Джейн. Отойди от меня. Я не хочу, чтобы меня видели рядом с таким глупым, как ты.

Р и ч и. Здравствуйте пожалуйста! А в чем дело, Мэри Джейн?

Мэри Джейн. В том, что ты глупый, понял? Почему ты никогда не учишь уроки?

Р и ч и. Да я учу, но... *(Обескураженный.)* То забуду, то еще что-нибудь!..

Мэри Джейн. Не провожай меня домой. Я пойду с Билли Уинклером.

Р и ч и *(презрительно)*. С ним?! *(Разочарованно.)* Вот так здорово! Ну и ну!..

Музыка: тихо, затем громче тема пьесы. Следующий диалог сопровождается легким эхом.

Ж е н щ и н а *(испуганно)*. Ой! Что это, гид?

Г и д *(спокойно)*. Леди и джентльмены, сидите спокойно! Ничего страшного не случилось. Этот низкий серый туман, клубящийся из мозжечка, не что иное, как грусть — грусть в ее чистом виде!

Звучит музыка, затем тише и совсем прекращается.

М а т ь. Ричи, вот погоди, твой отец увидит эту записку от мисс Ладлоу...

Р и ч и. Mam, может, не надо ее показывать отцу?

М а т ь *(читает)*. «Ни малейшей заинтересованности на уроках»... Так и написано. Твой отец взбесится!

Р и ч и. Может, нам не надо его беспокоить, у него и так полно забот с выборами?

М а т ь. Когда мальчики и девочки из твоего класса расскажут у себя дома о том, что ты за ученик, неужели ты думаешь, что кто-нибудь проголосует тогда за папу в следующий вторник?

Р и ч и *(безнадежно)*. Я не знаю...

М а т ь *(суетливо)*. Боже мой! Твой отец будет дома с минуты на минуту! Иди причешишься и обязательно почисти ногти, слышишь, Ричи? До обеда! Отец пригласил к нам Уинклеров.

Р и ч и. Как, и Билли? Он тоже придет?

М а т ь. Конечно. И я хочу, чтобы ты был маленьким джентльменом.

Р и ч и (тихо). Тысяча чертей!

М а т ь. Как-никак, мистер Уинклер — один из самых значительных людей в нашем округе.

Р и ч и (почти про себя). И самый толстый, это уж точно!

М а т ь. И если мы хотим, чтобы папу избрали, мы должны быть очень любезны с Уинклерами. (Вдруг.) Боже мой! Ковер в этой комнате опять весь запылится! Ричи, достань пылесос, почисти его немного! (Уходя.) Эти Уинклеры такие привереды...

Р и ч и (уставший от всего этого). Хорошо, мама.

Слышно, как открывается дверка шкафа, затем — грохот доставаемого пылесоса.

(Поет себе под нос песенку собственного сочинения.)

Билли Уинклер — что за штучка?

Билли Уинклер — он вонючка.

Билли Уинклер и т. д.

Гул включенного пылесоса... Рывки вперед-назад, то ближе к микрофону, то дальше от него... Гул сопровождает следующую речь.

(Бормочет про себя.) А нынче все пылесосы... пылесосы и швейные машины... И что в них толку? Когда-нибудь я изобрету что-нибудь огромное — вроде самолета!.. (В ритм с пылесосом.) — Жжжжжжж...

Музыка. «Бом!» — вибрирующий звук, как и прежде. Гул пылесоса постепенно сменяется гулом мотора самолета, работающего на холостом ходу... Выхлопы... Заглох.

Гмм... Очевидно, попала грязь в карбюратор. Придется равобрать мотор.

М а к (на расстоянии). Слышите, ребята, тут какая-то дама хочет поговорить с вами. Называет себя мисс Ладлоу.

Р и ч и. Смотри за ней в оба, Мак. Может быть, она вражеский шпион!

М а к. Вряд ли. Думаю, что нет... Мисс Ладлоу, вот они — величайшие изобретатели в мире! Знакомьтесь — братья Райт! * Это — Ричи Райт-старший...

Р и ч и. Рад познакомиться с вами, мадам.

М а к. А это его младший брат, тоже Ричи.

* Братья Райт (Уилбур и Орвилл) — знаменитые американские авиаконструкторы и летчики начала XX века.

Мисс Ладлоу (с благоговейным страхом). Здравствуйте!..

Ричи (с достоинством Гарри Купера). Мы были бы рады уделить вам больше времени, мадам, но, к сожалению, мы с братом неотрывно работаем над изобретением этой летающей машины. Почистил карбюратор, Ричи?

Ричи (на расстоянии, чуть изменив голос). Полный порядок, Ричи!

Ричи (в микрофон). О'кэй, Мак! Заводи!

Мак (на расстоянии). Контакт?

Ричи (в микрофон). Контакт!

Пропеллер крутится, мотор начинает работать.

Ричи. О'кэй! Сейчас взлетаем!

Мак (на расстоянии). Ни пуха ни пера, мальчики!

Ричи. Старт!

Мотор гудит сильнее.

Мак (кричит). Ребята, посмотрите на это облако пыли!..

Самолет взлетает.

Ричи (на небольшом расстоянии). Поздравляю, Ричи! Летим!!

Ричи (в микрофон). Знаешь как давай назовем наше изобретение, Ричи?

Ричи (на небольшом расстоянии). Как, Ричи?

Ричи (торжествующе). Самолетом!!!!!!!!!!!!

В полную силу гудит мотор самолета, немного спустя он постепенно сменяется шумом пылесоса, работающего без пылесборника, как сильный вентилятор.

Отец (его голос постепенно усиливается. Кашляет). Фу!.. Какого ты черта тут делаешь, Ричи? (Кашляет.) Выключи! И немедленно поставь пылесборник!

Мать (постепенно приближаясь). Что случилось?.. Бо-о-о-о-о-о-же мой!.. А пыли!.. Вся столовая!!!

Отец. Ради бога, выключи эту штуку!

Ричи (послушно). Хорошо, папа. (Выключает пылесос.)

Отец (еле сдерживая гнев). Носится по комнате, раздувает повсюду пыли!..

Мать. Посмотрите на клавиши пианино! Какой ужас!..

Отец. Что подумают Уинклеры! Надо же!.. Именно сегодня, когда я хотел произвести на них впечатление, дом похож на свинарник!

Звонок в дверь.

Бог мой! Это они!..

Музыка, переходящая в тему «В голове у мальчишки»; во время следующей сцены звучит легкое эхо.

Женщина. Послушайте, гид!

Гид. Что, мадам?

Женщина. Что сейчас происходит?

Гид. Ну, я думаю, они обедают. Точно сказать нельзя.

Мужчина. А посмотрите на окна нашей кабины! Они покрыты инеем!

Гид. Вероятно, отец смотрит на Ричи леденящим взглядом. От этого клетки его мозга леденеют и поток мысли, по всей вероятности, замерз.

Музыка стихает. Стук обеденных приборов.

Ричи (робко). Можно взять еще кусочек пирога?

Отец (холодно). Нельзя! (Затем приветливо.) Так вот, Джоб, как я уже говорил, нам всем известно, как плохо работала дорожная комиссия штата. Теперь же со всеми их взятками и подкупам будет покончено, если, конечно, меня изберут в законодательное собрание штата...

Уинклер (напоминающий короля Иоанна). Благие намерения, Прайс.

Отец. Теперь у меня есть факты насчет этих дорожных махинаций; с ними я разобью оппозицию вдребезги!.. Вот, в этой статье у меня все собрано, но газета Джеффа Грина (*выразительно постукивает по газете*) не хочет печатать ее — по политическим соображениям, разумеется. Грин ведь на их стороне.

Уинклер прочищает горло.

Что случилось, Джоб?

Уинклер. Да вот... гмм... кажется, у меня в кофе немного пыли.

Мать (*быстро*). О, мистер Уинклер, давайте, я вам сию минуту принесу другую чашку!.. (*Удаляясь.*) Боже мой!..

Билли (*скверный ребенок*). Ты чего привередничаешь, па? У меня вон в пюре тоже было полно пыли!

Уинклер. Помолчи, Билли.

Отец (*издает короткий нервный смешок*). Так вот... э-э... как я говорил, идея моя состоит вот в чем. Что, если взять некоторую сумму из партийной кассы, чтобы размножить эту статью и послать ее почтой каждому избирателю в нашем округе... Тогда дело с выборами будет в шляпе!

Мать. Кофе будет через минуту... А почему бы нам не пойти в гостиную и не выпить его там?

Шум отодвигаемых стульев.

Отец. Неплохая идея. (*Подчеркнуто.*) А ты, Ричи, возьми Билли в свою комнату и покажи ему твой электрический поезд.
Билли (*с чувством превосходства.*) Ха, он все еще играет с электрическими поездами?
Уинклер. Ступай, Билли.
Билли (*скущаясь*). Хорошо.
Отец (*удаляясь*). Как видишь, это может стоить кое-каких денег, Джоб, но мне представляется, что это единственный надежный способ заполучить нужные нам голоса...
Ричи (*подавленно*). Пошли.

Шаги вверх по лестнице.

Билли. Вы что, никогда не убираетесь в доме?
Ричи. Почему же, убираемся!
Билли. А у нас есть служанка, которая приходит каждый день!
Ричи. А, кому нужна старая дева!

Открывается дверь.

Вот моя комната.

Билли. Фи, какая маленькая! (*Чтобы поскорей отвязаться.*) Ну, показывай свой поезд.
Ричи. А вот он. Тут целая система. (*Понемногу увлекаясь.*) Вот реостат скорости, вот автоматические сигналы. Он может останавливаться запросто! Смотри!

Шум игрушечного поезда... остановка.

Видал? Ну, здорово?

Билли. А-а, мур. Забава для детишек. Что у тебя есть еще?
Ричи (*с мрачной решимостью*). У меня есть еще несколько боксерских перчаток. Вот они. Примерь.
Билли. Боксерские перчатки мне не нравятся.
Ричи. Надевай-надевай! Я кое-что покажу тебе.
Билли. Нет, не хочется.
Ричи. Ты же сказал, тебе не нравятся детские забавы. Ну вот это как раз не для детей! Давай, суй сюда свои кулаки!.. Та-ак...
Билли. Постой-ка! Смотри не ударь меня!
Ричи. Это же совсем нетрудно, погляди... Начинаешь с правой, затем левой... Вот так: правой — левой... правой — левой... раз-два... раз-два...

Музыка: бом!.. — вибрирующий звук, как прежде. Постепенно нарастает целая буря приветственных криков, как в большом спортивном зале Медисон-сквера... Слышны глухие удары и тяжелое дыхание боксеров.

Голос спортивного радиокomentатора. ...Правой по корпусу, левой по голове!.. Еще удар!.. Еще!! Сдвоенным!.. Еще сдвоенным!.. Демпси * сегодня в превосходной форме! Это бой его жизни!

Сплошной рев трибун.

О-о-о-о-о!!! Претендент нанес ответный великолепный удар в челюсть!.. Демпси шатается!.. Он прижат к канатам!..

Заучит гонг.

Гонг спасает чемпиона! Раунд окончен! Секунданты отводят Демпси в его угол...

Шум зала немного тише, раздаются отдельные выкрики. Следующий разговор на небольшом удалении.

Тренер (голос Мака). Ну как, Ричи? Все в порядке?

Ричи. Пустяки, Мак! Все в порядке! Дай мне полотенце!

Тренер. Не забывай — Ричи Демпси никогда не имел поражений!

Ричи. Не беспокойся, Мак, я тебя не подведу!

Тренер. Дело ведь не только в звании чемпиона мира в тяжелом весе или в премии в миллион долларов, — учти, что Мэри Джейн обещала пойти домой из школы с победителем сегодняшнего боя!!!

Ричи (горячо). На самом деле она так сказала?

Тренер. Больше того — она сейчас здесь, в зале, болеет за тебя!

Ричи (мелодраматически). Мэри Джейн?!.. Здесь?!..

Мэри Джейн (голос над толпой). Ура, Ричи Демпси!

Гонг.

Ричи (сквозь зубы). Сейчас я доберусь до этого Билли Фирпо!

Шум зала усиливается.

Радиокomentатор. Боксеры выходят из своих углов, они сходятся...

Страшный удар! Зал неистовствует.

О-о-о-о!.. Вот это да!!! Первым же ударом Ричи Демпси нокаутирует претендента!!! (Сквозь шум зала.) Мистер Демпси! Не скажете ли вы что-нибудь нашим радиослушателям?

Ричи (скромно и великодушно). Господа! Я счастлив, что стал чемпионом мира в тяжелом весе!!!

* Джек Демпси — популярнейший в США боксер, в прошлом неоднократно чемпион мира среди профессионалов-тяжеловесов.

Восторг зала достигает своего предела, затем внезапно прерывается стуком двери.

Отец. Ричи! Что тут происходит?

Уинклер. Билли, что ты там делаешь на полу? Ну-ка проснись, сын, вставай!

Ричи (слабо). Мы тут... играли...

Отец. Мальчик без сознания! Мать, скорей нашатыря!..

Мать (уходя). О боже...

Билли (приходя в себя). Мм... Что.. что случилось?

Уинклер (матери). Не беспокойтесь, миссис Прайс. Он приходит в себя. (Билли.) Нигде не больно, сынок?

Билли. Ой!.. Подбородок!.. (Ябедничает.) Это он, он ударил меня!

Отец. Ричи!..

Уинклер (нетерпеливо). Будьте любезны дать наши пальто! Мальчику надо скорее домой.

Отец (панически). Но, Джоб! А как же выборы? Как насчет...

Уинклер. А, оставим все это, не до того. И знайте, Прайс, если бы это был мой сын, я бы его хорошенько просветил!!!

Дверь открывается.

До свиданья!

Мать }
Отец. } (слабо). До свиданья...

Стук хлопнувшей двери. Некоторое время стоит полная тишина. Следующие фразы сопровождаются легким эхом.

Женщина. Гид, а сейчас что происходит? Я абсолютно ничего не вижу.

Гид. Ничего не происходит, мадам. Мальчик спит, и даже сны ему не снятся.

Мужчина. Это почему же?

Гид. Надо полагать, произошла временная разрядка в его воображении. И потом у мальчика был довольно-таки нелегкий день... Но скоро что-нибудь непременно случится. Вы видите, уже наступает утро...

Звучит музыка — сначала тихо, затем громче, переходя постепенно в тему пьесы «В голове у мальчишки».

Об авторах

Вик Найт
(Vic Knight)

Поэт, драматург, композитор-песенник. Родился в 1908 году. В середине 30-х годов работал штатным сотрудником Си-Би-Эс. Радиопьеса «Серебряный доллар» («Cartwheel») транслировалась по сети Си-Би-Эс 1 августа 1936 года. Руководил постановкой сам автор. Позже пьеса была опубликована в нескольких сборниках, в том числе и в первой американской антологии радиопьес — «Columbia Workshop Plays», изданной в 1939 году Д. Коултером.

Арчибальд Маклиш
(Archibald MacLeish)

Поэт, драматург, публицист, общественный деятель. Родился в 1892 году в Гленко, пригороде Чикаго. В 1915 году окончил Йельский университет. В том же году начал публиковать свои стихи. Был участником первой мировой войны. Затем изучал право в Гарварде, работал юристом. В 1923 году, решив целиком посвятить себя литературе, вместе с семьей уехал в Париж. Там началась его дружба с Хемингуэем, которая длилась многие годы. В 1928 году возвратился в США.

Тридцатые годы — период наиболее тесной связи Маклиша с прогрессивным общественным движением, время его активного участия в антифашистской борь-

бе. В это десятилетие Маклиш создает свои наиболее значительные произведения — сборники стихов «Вновь открытая земля» («New Found Land», 1930), «Фрески для Рокфеллерова небоскреба» («Frescoes for Mr Rockefeller's City», 1933), «Общественное выступление» («Public Speech», 1936); поэмы «Конкистадор» («Conquistador», 1932), «Страна свободных» («Land of the Free», 1938), «Америка была многообещающей» («America was Promises», 1939); пьесе «Кризис» («Panic», 1935); радиопьесы «Падение города» («The Fall of the City», 1937) и «Воздушный налет» («Air Raid», 1938).

В 1939 году по личной рекомендации президента Рузвельта Маклиш был назначен заведующим библиотекой конгресса. Вскоре он стал влиятельной фигурой в правительственных кругах; в 1944—1945 годах был помощником государственного секретаря, явился одним из организаторов ЮНЕСКО.

В 1946 году Маклиш оставил все занимаемые им посты государственной службы, выступал с критикой маккартизма: стихотворение «Черные дни» («The Black Day», 1948), радиопьеса «Троянский конь» («The Trojan Horse», 1950). В 50-е годы преподавал литературу в крупнейших университетах страны. В последнее время выступал с осуждением политики США во Вьетнаме.

Радиопьеса «Падение города» была написана Маклишем в 1936 году. Передавалась по сети Си-Би-Эс 11 апреля 1937 года. Вскоре после трансляции была опубликована отдельным изданием и в дальнейшем включалась в многочисленные сборники и антологии.

Перевод пьесы на русский язык был напечатан в журнале «Советское радио и телевидение» (1966, № 11). Пьеса переведена с незначительными сокращениями.

Чарльз О' Нил
(Charles O' Neill)

Драматург и новеллист. Родился в 1909 году. Из произведений, написанных для радио, наибольшую известность получили радиосценарии О' Нила «Тучи и пламя» («Fire and Cloud») по одноименной новелле Ричарда Райта и «Королевский марш» («Royal March») по рассказу австрийского писателя Андреаса Лацко. Обе пьесы посвящены теме интернационального единения трудящихся.

Пьеса «Тучи и пламя» была опубликована в сборнике «Сцены из американской жизни» («American Scenes», 1941).

Юджин Мур
(Eugene Moore)

Драматург поколения 30-х годов. В сборнике Уильяма Козленко «Сто радиопьес» (W. Kozlenko (ed). «One Hundred Non-Royalty Radio Plays»), изданном в 1941 году в Нью-Йорке, творчество Ю. Мура было представлено двумя пьесами: «Неопознанные» («Unidentified») и «Назад, в 1960-й!» («Back to 1960!»). Обе пьесы были посвящены разоблачению антинародного характера буржуазного строя.

Бенджамин Аппел
(Benjamin Appel)

Известный американский писатель. Родился в 1907 году в Нью-Йорке. В переводе на русский язык опубликован роман Аппела «Крепость среди рисовых полей» (М., Изд-во «Иностранная литература», 1960).

Радиопьеса «Спросите кого угодно» («Ask Anybody in the Neighborhood») была опубликована в 1941 году в сборнике «Сцены из американской жизни».

Родился в 1914 году в одном из беднейших районов Нью-Йорка.

Арнольд Мэйноф
(Arnold Manoff)

Радиопьеса «Телеграмма с неба» («Telegram from Heaven») транслировалась нью-йоркской радиостанцией. В 1941 году была опубликована в сборнике «Сто радиопьес».

В 1942 году Мэйноф опубликовал роман, который также назывался «Телеграмма с неба». В романе использованы многие мотивы радиопьесы, ее главные герои, и написан он в той же форме исповеди главной героини. Критическое осмысление американской действительности, сопоставление ее с опытом социалистического строительства в СССР приводит героиню романа, Сильвию Сингер, к социалистическому мировоззрению.

Норман Ростен
(Norman Rosten)

Родился в 1914 году в Нью-Йорке. Окончил бруклинский колледж. Выступил как поэт и драматург в середине 30-х годов. Темой многих стихотворений Ростена становится рабочее и фермерское движение в стране, борьба испанского народа против фашизма. Стихи Ростена печатались в прогрессивных изданиях, в частности в журнале «Нью Мэссиз». Доброе напутствие молодому поэту — предисловие к первому сборнику его стихов «Вернись, путник» («Return Again, Traveller», 1940) — написал С.-В. Бене. Многолетняя дружба связывала Ростена с Карлом Сэндбергом.

В годы войны Ростен создает большой цикл стихотворений о героической обороне Севастополя. Посвящены эти стихи советскому писателю Евгению Петрову.

В декабре 1942 года по американскому радио передавалась пьеса «Рассказ о Николае Гастелло» («The Story of Nikolai Gastello»), написанная Ростеном совместно с Миллардом Лэмпеллом. 22 февраля 1944 года Си-Би-Эс передала радиопьесу Ростена «О Красной Армии» («Concerning the Red Army»), написанную специально ко дню 26-й годовщины нашей армии.

В годы маккартизма имя Ростена заносится в «черные списки». С тех пор он очень мало издается.

Радиопьеса «Прометей в Гранаде» («Prometheus in Granada») была опубликована в сборнике «Сто радиопьес». По радио не передавалась. Пьеса переведена с незначительными сокращениями.

Уилфрид Петтит (Wilfrid Pettitt)

В 30-е годы несколько одноактных пьес Петтита было опубликовано в виде отдельных изданий. Радиопьеса «Сейлемский кошмар» («Panic in Salem») транслировалась радиостанцией в Беве-ри Хиллз (пригород Лос-Анджелеса), опубликована была в сборнике «Сто радиопьес».

Норман Корвин (Norman Corwin)

Родился в 1910 году в Бостоне. Один из наиболее известных деятелей американского радиокислства. За годы своей работы на радио Корвин создал около ста пятидесяти оригинальных радиопьес (многие — в стихах) и сам осуществил их постановку. Кроме того, им были поставлены десятки радиопьес других авторов. В отдельных случаях Корвин писал к постановкам музыку и выступал в них как актер.

С 1938 по 1948 год работал в отделе драматического вещания Си-Би-Эс.

Первыми работами Корвина на Си-Би-Эс были постановки по произведениям крупнейших американских поэтов — Уолта Уитмена, Эдгара Ли Мастерса, Стивена Винсента Бене. Много раз он обращался к творчеству Карла Сандберга, с которым его связывала личная дружба.

Со своей собственной пьесой Корвин дебютировал в декабре 1938 года, когда в эфире прозвучала его антифашистская сатирическая комедия в стихах «Заговор против рождества» («The Plot to Overthrow Christmas»). Широкую известность принесла Корвину трансляция его второй пьесы — «Они летят по небу» («They Fly through the Air», 1939), посвященной войне в Испании.

В годы второй мировой войны Корвин первым из американских радиодраматургов рассказал в своих пьесах о героической борьбе советского народа.

В 1946 году Корвин, совершивший премиальное кругосветное путешествие, во время которого он побывал в Советском Союзе, работает над большой радиосерией, посвященной укреплению мира и дружбы на земле, лучшему взаимопониманию народов и прежде всего улучшению отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Корвин поддерживает деятельность многих организаций, выступивших против политической реакции в США, а затем и сам становится вице-председателем массовой организации «Прогрессивные граждане Америки», объявленной затем маккартистами «подрывной» и «коммунистической». В 1949 году, занесенный в «черные списки», Корвин вынужден был уйти из Си-Би-Эс.

Несколько лет затем Корвин работал в радиоотделе ООН. В последние годы посвятил себя

работе в театре и кино, а также педагогической деятельности.

Основные радиопьесы Корвина представлены в авторских сборниках: «Тринадцать пьес Корвина» («Thirteen by Corwin», 1942), «Война» («This is War», 1942), «Избранные радиопьесы» («Selected radio plays», 1944), «Новые радиопьесы Корвина» («More by Corwin», 1944), «Без заглавия и другие радиопьесы» («Untitled and Other Radio Dramas», 1947).

Пьеса «Явление богини» («Descent of the Gods») транслировалась в радиосерии «26 пьес Корвина», передававшейся с мая по ноябрь 1941 года. Опубликована была в сборнике «Новые радиопьесы Корвина». Перевод пьесы на русский язык был напечатан в «Журналисте» (1968, № 12).

Радиопьеса «Опасная встреча» («Savage Encounter») передавалась в марте 1944 года. Роль обвинителя исполнял автор. Опубликована пьеса в сборнике «Без заглавия и другие радиопьесы».

Самсон Рафаэльсон (Samson Raphaelson)

Родился в 1896 году в Нью-Йорке. Известный американский драматург. В 1927 году по пьесе Рафаэльсона «Певец джаза» был снят одноименный первый в истории кино звуковой фильм.

Радиопьеса «Генерал Шезлонг» («General Armchair») была опубликована в изданном А. Обо-лером сборнике радиопьес «Free World Theatre», N. Y., 1944.

Арч Обо-лер (Arch Oboler)

Родился в 1909 году в Чикаго. Автор нескольких сотен радиопьес. Основные пьесы Обо-лера представлены в авторских сборниках: «Башня из слоновой кости» и другие радиопьесы» («Ivory Tower» and other Radio Plays», 1940), «Четырнадцать ра-

диопьес» («Fourteen Radio Plays», 1940, «Эта свобода» («This Freedom», 1942), «Пьесы для американцев» («Plays for Americans», 1942), «Обо-леровский сборник» («Oboler Omnibus», 1945).

Стихия Обо-лера — психологическая драма. Излюбленная форма его радиопьес — повествование от первого лица. По такому принципу были построены популярнейшие радиопьесы Обо-лера конца 30-х годов: «Другое я» («Alter Ego») — исповедь девушки с больной психикой, приговоренной к смертной казни за убийство своего жениха; «Безобразнейший человек в мире» («The Ugliest Man in the World») — размышления человека, покушающегося на самоубийство; «Одинокое сердце» («This Lonely Heart») — история взаимоотношений фон Мекк и Чайковского.

Начиная с радиопьес «Порождение Адама» («And Adam Begot», 1938), «Башня из слоновой кости» («Ivory Tower», 1939), «Я буду ненавидеть его» («The Man I Hate», 1939), Обо-лер все чаще обращается к антифашистской теме, которая стала в дальнейшем главной в творчестве драматурга. Именно этой теме были посвящены наиболее значительные его радиопьесы.

Радиопьеса «Ночной полет» («Night Flight») была опубликована в изданном Обо-лером сборнике «Free World Theatre» (1944).

Радиопьеса «В то необычное утро» («Strange Morning») опубликована в «Обо-леровском сборнике». В переводе на русский язык была опубликована в журнале «Демократический журналист» (1970, № 4).

Рэй Брэдбери (Ray Bradbury)

Родился в 1920 году в г. Уокингоне, штат Иллинойс. Известный американский писатель. В переводе на русский язык

опубликованы повести Брэдбери «451° по Фаренгейту», «Марсианские хроники», «Вино из одуванчиков», рассказы.

Радиопьеса «Луг» («The Meadow») транслировалась по радио 2 января 1947 года, затем была опубликована в сборнике лучших американских одноактных пьес 1947—1948 годов («Best One-Act Plays of 1947—1948». Ed. by M. Mayorga).

В 1947 году Брэдбери переработал пьесу в одноименный рассказ (см.: «Иностранная литература», 1963, № 8).

Эрнест Киной
(Ernest Kinoy)

Родился в Нью-Йорке, автор радио- и телевизионных пьес.

Радиопьеса «Ну же, дочка, ну!» («Whistle, daughter, whistle») транслировалась по радио 31 июля 1948 года; была включена в сборник лучших одноактных пьес («Best One-Act Plays of 1948—1949». Ed. by M. Mayorga).

Люсиль Флетчер
(Lucille Fletcher)

Родилась в 1913 году в Нью-Йорке. Писательница, автор популярных радиопьес.

Радиопьеса «Простите, не тот номер» («Sorry, Wrong Number») была написана в 1948 году. Передавалась по радио множество раз. По мотивам этой радиопьесы Л. Флетчер написала позже киносценарий, телефильму, повесть, одноактную театральную пьесу (см. сборник «Их образ жизни», М., «Искусство», 1970).

Радиопьеса «Простите, не тот номер» публиковалась в нескольких американских сборниках драматургии, в том числе и в авторском сборнике радиопьес Л. Флетчер «Простите, не тот номер» и «Попутчик» («Sorry, Wrong Number» and «The Hitchhiker», 1952).

Обри Уисберг
(Aubrey Wisberg)

Прозаик, драматург, публицист. Начиная с 30-х годов опубликовал несколько книг, написанных в соавторстве с Гарольдом Уотерсом.

Радиопьеса «Презрительности судьбы» («Destiny Obscure») была опубликована в 1942 году в журнале «One-Act Play Magazine».

Джером Лоренс
(Jerome Lawrence)

Родился в 1915 году.

Роберт Ли
(Robert Lee)

Родился в 1918 году.

Известные американские драматурги. Начиная с 1937 года, когда и Лоренс и Ли закончили учебу в университете штата Огайо, оба работали во многих вешательных компаниях, являясь авторами, а часто и постановщиками многочисленных радио- и телевизионных программ. В те годы и началось их творческое содружество, которое длится до сих пор. Несколько пьес написано ими для театра. Наибольшей известностью среди них заслуженно пользуется острая социальная драма «...Получит в удел ветер», переведенная на русский язык. Снятый по этой пьесе фильм «Пожнешь бурю» демонстрировался в нашей стране.

Радиопьеса «В голове у мальчишки» («Inside a Kid's Head») опубликована в сборнике «25 радиопьес» («Radio Drama in Action. 25 plays»), изданном Эриком Барноу в 1945 году. Перевод пьесы на русский язык печатался в журнале «Советское радио и телевидение» (1967, № 2). Пьеса публикуется с незначительными сокращениями.

Содержание

И. Попов	
Радиодрама в США	5
Вик Найт	
Серебряный доллар	21
Перевод Р. Рыбаковой	
Арчибальд Маклиш	
Падение города	29
Перевод И. Попова	
Ричард Райт	
Тучи и пламя	46
Перевод И. Зориной и И. Попова	
Юджин Мур	
Неопознанные	61
Перевод В. Рогова	
Бенджамин Аппел	
Спросите кого угодно	72
Перевод В. Рогова	
Арнольд Мэйноф	
Телеграмма с неба	82
Перевод В. Рогова	
Норман Ростен	
Прометей в Гранаде	96
Перевод И. Попова	
Уилфрид Петтит	
Сейлемский кошмар	113
Перевод В. Рогова	
Норман Корвин	
Явление богини	128
Опасная встреча	135
Перевод И. Попова	
254	

Самсон Рафаэльсон	
Генерал Шезлонг	146
Перевод В. Рогова	
Арч Оболер	
Ночной полет	160
Перевод В. Рогова	
В то необычное утро	171
Перевод И. Попова	
Рэй Брэдбери	
Луг	180
Перевод В. Рыбаковой	
Эрнест Киной	
Ну же, дочка, ну!	195
Перевод Р. Рыбаковой	
Люсиль Флетчер	
Простите, не тот номер	212
Перевод Р. Рыбаковой	
Обри Уисберг	
Превратности судьбы	223
Перевод Р. Рыбаковой	
Джером Лоренс и Роберт Ли	
В голове у мальчишки	237
Перевод И. Попова	
Об авторах	249

Падение города

Сборник
американских
радиопьес

Составитель
Игорь Абрамович Попов

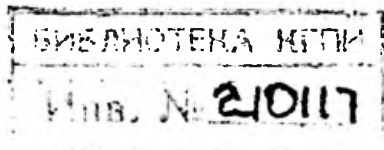
Редактор
Е. С. Сабашникова.

И. Художник
В. Е. Валериус.

Виш. Художественный редактор
Ю. А. Марков.

Ар. Технический редактор
А. Н. Ханина.

Корректор
Н. Г. Антокольская

Ю,

Бе:

Ар

Нс

У,

Н.

Сдано в набор 21/IX-73 г.
Подписано к печати 30/IV-74 г.
Формат бумаги 84×108/32.
Бумага тип. № 1.
Усл. печ. л. 13,44.
Уч.-изд. л. 15,152.
Изд. № 1091.
Тираж 25 000 экз.
Заказ 733.
Цена 95 коп.
Издательство «Искусство»,
Москва, 103051,
Цветной бульвар, 25.
Ярославский полиграфкомбинат
«Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной
торговли.
Ярославль, ул. Свободы, 97.